

Подписной индекс журнала *Двина*
83751

Электронная почта: dvinalit@atnet.ru

Интернет-сайт: <http://writers.aonb.ru/>

Двина

2008 • № 2(30)

Журнал «Двина»

готов оказать помощь пишущим землякам

Принимаются заказы:

- на рецензирование рукописей стихов и прозы, исторических и документальных работ;
- на редактирование художественных и документально-публицистических произведений.

Журнал «Двина»

опубликует на платной основе:

- аннотации брошюр, книг, монографий, не связанных с литературой, а также рецензии на такие издания;

принимает заказы:

- на подготовку к печати буклетов, брошюр, книг (редактирование, макетирование, художественное оформление);

печатает:

- рекламные объявления и материалы, не связанные с тематикой издания.

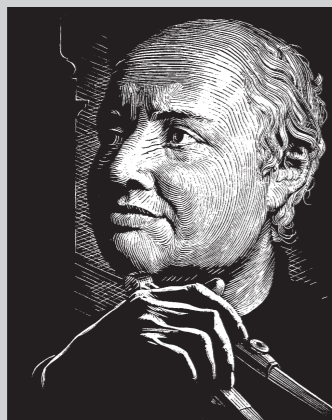
Обращаться по адресу: Архангельск, ул. Выучейского, 18-508.
Телефон: 65-00-38.

Русь моя, люблю твои берёзы!
С первых лет я с ними жил и рос.
Потому и набегают слёзы
На глаза, отвыкшие от слёз...

Николай Рубцов

• В мае – 90 лет со дня рождения архангельского художника **Николая Наговицына**, автора графических портретов М. В. Ломоносова. Представляем работу 1964 года

Николай КЛЮЕВ

КРЕМЛЬ

Отрывки из ранее неизвестной поэмы, написанной в середине 30-х годов в сибирской неволе

Поэт, поэт, сосновый Клюев,
Шаман, гадатель, жрец избы,
Не убежать и на Колгуев
От электрической судьбы,
И европейских ветродуев
Не перемогут лосьи лбы!
Как древен вой печной трубы
С гнусавым вороном-метелью!..

Взгляните на мои седины,
Как на болотные низины.
Где пух гусиный, сизый ягель
И в котловинах плеск наваги, –
Её бичами половодий
Пригнало из морских угодий
В болото, воронам на снесь!
И хоть расчёсывал медведь
Когтистым гребнем черноусья,
Но бороды не вспенил устья
И рябь совиную не вплёл
В загар и подбородка мол.
Нет! Роковая седина,
Как пепла холм, обнажена
Глазам луны, людской скребнице,
И поделом!

(Публикация журнала «Наш современник», № 1, 2008 г.)

Александр РОСКОВ

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Почему я плачу в День Победы,
почему бывает горько мне? –
не терял я ни отца, ни деда,
никого из близких на войне,
и весь год живу, не вспоминая
(будто так и надо) про войну...
А приходит день в начале мая,
день, когда молчит на всю страну
гулко поминальная минута,
то в минуту эту каждый раз,
сам не понимаю, – почему-то
слёзы сами катятся из глаз.
Катятся – и не могу иначе...

Каждый год девятого числа
в День Победы я, наверно, плачу
за всех тех, чьи жизни унесла
та война, за многих, кто не дожид
до Победы, плачу вместо них,
и в стране, наверно, плачут тоже
миллионы – павшие в живых.
Отремит салютами столица...
Триста шестьдесят с довеском дней
будет жизнь сумбурная катиться
по набитой колее своей.
Будут вновь проблемы и задачи
от войны минувшей в стороне.
...Май придёт, и я опять заплачу,
не стыдись,
о павших на войне.

Май 2007 г.

Ольга КОРЗОВА

* * *

Весёлые лица в вагоне.
Цветы и улыбки – всё им.
Девчонки на каждом перроне
Спешат к поездам фронтovým,
Смеются и машут руками, –
Сама молодая весна встречает
Прошедших сквозь пламя,
Пред кем отступила война.
Отчизны развеяно горе,
Стоять ей и ныне, и впредь.
...Но скольким достанется вскоре
От ран фронтовых умереть.

2007 г.

(Продолжение подборки на 20-й стр.)

**Фёдор Абрамов –
25 лет со дня кончины**

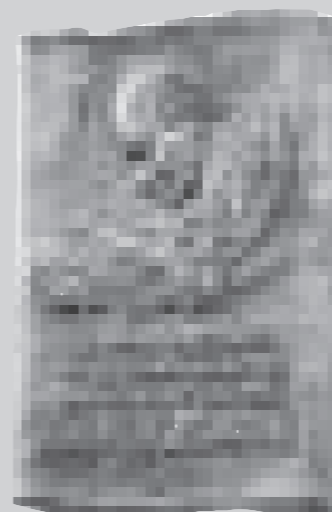
Слово всегда было пу-
теводной звездой че-
ловечества. В слове
сокрыта энергия человече-
ского духа. Словом создавалась
культура, словом ковалась
вера, ковались идеалы.

Фёдор АБРАМОВ

Уважаемый Михаил Константинович!
Сердечно благодарю Вас за новогодний подарок –
«Двину», № 1.
Многое читала со слезами на глазах. До чего мы
дожили? Как спасти русскую деревню и вообще рус-
ских совестливых людей?
Спасибо Вам за Вашу благородную деятельность.
В журнале всегда много интересного.
Порадовал отклик на фестиваль «Родниковое сло-
во» Е. Галимовой. Очень мудрая, смелая, справедливая
статья протоиерея Е. Соколова об Олимпиаде. Да –
«культ тела», и нет заботы о душе, о совести и спра-
ведливости.
Спасибо, что опубликовали заветы Фёдора Абра-
мова «Так что же нам делать?». Как это актуально
звучит сегодня! А кто слышит?
Низкий Вам поклон за Вашу память и продолжение
традиций и заветов Фёдора Абрамова.

С уважением Л. КРУТИКОВА

В Москве на Арбате уве-
ковечена память певца Помор-
ского Севера Юрия Казакова.

Юрий Пахомов, член ко-
миссии по творческому насле-
дию писателя, сообщает, что
этого события ждали четверть
века, «пробивая бюрократи-
ческие барьеры». Справедли-
вость наконец восторжествова-
ла: на доме № 30, где жил
Юрий Казаков, открыта мемо-
риальная доска.

Проект памятника
Степану Писахову

Из работ Е. Зимирева

Графику, живописцу,
скульптору Евгению Зи-
миреву исполнилось 60
лет. С юбилеем, дорогой
земляк! Творческих дерза-
ний!

Иллюстрация к прозе
Фёдора Абрамова

Ольга КОЗЕЛЬ

СЕВЕРНЫЕ СТАРУХИ

У Белого моря веков испокон
Глядят тебе вслед из белёсых окон.
И нет никого –

только чувствуешь взгляд,

Как будто не люди – деревья глядят.
Но мастер чужой стародавней поры
Безмолвную душу упрятал в стволы.
И вырезал руки, надбровья и рот
Из дерева древних забытых пород.
Их корни в трудах от зари до зари:
Что мёртво снаружи, то живо внутри.
Их песни, преданья, их мать и отец
Бессмертны в изгибах древесных колец.
Они просыпаются в раннюю рань.
Резная кровать. На окошке герань.
Часы. Покосившиеся косяки.
На выцветшем снимке сыны-моряки.

Литературно-художественный
и общественно-политический
ежеквартальный журнал

Двина
2008 • № 2 (30)

Лауреат премии
ИМПЕРСКАЯ КУЛЬТУРА

Год
основания
2001

Учредители:

Управление печати и массовой информации администрации Архангельской области и Архангельское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России»

Главный редактор

Михаил ПОПОВ

Редакционная коллегия:

Мария АВБАКУМОВА (Москва),
Елена ГАЛИМОВА,
Александр ИПАТОВ (Северодвинск),
Елена КУЗЬМИНА,
Валерий ЛЕМЕСОВ (Уппсала, Швеция),
Александр ЛОГИНОВ (Каргополь),
Александр РОСКОВ,
Екатерина СИМОНОВА,
Виктор ТОЛКАЧЁВ,
Елена ТРОПИЧЕВА,
Ольга ФОКИНА (Вологда),
Валерий ЧУБАР,
Андрей ЧУКЛИН (Нарьян-Мар),
Инэль ЯШИНА

500 муниципальных библиотек Архангельской области получают журнал «Двина» при финансовой поддержке комитета по культуре областной администрации.

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ

Инга Артеева (*Нарьян-Мар*):
дух тундры

Александр Ипатов (*Северодвинск*):
форпост державы

Ольга Корзова (*Кеноречье*):
мой дом

Татьяна Полежаева (*Савинский*):
открытая душа

Б. Ф. Щепин (*Верхняя Тойма*):
фронтовые дороги

Анатолий Вилегжанин (*Киров*):
от Вятки до Соловков

Елена Кувшинникова (*Ульяновск*):
свет в окне

Юрий Пахомов (*Москва*):
беломорская юность

- © Архангельская писательская организация, авторы, 2008
© Редакция журнала «Северная Двина — XXI век», 2008
© М. К. Попов — обложка, макет, дизайн, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

• Поэзия

Александр Ипатов «Форпост державы»	3
Александр Яшин «Окопные строки»	10
Игорь Парсов «Матери слова»	15
Ольга Корзова «Старые стены»	19
Инга Артеева «К тёплым дням»	31
Елена Кувшинникова «Свет в окне»	49
Иван Тартычный «Перед рассветом»	50

• Проза

Александр Дышловой «Витёк», рассказ	12
Татьяна Полежаева «Инструкция для идиотки», рассказ	16
Александр Поленов «Исполнение желаний», новелла	20
Фёдор Абрамов «Жуковка, или Русская сказка» (наброски рассказа). Предисловие и публикация Л. В. Крутиковой-Абрамовой	23
м. Евфимия (Е. В. Пащенко) «День Победы», рассказ	29
Юрий Пахомов «Южный берег Белого моря», рассказы	32

• Литературоведение и критика

Валерий Ганичев, Николай Дорошенко «Полвека служения Родине»	2
«Небесные врата» (о книге архимандрита Трифона «Слава Богу за всё»)	21
Автор Елена Галимова	21
«Немилость судьбы как дар судьбы» (о книге Валерия Есипова «Варлам Шаламов и его современники»), «Атомный щит» (о книге Олега Химаныча)	22
Автор Михаил Попов	22
«Подвижница – от слова «подвиг» слово о Л. В. Крутиковой-Абрамовой) Автор Михаил Попов	28
Александр Твардовский «Каждые 5–6 лет перечитываю «Войну и мир» (публикация Василия Матонина)	41
Василий Коркин «Дороги сердца – перепутья борьбы» (воспоминания об Иване Молчанове)	42
Публикация Леонида Левина	48
«Книга-2007», библиография	48
Нас объединил «Гандвик»	52

• Публицистика и очерк

Б. Ф. Щепин «Посреди войны», записки фронтовика	5
Анатолий Вилегжанин «По Двине в Заполярье – путём предков», дневник экспедиции	37
Наталья Букан «Встреча через полвека»	53
Добрый свет «Светилена» (автор Любовь Шаповалова)	55

Авторы фото: А. Афонин, Н. Лаврентьев,
Ф. Фатьянов, С. Ярыгин

Полвека служения Родине

Беседа председателя Союза писателей России Валерия Ганичева и главного редактора газеты «Российский писатель» Николая Дорошенко

– Валерий Николаевич, мы вступаем в год 50-летия Союза писателей России. И уместно будет вспомнить некоторые наиболее важные смыслы истории этой, выдержавшей немалые испытания на прочность, творческой организации. Но начать, видимо, надо с вопроса: что явилось причиной создания писательского Союза в республике, у которой даже своей компартии не было? Нужна была ещё одна идеологизированная творческая структура, соответствующая административной карте страны?

– Об идеологической структуре ещё скажу, а начну с причины создания нашего Союза, с того, что даже и главному идеологическому ведомству страны не учитывать было уже нельзя.

Итак, только такая беда, как война, могла изменить национальную политику государства, где русские, если перефразировать Ярослава Гашека, долго воспринимались не как народ, а как та тайная организация, которая то ли нежелательна, то ли вообще запрещена. Но война способствовала возрождению национального самосознания, да и за многие десятилетия после революции произошла ротация власти, она стала более народной, более национальной. Хотя процессы изменения её природы, как мы можем судить по политическим противостояниям конца 80-х–начала 90-х годов, были не так уж и однозначны.

Тем не менее, именно в 1958 году, в январе, стал выходить журнал «Урал», имевший большое значение для литературы одного из крупнейших регионов нашей страны. В апреле начал выходить даже «Русский журнал» (представить, что он стал бы выходить тремя десятилетиями раньше, просто невозможно!), а также газета «Литература и жизнь», которая с 1963 года была преобразована в «Литературную Россию». В сентябре Москва стала местом проведения IV Международного съезда славистов.

То есть это было время некоего духовного сосредоточения страны, проявления в её жизни более или менее внятной русской основы. Что – я это особо подчеркиваю – позволяло повысить статус другим национальным литературам России: и младописьменным, и давно имевшим свои высокие классические образцы, как например, татарская литература.

Ведь если вспомнить, как русский читатель воспринимал своими национальными писателями

(Продолжение на 44-й стр.)

Александр
ИПАТОВ

ФОРПОСТ ДЕРЖАВЫ

ОТ АВТОРА

Наш город заслуживает того, чтобы о нём не только говорили, но и писали стихи, пели песни, снимали фильмы...

Наш город замечателен тем, что здесь живут замечательные люди, что здесь сходят со стапелей лучшие в мире подводные лодки, тем, что наш Николо-Корельский монастырь старше Соловецкого на полвека, тем, что в районе Паранихи археологами обнаружена стоянка с останками жилищ эпохи Неолита, тем, что у нас есть свои небесные покровители: святые Ефимий, Феликс и Антон и, как следствие, своя городская икона, а с 2004 года у города есть свой гимн, и ещё тем, что у нас нет ни одного дерева, выросшего само по себе, – все мы посадили и вырастили сами...

ЮНГАМ СЕВЕРНОГО ФЛОТА

Налетит свежий ветер –
и опять, как тогда:
мы не юнги, а дети.
Вот такая беда...

Вот такая кручина
нам досталась с тобой:
стать в пятнадцать мужчиной –
и за Родину в бой!

Не смотри, что безусый,
что сгущёнку люблю –
в корабельных искусствах
я не меньше рублю.
А в мальчишеском тельце
есть морская душа
и огромное сердце –
что мешают дышать!
Не смотри, что безусый –
буду жив – отрастут...
Жизнь бросает по курсу
с полубака на ют.
Полотенцем побрился,
ноги в руки, а там...
...может, очередь фрица...
...ты спаси меня, мам!
Налетит свежий ветер –
и опять, как тогда:
мы не юнги, а дети.
Вот такая беда...
...Я надеюсь на чудо:
пережить мать с отцом...
И ПОБЕДУ увидеть
поседевшим юнцом.

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

...Третий тост – как обычно,
но ещё есть завет
и моряцкий обычай:
помнить тех, кого нет.
Арифметика горя
и солёной волны:
погружений поболее –
всплытий меньше, увы...
Но надёжней, чем кто-то,
море тайны хранит,
жизнь подводного флота
неприметна с земли.
Помянем поимённо
всех сегодня, старпом...
А в ответ отдалённый
резкий чайный стон.
Глубина снова манит...
Дифферент на нос...
И – сотни метров над нами,
и Господь нас храни...
Присягнувших однажды
и навечно тому:
в погружении каждом
отвечать за страну.
Командир... был отличный...
помяни, старшина.
Третий тост – как обычно,
но и этот до дна...
За матроса – по капле –
и до края стакан!

Помянём всех, не так ли?..
Не молчи, капитан!..
У подводного флота
за сто лет набралось...
Вот такая работа –
я российский матрос.
Я подводник, серьёзно.
Вкус заборотной воды
солонее, чем слёзы,
и не слаще беды.
Глубина снова манит...
Дифферент на нос...
И – сотни метров над нами,
и Господь нас храни...
Присягнувших однажды
и навечно тому:
в погружении каждом
отвечать за страну.

* * *

Хочу сказать о Родине
хорошие слова.
Совсем простые вроде бы,
как небо и трава.
Банально и
бесхитростно...

*Александр Васильевич Ипа-
тов родился в 1952 году в г. Мо-
лотовске, ныне Северодвинск.*

*Выпускник Литературного
института им. Горького. Автор
нескольких поэтических сборни-
ков, создатель полнометражно-
го музыкально-поэтического
фильма «С высоты птичьего по-
лётка», посвящённого подводному
флоту и колыбели его – Северо-
двинской судовой верфи. На его сти-
хотворение написан гимн Северо-
двинска, многие стихи Алек-
сандра Васильевича положены на
музыку, исполняются с эстрады,
звучат по радио и телевидению.
Он лауреат премии им. Рубцова,
Третьего международного кино-
фестиваля «Мы из подплава».
Член Союза писателей России.*

*Работает в северодвинском
издательстве «Северная неделя».*

Наверное...

Но вот –
они такие чистые,
как море и восход.
...Я выводов не делаю,
мне интересен цвет.
Лишь наше море – Белое,
а все другие – нет!

ГОРОД МОЙ

Город мой приютил
разгулявшийся ветер,
ну и я им двоим
навязался в друзья.
Я учился – любить
здесь, на улицах этих,
в подворотнях твоих
постоять за себя.
Город мой! Ветер мой!
Я готов поделиться:
мне не жалко любви,
мне не жалко тепла.
Город мой распахнул
белоснежную птицей
над землёй и над морем
два роскошных крыла.
Серебрится луна,
или солнце сияет
над извечно спешащей
беломорской волной,
и прощальное эхо
в крике чайчиком тает,
повторив многократно:
город мой, город мой...
И зимой, и весной,
и изменчивым летом,
и в осенний короткий
и неяркий денёк
на твоих площадях
трудно быть не поэтом,
вот и я вроде тоже,
получилось, не смог...

г. Северодвинск

Когда
мы были
народом

Б. Ф. ЩЕПИН

ПОСРЕДИ ВОЙНЫ

ЗАПИСКИ
ФРОНТОВИКА

«Удивительное свойство памяти: вдруг выхватить из глубин какую-то картинку. Как сейчас вижу: в атаке впереди меня командир бежит, а вещмешок за спиной у него болтается тощій-тощій... Пока писал, от таких вот живых картинок начинали дрожать руки. Оставлял ручку, старался успокоиться, чтоб продолжить».

Когда Б. Ф. Щепин (а дружны мы с ним несколько десятков лет) попросил подредактировать его воспоминания о былом, согласился сразу. Но сократить или править его рукопись не поднялась рука. Его ранило за месяц до моего рождения. И этим всё сказано. А талантом рассказчика природа наделила Бориса Фёдоровича щедро. И рассказ о войне написан без прикрас, так что править мне и не пришлось...

**Владимир ФОКИН, журналист,
с. Верхняя Тойма**

«Жизнь моя, иль ты приснилась мне?..» Эти слова великого поэта, наверное, все повторяют, когда достигают определённого возраста. Вот и я, видимо, подошёл к той черте (мне сейчас почти 85 лет), когда тянет вспомнить давно прошедшее: детство, юность, родителей, родную деревню. Наверное, так бы и дожил, как мои предки, с этими воспоминаниями до конца дней своих. Если бы... не война.

НАДО ИДТИ НА ВОЙНУ!

Известие о начале войны застало меня в городе Горьком (ныне – Нижний Новгород). Накануне сдал последний экзамен за третий курс автомобильного техникума. Отоспавшись и в добром настроении вышли с друзьями пройтись по городу...

Учиться было трудно: на одну стипендию 30 рублей в месяц особо не разгуляешься. И хотя основным блюдом на обед был хлеб со сладкой водичкой, но жили и осваивали сложные предметы по специальности, читали духовнообразующие книги. А поскольку преподавали очень интересно, то и русский язык, историю и литературу знали и любили.

Видим: на улице, где висит громкоговоритель, – смятение. Толпа людей пополняется бегущими прямо по цветочным клумбам, и видно, что все в тревоге. Поспешили и мы. Услышали только последние слова (это было выступление В. М. Молотова): «...Враг будет разбит, победа будет за нами!» С этого момента вселилось в душу какое-то особое чувство тревоги, оно требовало что-то предпринять, что-то сделать. И это смятение чувств не оставляло меня до конца войны.

За время летних каникул не покидала мысль: «Надо идти на войну!» Мысль эта возникла не от патриотических призывов (слова пропаганды и военной агитации почему-то не достигали сознания), а откуда-то изнутри, видать, из генной памяти, всплывало то, названия чему я не мог определить тогда. А всё объяснялось просто: предшествующей жизнью (кино, книги) мы были подготовлены к защите родной земли.

О своём замысле родителям ничего не сказал. По окончании каникул уехал из дому, и, как оказалось, надолго...

Приступили к занятиям на 4-м курсе, а разговоры с товарищами только о войне. (Удивительно, но сохранился студенческий билет: прошёл со мной все бои. Храню его как реликвию). Помимо учёбы по программе техникума все мы осваивали военные специальности: девушки учились одновременно на санитарок, парни – на телеграфистов (работали на ключе, зубрили азбуку Морзе), некоторые занимались в аэроклубе. Но образовалась группа студентов, которым хотелось сейчас, и немедленно, попасть на войну.

Первый поход на войну закончился бранью военкома в наш адрес: «Видите, что делается: без вас народу тьма-тьмушная. Ждите – ещё навоюется». Но не терпелось, и через недели две опять туда пошли. Встретились с пожилым капитаном, он толково всё объяснил и посоветовал идти в райком комсомола.

А в райкоме нам поставили условие: иметь родительское согласие на добровольное вступление в

армию – благословение отца и матери! Думаю сейчас: как им трудно это далось – отправить сына добровольцем на фронт, через какие душевные муки пришлось перешагнуть: ведь от их решения зависело, пойдёт ли сын на фронт или останется пока в тылу. Какими словами выразить, как передать чувства матери, посылающей сына на войну. Вот оно, русское мужество!

Я – КРАСНОАРМЕЕЦ

С 27 сентября 1941 года я – красноармеец и отправлен к месту формирования части для прохождения службы. Никто меня не провожал. День был пасмурный, с дождиком. Грусть одолевала. Денег хватило лишь на булочку с гребешком – дешёвую и очень популярную у студентов той поры. На вокзале вагоны подали пассажирские, видимо, в знак особого уважения к добровольцам.

Подготовка солдата много времени не заняла: война идёт. Но всё-таки изучили устройство личного оружия, стреляли по целям, строго экономя патроны, метали гранаты (болванки), занимались строевой подготовкой, делали марш-броски, рыли окопы, то есть всё самое необходимое для начинающего солдата нам преподали и показали.

И в ночь на новый 1942 год отправились строем на вокзал, а там команда: «По вагонам!» Ночь была морозной, и казалось, что проходим очередную подготовку к предстоящим действиям в условиях холода, ожидая подачи вагонов часа два на ветру. Вот и они, телячьи вагоны, пока пустые. Ропот недовольный послышался, мол, как так, безобразие... Но командирский приказ сделал своё дело, а на следующей станции ждали нас стандартные доски, напиленные строго по размерам вагона, и вмиг появились нары-лежанки в два яруса на 40 человек. Дальше едем, и вот уже печки железные получили, дров в достатке... Освоились с вагонной жизнью быстро. Выдали сухой паёк, но особо хотелось бы отметить заботу о рядовом солдате, выразившуюся в организации в дороге горячего питания. Ведь в то время на фронт двигались сотни эшелонов. Как всех накормить? Но раз в сутки обязательно кормили горячим. На какой-либо безвестной станции эшелон останавливался, и в два захода человек по 500 разом заводили в столовую-ангар, где были столы из свеженпиленных досок, застолье человек на 15 и обед (или завтрак-ужин, как придётся) из трёх блюд. После такой заправки (пусть и в любое время суток) лежишь себе на нарах и в ус не дуешь. Тут и анекдоты кажутся смешными, и тётчины блины в воспоминаниях соседей не кажутся такими уж жирными, да и перспективы службы видятся более светлыми.

ЕХАТЬ ДАЛЬШЕ НЕКУДА – ВПЕРЕДИ ФРОНТ

Три недели пути, проведённые в тепле и сытости, расслабили: хотелось ехать и ехать, но дальше ехать было некуда: дорогу перегородил фронт. Состав прибыл на станцию Жихаревка, что около Ладожского озера, последняя станция в том направлении, куда доходили поезда. Высадились ночью. Ночь эта, первая фронтовая, запомнилась

особо. Мороз градусов под 30. Укрыться негде. Деревянные дома разрушены: этот населённый пункт только что отбили у немцев. До противника – километра два или меньше. Холодно. Звёзды и те кажутся замёрзшими. В небе где-то гудит одинокий самолёт. Изредка видны следы трассирующих пуль. Ещё ничего боевого не произошло, но страх подбирается. Может быть, от полной неизвестности: бродим, словно всеми забытые, разговариваем почему-то вполголоса, а от командования – никаких приказов. Куда привезли? когда двинемся? зачем мы здесь?..

Идём цепочкой один за другим. Молча. Лесом. Справа от цепи раздаётся взрыв снаряда (позднее оказалось – мины). Далеко ли, близко ли – не ясно, но бросаемся в сторону врассыпную. Во время пути такое повторяется раза три. Страшно. Это потом мы привыкнем к подобным обстрелам, а пока – первая встреча с разрывными минами. Как объяснили командиры, это беспокоящий обстрел по квадратам, чтоб мы не спали, не отдыхали. Так началась моя фронтовая жизнь.

Утром всё прояснилось. После команды «По ротам!» попали в тёплый барак. Позднее узнали: это бараки посёлка торфяников. Получили винтовки, гранаты, валенки, ватные штаны и телогрейки: утепились по погоде. И после дневного отдыха в ночь цепью туда, что называется передовая. Винтовки собраны на поле боя. Себе выбрал со штыком, почистил основательно.

Ночью обязательно перемещались куда-то, и только цепью. Обустроивались. А всё обустройство – это костерок. Небольшой, но такой родной и тёплый. Пожарче развести нельзя: враг-то рядом. Если притихнет с вечера наш бивак, то слышна чужая речь. А в лесу звуки не так слышны, значит, противник где-то рядом. Потому сучья на костёр собирали, стараясь далеко не отлучаться. Трудно ночью на морозе спать у костра. Спину подставлял и вмиг задремал. А там и до беды недалеко: шинель прогорит до телогрейки. Ноги в валенках к костру протянул – беда может случиться ещё большая: прожжёшь подошву. Тогда остаётся одна надежда – с убитых обуви снимать: им-то валенки уже ни к чему. Их тела складывали недалеко в одно место, а потом вывозили в ближний тыл.

Первая, вторая, третья ночь без сна, а так спать хочется, что засыпаешь на ходу (и такое, оказывается, возможно). Всю ночь у костра не просидишь, да и товарища нужно пустить погреться, место тёплое уступить. Пробежками согревались. Раз побегал по тропке, да подальше. На повороте обратно почудилось, что откуда-то храп доносится. Туда-сюда дёрнулся – точно храп, да какой! Смотрю: землянка, вход плащ-палатками завешан. Винтовку при входе положил, а сам сверху на спящих упал. Брань послышалась, где какую-то чужую мать помянули, тумак слева, пинок справа, но что это в предвкушении сна. Втиснулся на земляной бруствер, заменивший нары, и мгновенно забылся.

Спал воистину мёртвым сном, лучше, чем у мамы на каникулах. Проснулся, а в землянке никого уже нет. Мысль о винтовке... На месте!.. Подхватил её – и искать наших. А там уже и сухари поделили, и по сто граммов «наркомовских» разливают... (название «фронтовые сто грамм» после войны прижилось, похоже, увеличившись многократно).

Трудно в «секрете» стоять. Заводит тебя командир взвода в лесу в кусты, которые укрыть солдата могут, и видимость есть. И даёт наказ: если отсюда пойдут (ночь, не разберёшься) – это свои, если – с той стороны: стреляй без предупреждения. Выстрелы мы услышим. «А как я?», – спрашиваю. «Действуй по обстановке. Часа через два сменим», – слышу в ответ.

Стою. Мороз. Ночь ясная. Поляна хорошо просматривается. Слышен гомон людской. Язык чужой. Наконец и там угомонились, всё стихло. Абсолютный холод и покой. Начинаю замерзать, но не убежишь: служба!.. Переступаю с ноги на ногу, но так, чтобы снег не скрипел и меня не выдал.

Чувствую, давно уже стою, пора бы уже и смене быть: вон уже и звёзды переместились куда-то в сторону. Нарушаю правило: винтовку к дереву приставил и разминаю руки: совсем заоченели в трёхпалых рукавицах. Мороз меж тем до костей пробирает, околеваю. Уже не до маскировки: наклоны делаю, приседаю – не помогает. Где же смена? Уже и ночь на исходе, и рассвет начинает брезжить... Решаюсь на преступление: покидаю пост, иначе замёрзну окончательно, по старым следам выбираюсь к своим. Нашёл. Комвзвода делает удивлённое лицо: «Мы ж тебя искали и не нашли: забыл в какую чащобу тебя сунул». А я уже и винтовку в руках держать не могу, локтем к боку прижимаю. За мои страдания ночные уже не сто, а сто пятьдесят граммов водки наливают, сухарём закусил, чуть позднее и термос с горячим принесли. И ожил солдат! Такова совсем не героическая, а скорее будняя фронтовая жизнь в мороз под ёлками.

НАСТУПИЛ ЧАС В БОЙ ИДТИ...

Но наступил наконец час и в бой идти, хотя до наступления мелкие перестрелки были, как были и потери. Роту собрали на поляне. Командир роты ставит задачу: через болото (оно замёрзло, и снегу по пояс) атаковать немецкие укрепления. (Потом узнаем, что их бруствер, сделанный из смёрзшихся сучьев, снега и воды, добротнo укрывает от пуль). Следом за ротным выступает политрук. Призывает смело идти на врага. А меня мандраж берёт. На месте стоять не могу, кручусь в толпе. Да и многие сослуживцы тоже не стоят спокойно, а двигаются беспорядочно. (Раньше я стеснялся рассказывать о своём совсем не героическом состоянии перед наступлением, пока не прочитал стихотворение Семёна Гудзенко, а потом услышал эти стихи в исполнении Василия Ланового:

*Когда на смерть идут – поют,
А перед этим можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою –
Час ожидания атаки.*

Поступила команда: «Повзводно, по местам!» Всё заранее размечено. Движемся короткими перебежками, волнообразно. Дружно кричим: «Ура-а! За Родину! За Сталина!» Подъёмы и падения волнообразными как-то не получаются. Не дружно с земли поднимаемся. Любой полусгнувшийся пенёк кажется надёжным укрытием, и хочется хоть на секунду лишнюю задержаться под его защитой или,

того лучше, в воронке. И вот уже всё смешалось, несмотря на «матерь» командиров, пытающихся поддержать порядок. Даже «Ура!» дружным не получается. Я же пока добросовестно деру глотку и, как мне кажется, кричу громче всех.

Продвигаемся вперёд, и свист пуль всё чаще. Но откуда стреляют – не видно. Спускаемся с какого-то угорчика в глубокий снег. Стоны и крики о помощи раздаются всё чаще и громче. Передовые цепи уже на поляне (замёрзшем болотце). Идти дальше невозможно: сплошной свист пуль. Падаю в снег и аж зарываюсь в него: голосов становится не слышно да и посвиста пуль – тоже.

В январе день короток, смеркается рано. Ещё и мороз до костей пробирает. Ползу обратно. Попадаете такой же бедолага: вместе веселей. Добираемся до своих. «Вы что: команду «Отбой!» не слышали?» А мы-то страху натерпелись и от свиста пуль, и от того, что не выполнили приказ. Кто-то собирает раненых и убитых, мы же двинулись поближе к кухне, хотя знаем, что ста граммов уже не будет (а как надо!..) – выпили утром. Но мыслишка радостная где-то в глубине: «Живой!..» Бога тогда ещё не поминал.

На ночь устраиваемся поближе к костру, но приказ поднимает: идти цепью куда-то лесом... То ли ближе к своим, то ли дальше в лесную глушь – не ведаем. Вот и привал. Осваиваем новое место. Оглядываю вокруг всё внимательно, не повезёт ли снова на землянку... Увы...

День прошёл, второй, третий ли. Снова сбор на лесной поляне. Дозаправка патронами, проверка наличия гранат. Поступила дополнительная команда снять вещмешки: мешать будут... Из мешка перекалдываю самое нужное в противогазную сумку, а противогаз по примеру других выбрасываю. И снова ставит задачу командир роты, к героизму призывает политрук. И как в прошлый раз – холодок по спине, тревожное беспокойство да стремление двигаться, не вслушиваясь в смысл речи. Смысл-то один: бей врага, иди вперёд!

Исходная позиция на опушке какой-то заснеженной поляны, недалеко на угорчике сосновый бор. Опять дружное «Ура-а-а! За Родину! За Сталина!». Потом кричим кто во что горазд. Я никого не слышу и, как мне кажется, опять кричу громче всех. Падаю в очередной раз, чтобы пропустить вторую цепь поднявшихся и делающих рывок бойцов. Падая, удачно угодил в воронку, а перед ней ещё и какой-то трухлявый пенёк. Хорошо устроился, потому немного задержался, но командир тут как тут: «Мать твою... Щепин, вперёд!» (Я на учениях отличился в стрельбе по цели, наверное, потому и запомнил фамилию).

ПЕРВОЕ РАНЕНИЕ

Тут уж все страхи куда-то исчезли, и я понёсся вперёд. С этого момента был в каком-то полусне: инстинкт сохранения жизни, скрепы биологические ослабли, и даже происходившее дальше вспоминается какими-то урывками, с пропусками. Сколько раз поднимались в атаку, какие команды были – не помню. Помню ещё, как стрелял с колена из винтовки в предполагаемого противника, а точнее в их сторону. Но что удивительно: соображал по ходу боя правильно: не полез на открытую

поляну, а свернул влево, где лесок погуще (а может, выполнял команду?). Свернул, а там полно таких же «сообразительных». Неожиданно увидел перед собой совсем близко бруствер ледяной. Кто-то кричит: «Гранату!..» А на поясе у меня подвешено две гранаты РГД, я и забыл про них. Но не так-то просто воспользоваться ею. Нужно положить винтовку, сдёрнуть рукавицы, снять с пояса гранату, достать из специального карманчика на телогрейке запал, вставить его в гранату и встряхнуть, чтоб поставит на боевой взвод... Только после этого кидай без задержки. Но хорошо летом на учениях болванку бросать, а попробуй-ка зимой в снегу в телогрейке и шинели всё это быстро и правильно проделать...

Моя граната немного не долетела, упала перед бруствером. После взрыва немец на секунду показался и бросил свою гранату с длинной ручкой. Я же всё это время стою, как мне казалось, один-одинёшенек. Кругом бой идёт, у всех свои дела, а мне всё кажется, что я один, и весь сосредоточен на своей задаче. Снял с пояса вторую гранату... Видимо, тогда и разорвалась почти рядом немецкая. Опередили-таки фриц...

Очнулся я, когда санитар руку перевязывал. От него услышал, что спина вся осколками изорвана. Но спина-то как раз и осталась цела, в клочьях оказались шинель и телогрейка.

По указателям с красным крестом до полковой санчасти сначала полз, а потом, осмелев и очухавшись, поднялся. Оглянулся на покидаемое редколесье, а оно казалось красным от крови и застланным шинелями. Так тесно мы шли, наступая, и такой след после себя оставили.

Поднявшись на ноги и постепенно распрямляясь и ускоряя шаг, понял я, что остался жив, что вырвался из этой круговерти. Как тут душа восторжествовала, пело тогда всё во мне!..

От санчасти полка до санбата предложили ехать на лошади, но счёл, что доберусь и пешком: ноги-то целы.

А в медсанбате получилось у меня вовсе не по-солдатски. После основательной обработки и перевязки ран, кружки горячего чая и ласкового замечания сестры: «Какой молоденький!..», я расплакался. Видимо, сказались напряжения предшествующих дней и счастливая развязка – живой! Для солдата нет выше награды, как из боя выйти живым. Было это 29 января 1942 года.

Дальше – полевой госпиталь. Всю одежду сдал в жарилку, а свежее бельё да чистая постель на три дня уложили в сон с подъёмом только для приёма пищи. Ранение же было тяжёлым, с повреждением костей, потому вскоре отправили меня в тыл в город Березники Пермской области. (А «Ура!» я кричал в бою, видимо, здорово, в полный голос, так как в санбате не говорил, а только хрипел и сопел... И боль была в животе и в мышцах...)

Уже потом, когда стал интересоваться событиями того времени, узнал, что в январе 1942 года началась так называемая Любаньская операция – наступление частей Ленинградского и Волховского фронтов по прорыву блокады Ленинграда. Прорыв Второй ударной армии завершился трагедией, она оказалась в окружении и почти вся погибла. Поисковики утверждают, что отыскивали в тех местах уже около 30 тысяч солдатских останков, а поиск всё не закончен. Мог бы и я там сгинуть...

МИМО ДОМА, НА ВОСТОК...

Тут надо прерваться в последовательности воспоминаний. По дороге в тыл находился город Котельнич, железнодорожная станция, от которой всего двадцать километров до родной деревни. Сказали, что стоянка будет 20 минут. Я бросился на вокзал в надежде – не встречу ли кого из знакомых. И точно – встретил, дальнюю родню! Первым делом – новости, естественно: кто и где воюет, кто жив, кто убит, а кто вернулся по чистой... И вот ведь русская душа: вываливает мне все продукты из своей сумки, которые, видимо, только что по карточкам получила. И, как ни отказывался брать, – навалила, заставила!.. Видимо, считала, что раз с Ленинградского фронта, значит, из блокадного Ленинграда, потому – голоден... Да и видок, видать, у меня был соответствующий.

Дальше произошло следующее. В тот же день до моей деревни донеслось, что Катя Сычёва видела Бориса Щепина с санитарного поезда, рука у него на перевязи. Для деревни конечно же такое известие – событие. По-своему на это отреагировал мой 16-летний брат: раз Борис ранен, то его должен заменить на фронте он, Герман. Сухари у брата были уже заранее наготовлены. Мешок за плечи – и на первый попавшийся поезд, идущий в сторону фронта. Дома – переполох: слёзы матери и сестёр, насуленное лицо отца, пока кто-то из одноклассников не раскололся и не рассказал о замысле Германа отправиться на фронт. В милиции, куда отец обратился, всё поняли и быстро приняли меры: сняли Германа с товарняка, идущего на запад, уже за Вологдой. Больше недели семья не спала и волновалась, мать молила Бога и лила слёзы, пока на закате дня не застучали на крыльце подмёрзшие валенки Германа.

Пришёл срок. Брат был призван в армию 9 апреля 1942 года, ранен и контужен 7 февраля 1944 года. После войны закончил пединститут, историк. Дай Бог ему здоровья и долгих лет жизни.

А между тем поезд мой шёл всё дальше на восток, пока не достиг пермского города Березники. В госпитале лечили энергично, кормили сытно, письма ходили часто, одно огорчало: осколок в кисти правой руки никак не давался хирургам, так и живу с ним с тех самых пор. Там же в Березниках хотел поступить в пехотное училище, но не взял из-за осколка в руке. Вскоре приехал новый вербовщик из Перми, который стал зазывать в военно-медицинское училище, а точнее – в школу фельдшеров (срок обучения с двух лет там был сокращён до года). После моего согласия отправили туда вместе с историей болезни, там и долечивался в базовом госпитале.

Учение давалось легко, видимо, соскучился по занятиям, да и на фронт уже так рьяно, как раньше, не рвался. Но как же трудно было привыкать к виду людских страданий, обширных ран (среди курсантов случались и обмороки при виде крови), обнажённых тел, особенно женских. Бывало немало и комичных ситуаций, когда на амбулаторный приём приходила красивая девушка и её домашний адрес оказывался сразу у нескольких курсантов, которые появлялись в воскресный день одновременно у её квартиры. До рукопашных разборок не доходило, зато смеялись достаточно.

На практических занятиях по терапии больше

всего доставалось моему животу. В то время я был очень худ – не поправился ещё после студенческой жизни, поэтому на теле не было ни жиринки и ничто не мешало проводить пальпацию, т. е. прощупывание рукой расположения органов. Каждый курсант старался попрактиковаться на таком доступном экземпляре и определить, где находится печень или петля кишечника.

Хоть и непродолжительным было обучение, но главному нас научили: оказанию первой медицинской помощи в полевых условиях и находить возможность срочной эвакуации пострадавшего до медсанбата, от чего часто зависело спасение человека.

Вручили нам свидетельства о завершении курсов, где была сноска, что сей документ действует наравне с дипломом, какие выдаются при окончании средних учебных заведений. Это обстоятельство весьма пригодилось мне после войны при поступлении в сельхозинститут (автодорожный-то техникум до войны я так и не успел закончить и имел на руках лишь справку: «Прослушал, обучался...»).

СНОВА – МИМО ДОМА, НО НА ФРОНТ...

После окончания училища по дороге с востока на запад в сторону фронта состав проходил снова мимо моей станции Котельнич. И ещё больше, чем в первый раз, захотелось встретить кого-либо из родных или увидеть человека с нашей щепинской земли, передать с ним своим родным, может быть, последний привет. Эшелон, к которому был прицеплен наш медицинский вагон, в Котельниче оказался в пять часов утра. Хоть по часам и раннее утро, но в декабре – это ещё глухая ночь. Какая-то неведомая сила одолевает: надо встретить земляка! Припомнил, что где-то рядом со станцией живёт наша дальняя родственница, мужики, вывозя зерно по хлебозаготовкам, у этой женщины всегда останавливались, чтобы чаю или пива выпить. К походу этому ещё с вечера готовился, с друзьями разбирал возможные варианты. Большинство товарищей были против моей отлучки: не успеешь на свой эшелон, отстанешь, значит, подозрение в дезертирстве, мол, сбежал, оказавшись в родных краях. И всё же решил...

Остановка состава. Прыжок на землю и – бегом по пустынным улицам. Нашёл домик, с трудом достучался: хозяйка только что встала с постели. Взаимные приветствия, обоюдная радость от встречи, расспросы: как, откуда? Короткие ответы: «С эшелона. На войну». Времени на разговоры нет, потому успел сказать лишь главное, что жив, почти здоров и еду на фронт. Наташка (так звали её все наши деревенские жители) корову держала (тем и жила семья), откуда-то достала бутылку водки, пару огурцов и – конец пятиминутной встречи. Вот она, наша российская душа: самой есть нечего (четверо ребятишек), а солдату в дорогу отдаёт последнее. Не перестаю удивляться русской добротой!..

В вагон свой успел только-только... У товарищей моих – восхищение: ну ты даёшь! И радость: по глоточку к завтраку будет, оживимся... Не сомневался я и в том (и не ошибся), что известие о встрече быстро дойдёт до моей деревни, где всё обсудят. У мамы (папу мобилизовали в трудовую армию на

авиазавод) и деда с бабкой – радость: ехал, весточку дал, живой... Шла война, и все ждали вестей, и как же радовались, когда весть доходила, да от живого, пусть и проехавшего мимо дома.

Что значит для солдата дать с войны весточку о себе, говорит такое мое наблюдение. Уже на фронте в перелеске, где мы остановили машины, накануне наступала пехота. На пашне – убитый солдат, уткнулся ничком. Рядом винтовка, правая рука в сторону вытянута, а в ладони письмо треугольное зажато. Видимо, в оставшиеся минуты жизни помнил о главном: о семье, жене, детях и последним усилием, смерть почуяв, достал письмо, надеясь, что эта весточка с войны дойдёт до родных и близких. Более чем полвека спустя не могу без слёз вспоминать эту картину. Художнику бы подсказать тему для полотна!..

Третья встреча с Котельничем состоялась тогда, когда я уже отвоевался, возвращался инвалидом в 1944 году, чуть живой. Но это не было концом моей войны: после почти полугодового пребывания дома меня снова призвали в армию (сгодится и

такой!), да областная комиссия направила в госпиталь, где девять месяцев велась борьба врачей за моё выживание.

ВСТРЕЧА С МОСКВОЙ

Столица, куда прибыл наш эшелон, встретила нас порядком, военными патрулями на каждом шагу. Это и понятно: давно ли фашистские войска толкались в ворота Москвы, доходили до критически малого расстояния в 27 километров. В первый же день знакомства с городом мы все оказались в комендатуре: форма наша, одежда и обувь не соответствовали знакам различия: зелёные стройбатовские бушлаты, ботинки с обмотками и... кубики в петлицах, что соответствовало званию лейтенанта – вид далеко не офицерский. Но в то время в кладовых военного ведомства Перми не нашлось соответствующего обмундирования, поэтому экипировали в то, что было. Когда разобрались, из комендатуры нас отпустили, а дня через три и одели в форму, какая полагалась молодым офицерам. Не стыдно стало и к девушкам подойти, чем мы сполна воспользовались. Сапоги, правда, были хоть и не хромовые, но чистили их до зеркального блеска.

Назначение я получил в Рыбинск, во вновь формирующийся миномётный полк. Офицеры в основном после госпиталей, а рядовой состав... Тут надо сделать пояснение. Долго не догадывался, откуда рядовые: в штабе ничего не говорили, с солдатами общался мало – не болели. Много позднее узнал от командира полка и особиста, что все семьсот человек из лагерей, из числа заключённых. С каждым пачка бумаг в папке с надписью «ДЕЛО №...». Когда пришла пора ехать, эти дела сожгли.

Упомянул я о факте формирования нашего полка из числа заключённых с той лишь целью, чтобы показать, что люди эти честно и храбро воевали, и не требовалось никаких заградительных отрядов. Пример этому – прорыв через горящий Богдухов и срыв немецкой танковой атаки. Кстати, орден полку был вручён как раз за эту операцию.

О тюремном прошлом им никто не напоминал и не попрекал. С одним из однополчан, башкиром Вали Хабибулиным, фронтовой случай свёл и сдружил на долгие годы. Он сопровождал меня куда-то (а вот куда – запамятовал), и попали мы под ужасную бомбёжку, сопровождаемую ещё и артиллерийским обстрелом. Укрылись в небольшой воронке: земля тряслась, нас не единожды засыпало землёй, но судьба пощадила. После этого испытания встречались уже как друзья, а после войны переписывались до самой его смерти (царство ему небесное!). Три раза виделись на встречах однополчан корпуса, армии. На этих встречах вспоминали и Рыбинск, и страшные бомбёжки, и тех, кто полёг по дороге до Праги. Более двух десятков однополчан писали мне письма (на встречах я был за штатного фотографа), только в последнее время писем уже не получаю ни от кого, кажется, все ушли в мир иной: умер комполка М. П. Шадура, нет и друга Вали Хабибулина. Уж не я ли последний?.. Из офицеров полка я был самым молодым, 20 лет исполнилось мне на Курской дуге.

(Окончание следует).

Александр ЯШИН

ОКОПНЫЕ СТРОКИ

ТРИСТА МОРЯКОВ

Отряд краснофлотцев в триста штыков
По гарнизонной тревоге
За город вышел.
Держать врагов
На серой степной дороге.

На выжженных скатах к реке родной,
На пыльных волжских высотах,
Куда прорвалась порою ночной
Фашистская мотопехота.

Сошли с кораблей, лишь день на восход,
И спшиблись с врагом на марше.
Упёрся немец – ни взад, ни вперёд,
Ни взад, ни вперёд и наши.

А той порой, в поту и в пыли,
Из чащ трупоб еловых
С полковником Гуртьевым к Волге шли
Сибирские звероловы.

Родимцев гвардейские вёл полки
От Ахтубы к переправе,
Гороховцы шли – на весу штыки –
К победной гвардейской славе.

И город всё ощутимей крепчал,
Упорство его нарастало,
Тогда уже он в бессмертье вступал,
Тогда уже немец страшиться стал
Его площадей и кварталов.

Отряд краснофлотцев в триста штыков
Не дрогнул в боях ни разу.
И скоро прославленных моряков
Вернули на флотскую базу.

Орлов запылённых встречал адмирал,
Видать, его сердце сжалось:
Он молча шагнул к ним,
Он всё уже знал
И всё-таки вздрогнул, когда увидал,
Что девять их только осталось.

1942

* * *

Назови меня именем светлым,
Чистым именем назови –
Донесётся, как песня, с ветром
До окопов голос любви.

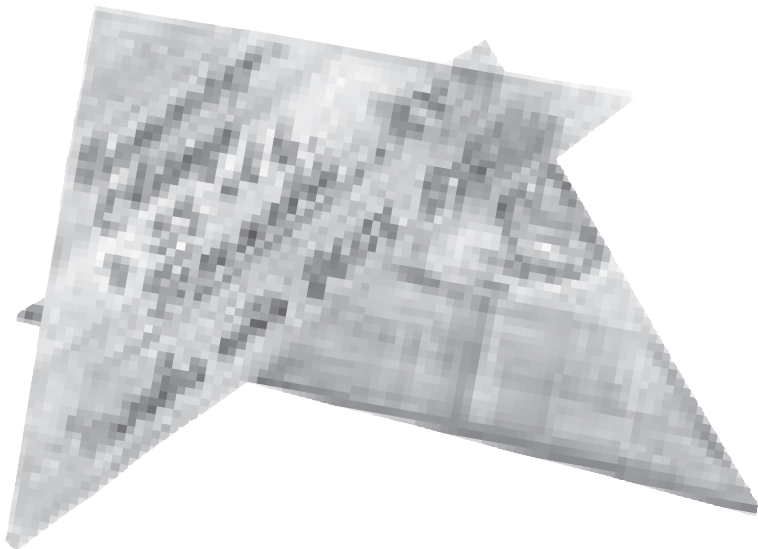
Я сквозь грохот тебя услышу,
Сновиденья за явь приму.
Хлынь дождём на шумную крышу,
Ночью ставни открой в дому.

Пуля свалит в степи багровой –
Хоть на миг сдержи суховея,
Помяни меня добрым словом,
Стынуть буду – теплом повея.

Появись, отведи туманы,
Опустись ко мне на траву,
Подыши на свежие раны –
Я почувствую,
оживу.

1943

★ Полевая почта 43-го года

«Драться будем как положено...»

Из писем рядового бойца Шамиля Галимова

9 сентября 1943 года

Здравствуйте, дорогая мама и родные!

...Недавно был у нас праздник: нашей части вручили гвардейское знамя. ...Нахожусь в Курской области, недалеко от Украины. Работаю телефонистом, работа ничего, нравится. Ребята у нас хорошие, дружные. Среди них человек 8 узбеков и казахов. С ними я разговариваю на своём родном языке. Добрые ребята.

Ну а зенитные пушки наши тоже хорошие, первоклассные. (Это те самые пушки, которые по самолётам бьют, такие же, как у нас за сараем стояли: помнишь?) Бьют крепко и точно. Наша батарея одна из лучших: уже 10 самолётов сбили.

...Ну и командиры здесь золото, а не люди, не то что у нас в училище. Хорошие командиры, простые. Относятся к бойцам как к равным, по-суворовски, по-братски. Поэтому и чувствуешь себя здесь отлично, в сто раз лучше, чем в училище. Несмотря на занятия, свободного времени много. Всё это, конечно, сейчас пока стоим на отдыхе. Как будем на фронте, не знаю. Но мы, новички, не подкачаем, гвардейского имени в грязь не уроним, драться будем как положено. Обо

мне не беспокойся, мама. Будь счастлива. Пиши. Целую. Сын Шамиль.

14 сентября 1943 года

Пишу вам с дороги. Сейчас стою на станции вот уже почти сутки. Едем на открытой платформе. Находимся км в 150 от Харькова. До фронта ещё дня два езды. ...Спим прямо на платформе, под открытым небом, под машинами. Дни здесь ещё тёплые, солнечные, ходим в гимнастёрках, но вот ночью страшно холодно, даже под шинелью не уснуть. Ну а в остальном хорошо. С ребятами не скучно. Только иногда по вечерам, когда ребята наши поют песни, вспоминаю дом, вас всех, тебя, мама, и всё родное, что я оставил там, на Севере. Скоро ли вновь придётся свидеться, Бог знает... Как жизнь в городе, не бомбили ли вас?

27 сентября 1943 года

...Здесь мы стоим уже несколько дней. На той стороне Днепра – немцы, на этой – наши. Но немец уже бежит, скоро мы его догоним до самой границы. Ну в остальном всё по-старому. Живём хорошо, ну а сама уж там понимаешь, как живут на фронте, питание хорошее. Между прочим, здесь немец бежал здорово. До самого

Днепра км по 20–30 в день драпал.

Только то плохо, что письма отсюда довольно трудно отправлять, так что если долго не будешь получать письма, не беспокойся. ...Следующее письмо напишу уже с той стороны Днепра.

А это письмо написано в день ранения Шамиля Галимова.

12 октября 1943 года

С горячим фронтовым приветом!

Я очень обеспокоен, что от тебя, мама, нет писем. Уж не больна ли ты? При первой возможности напиши весточку, чтобы веселее было, а то ведь я ничего о тебе не знаю. Не скучай очень-то, так уж приходится, ничего не поделаешь...

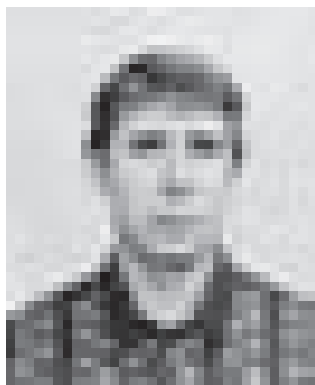
Сам я жив и здоров. Живём неплохо, и питание тоже хорошее. С ребятами сдружился, много новых товарищей. На днях переправились через реку Днепр и здесь били немцев. Здесь на Украине всё ещё тепло... Ну, о нас не беспокойся, дела наши идут хорошо, уже Киев рядом, скоро выйдем оттуда немчуру.

Жду, дорогие, от вас письма. Письмо из дома будет для меня огромной радостью. Пишите. Крепко обнимаю и целую вас всех, ваш сын Шамиль.

Шамиль Загирович Галимов – солдат Великой Отечественной войны, студент Архангельского пединститута, школьный учитель, преподаватель ПГУ, литературный критик, член Союза писателей России. Десять лет его уже нет с нами...

Александр Григорьевич Дышловой родился в 1965 году в Кабардино-Балкарии. На Север привела армейская служба. Живёт в д. Большой Бор Онежского района, работает сварщиком. Женат. Сын – студент, дочь – школьница. Первые литературные опыты напечатаны в газете «Онега».

Александр ДЫШЛОВОЙ

ВИТЁК

РАССКАЗ

Родился я в красивом городке с интересным названием – Прохладный, некогда казачьей станице, упомянутой ещё Алексеем Толстым в трилогии «Хождение по мукам». Этот город пережил войну, немецкую оккупацию и поэтому многое помнил...

Отчим вёл меня по улице, держа за руку и строго поглядывая по сторонам. Когда мы переходили улицы, на которых в то время было уже довольно оживлённое движение автомобилей, он крепче сжимал мою ладошку.

– Сашка, – просил отчим, – матери ничего не говори...

Я в знак согласия кивал, чувствуя себя взрослым человеком. Наш путь лежал в пивную, именуемую в народе «Три богатыря». Мать наставляла: «В забегаловку ни шагу! Сашка, смотри за ним!» Я давал клятвенное заверение, что буду призывать к совести отчима, что мы будем обходить стороной зланные заведения. Но... направлялись мы с отчимом именно туда, где пахло пивом, воблой, где разговоры лились рекой и мало, кстати, кто напивался. Мужики были сыты разговорами, а мы, де-

тишки, наслаждались свободой, предоставленной нам внезапно подобревшими отцами.

– Вот тебе десять копеек, – сказал отчим уже в пивной. – Сходи, купи себе мороженое. Я буду здесь – здесь и найдёшь меня.

Небольшой участок заасфальтированной площади, зажатый со всех сторон магазинами, назывался пяточок. Я был богат, в кармане лежали заветные десять копеек – взятка отчима за моё молчание. Но я не сразу пошёл покупать детскую радость, а побродил по пяточку. Приветливо улыбнулся милиционеру, который добросовестно исполнял свой долг, прохаживаясь по вверенной ему территории, потом зашёл на маленький базарчик, где торговали свежими овощами и фруктами.

Остановившись у стеклянного ларька, который всегда привлекал моё внимание, я стал рассматривать чудеса, выставленные на полках. Открытки с киноактёрами, которые приветливо мне улыбались. Деревянные резные ложки. Зажигалки разных видов, сигареты... Тогда особенно ценился «Казбек» – самая желанная добыча ребят. Только не сами папиросы, а коробка, именно она представляла огромную ценность. В неё можно было столько всего спрятать.

Сзади что-то зашумело. Оглянувшись, я увидел маленькую тележку, на которой сидел мужик. Он умело держал в руках утюги – были раньше такие: одни напоминали пасть крокодила, открывались, и туда засыпались горящие угли, другие просто литые. Последними и отталкивался мужик от асфальта; резко, сильно, как лыжник на пробеге. Руки напрягались, вздувались бугорки мышц на груди. Взмах – и тележка быстро подкатилась к ларьку.

– Пачку «Беломора». Пацан, подай деньги, – мужик протянул мне монеты. Только тут я заметил, как он мал ростом. Взрослый человек был ниже ребёнка, и хотя его фигура выделялась крепостью, он не мог дотянуться до окошка ларька.

– Уснул, что ли?

Я принял деньги, продавщица пересчитала их и протянула пачку папирос.

– Пожалуйста, – несмело подал я «Беломорканал».

– Спасибо, шкет.

Мужик сунул пачку в карман и поехал к тому месту, где торговали мороженым. Нам было по пути. «Шур-р-р» – шумели железные шарики в обойме подшипников, приспособленные вместо колёс. Как быстро ехала тележка! Я едва за ней поспевал.

Резко повернувшись, мужик сделал манёвр руками и пристроился рядом с продавщицей мороженого. Та ему приветливо улыбнулась, а он, сняв обтрёпанную кепку-восьмиклинку, положил её на обрубки ног.

– Фруктовый щербет, – протянул я мороженщице десять копеек. В моих руках оказались заветный бумажный стаканчик, наполненный холодной сладостью, и три копейки сдачи. Зажав в пальцах деревянную палочку-ложку, отошёл в сторонку и стал с наслаждением поглощать розовое холодное мороженое.

Тут раздался звон мелочи. Какой-то военный, купив мороженое, остатки от сдачи бросил в кепку мужика. Тот приветливо улыбнулся.

– Погулял, видать, Витёк вчера, сейчас быстро накидают на опохмелку, – шепнула тётка, торговавшая пирожками, своей соседке-мороженщице.

Судачили они тихо, но из их разговора можно было понять, что инвалид-фронтовик – человек семейный, у него есть жена и трое детей.

Мелочь в кепке инвалида прибывала, а моё мороженое, наоборот, убывало. Но меня радовало то, что в кармане лежали ещё три копейки, а это целый стакан газированной воды, который можно получить, бросив денежку в узкую щель автомата. Он стоял неподалёку и соблазнительно подмигивал горящими огоньками.

– Жаль мужика, – вздыхала толстая тётка. – Иной и здоровый не знает, как прожить, а этот – калека, а не тужит. Ох уж эта война...

Она покопалась в железной баночке, достала мелочь, подошла к мужику.

– Выпей, Витёк, за упокой моего мужа... Не вернулся с войны, сколько лет прошло... Выпей... – И ссыпала мелочь в кепку.

Чувство растерянности охватило в тот момент меня, а ещё, наверное, вины. Мне и моим сверстникам, по счастью, не досталось того, что испытали взрослые. Но от их боли, застывшей в глазах, – в глазах этих женщин, этого покалеченного мужика – было никуда не деться. Я несмело подошёл к тележке и бросил в кепку свои три копейки – бросил молча, не найдя подходящих слов, и побрёл к пивной.

– Берегись! – раздалось позади. Витёк с силой налегал на утюги, нагоняя меня. – Давай, шкет, наперегонки! – Его радость передалась мне, и мы помчались к «Трёх богатырям», я – улюлюкая, он – шурша колёсами подшипников и брякая утюгами об асфальт.

Дорога пошла вниз, Витёк, разогнав свою тачку, уже не махал руками, а я нёсся во всю прыть, придерживая на ходу синюю пилотку с большой красной звездой, которую должен был надевать при каждом выходе в город.

– Шевели поршнями! – скалился Витёк. Но я отставал – мои ноги оказались слабее его рук.

– Ничего, – успокаивал он меня потом, – у тебя всё впереди. Вся жизнь твоя, шкет!

Подъехав к крыльцу пивной, Витёк расстегнул широкий ремень, который удерживал его культи и, опираясь всё на те же утюги, стал карабкаться по ступеням.

– Чего тарачишься, – весело улыбнулся он мне на самом верху, – дверь открывай.

Витька в пивной знали хорошо; мужики загалдели, кинулись на помощь. Двое самых крепких подняли его на руки, поднесли и усадили на стул. Стул не был таким высоким, и Витёк нелепо выглядывал из-за стола, блестя лысиной.

– На такси, Витёк?... – ржали мужики. Инвалид не обижался, он гоготал вместе со всеми:

– На полуторке прикатил – за снарядами.

– Снаряды ныне платные, ха-ха-ха, – хмыкал полный мужчина, сидящий рядом с Витьком.

– Вот мы сейчас и затаримся по полной программе, – отшучивался тот.

– Смотри, чтобы перегруза не было, – мой отчим сидел тоже за тем же столиком и весело принял настроение компании.

Мужики выпивали, разговаривали за жизнь. Говоря о высоком, приводя примеры из истории, они тут же «бухались на землю» и ругали жён, которые не дают им вздохнуть полной грудью, постоянно понукают, как лошадей. Кто-то пытался

заступиться за женщин, говоря, что без них мир будет не столь ярок. Кто-то заводил стихи о любви, но на таких цыкали – в пивной торжествовал патриархат.

Заведовала пивной точкой Зина-стопочка, тощая, худощавая жёнка, которая была и продавцом, и официантом, и уборщицей в одном лице. Краснея от непристойностей мужиков, она иногда срывалась:

– Ишь, стервецы, разгулялись! Не шибко гонору – не шибко!

Наступала тишина, но длилась она недолго, обычно Витёк и заводил мужиков, увлекая их в шумный разговор. Посмеивались и над ним, но на каждую шпильку он давал полный отпор.

– Ты мне скажи, Витёк, – спрашивал полный дядька, за глаза его звали Сайкой. – Вот у тебя трое детей, и ни одного похожего на тебя фигурой.

Витёк начинал издали:

– Ясно, что непохожи. Батька-то у них росточком не вышел, а они все под два метра вымахали. А ежели поставить моих сыновей в ряд, да снять с них штаны, да посмотреть на копии, которыми я их наградил. Кто скажет тогда чего против?

Все смеялись, а я в то время не мог понять: какие копии и в каком они месте находятся? Но мужики ржали как лошади. А то просили Витьку «почесать пятки», и он рассказывал:

– Лежу я на кровати, и кажется мне, что ноги у меня выросли. Ей богу, даже одеяло топорщится. И так пятки зачесутся, что просто спасу нет. Протяну руку, нащупаю и чешу... Вот ровно только сапоги скинул и портянки размотал. Такая благодать...

Не мог я мужиков понять. Человек без ног, это горе, а они регочут. Да ещё балагурят, что ноги Витька бегают сейчас где-то за молодыми девками под Будапештом. Будапешт вспоминал и сам Витёк – именно там его война сделала калекой, но все слова его несли непонятный для меня оттенок иронии.

– Так оно было, – рассказывал Витёк, хорошо захмелев. – Я ведь всю жизнь на колёсах – до войны, в войну, да и сейчас – сейчас даже лучше: прав-то орудовцы не спрашивают. Ха-ха-ха!

– Ты у нас водила с большим стажем! – поддакивал Сайка – полный дядька.

– А то! – залихватски отвечал Витёк. – Пол-Европы проехал. Не то что пехота – прошагала в пыли. До самого Будапешта машина меня везла, а дальше сказала, что ноги надо иметь... ха-ха-ха, чем на педали нажимать, – обманула, стерва.

Витёк скупо вспоминал, как его ранило, как он выскочил из машины и тут же попал под авиабомбу. Апоем его рассказа был медсанбат.

– Очухался я, ребятки, не помню, на которые сутки, – рассказывал он. – Лежу почему-то на животе. Что со мной случилось – не понимаю. Спрашиваю соседа по койке: «Куда меня ранило?», тот отвечает: «В непотребное место». Какое такое непотребное место? А руки все в бинтах, не ощущать себя – чего осталось целого? Лежу – горюю. Сестрички бегают и, чего-то посмеиваясь, язвы, на меня смотрят. Всё, думаю, самое главное мужское место потерял. Жить мне чего-то расхотелось в то время, – Витёк хмыкнул. – Дождался я ночи, стал ворочаться – одну руку почувствовал, а в нужное место направить её не могу, для проверки, да и

проверять чего-то раскотелось. Начал я одной рукой простынь рвать – верёвку делать...

– Так ты знал, что тебе ноги отпилили? – встрял в рассказ Сайка.

– Знал, – Витёк махнул рукой: мол, чёрт с ними, с ногами этими. – Главное достояние, думалось, врачи по ошибке отчекрыжили. С того верёвочку и вью. Соорудил петельку, привязал к спинке кровати, голову засунул и набок скатился. А тут сестра вошла – та самая, которая с ухмылкой на меня смотрела. Закричала, запричитала, что мужики слабые пошли, мы их лечим, а они в петлю лезут. Сбегала, позвала хирурга, тот мужик строгий: «Чего ты, стервец, делаешь? Люди и без ног живут – руки, голова целы». Я ему – про главную заботу... а он плечами пожимает: «Ноги мы тебе ампутировали, руку одну сильно зацепило, но поправится она. А то место... Сам видел, оно в целости и сохранности, ни одной царапины». Сбегал лекарь за спиртом, налил мне полстакана, с того я и уснул.

– Так какое тогда место было? – не понял Сайка.

– То, на котором сейчас сижу. Ха-ха-ха! – Витёк смеялся. Смеялись все вокруг. – Жадное оно оказалось до железа: двенадцать осколков из него выковыряли, с того на животе и лежал.

– Повезло тебе, – посочувствовал отчим.

– Задница спасла, – разразился смехом Витёк, – прикрыла, так сказать, в трудную минуту!

Балагурили мужики долго, пока Витёк не принял грустную кружку. Его душа заплакала, из глаз потекли слёзы. Воспоминания потащили его в бездну.

– Сука-война! – ревел он. И жалел Витёк не себя – друзей, которые остались лежать на чужбине. Имена их пылали огнём, ярким пламенем освещая пивную:

– Серёжа, Вася, Саня, Николай... – плакал Витёк, поминая павших друзей-товарищей.

Потом Витька выносили на руках, усаживали на тележку, привязывали ремнём – «Всё, Витёк, отвоевался, домой пора» – и готовили в путь. Достав из кармана калеки верёвку, кто-нибудь из мужиков привязывал её к специальному крючку, ко-

торый был накрепко привинчен спереди тележки, и двое-трое брались за конец и везли Витьку домой. И снова раздавался шум подшипников, который заглушала песня фронтовика:

Артиллеристы – нам Сталин дал приказ.

Артиллеристы – зовёт Отчизна нас.

За слёзы наших матерей...

Витёк сбивался, захлёбывался воздухом, понукал мужиков и, забываясь, крутил руками воображаемый руль машины.

– Вынеси, родная...

Чудилась ему война: ехал он не на тележке, и не тащили его мужики на прицепе, а крутил баранку на своей полторке, на которой он проколесил пол-Европы.

Мы с отчимом и с полным дядькой по кличке Сайка шли сзади. Мужики были угрюмы. А на меня почему-то напал смешок, до того нелепо крутил Витёк воображаемую баранку.

– Смешной он, этот Витёк, – брякнул я и тут же получил подзатыльник от отчима.

* * *

Витька я видел ещё два года. Учась в школе, мы бегали на пяточок всё за тем же розовым мороженым.

Однажды донёсся знакомый шум тележки. Витёк ехал и пылал гневом. Каждый год ему нужно было проходить медкомиссию, чтобы удостоверить свою инвалидность. Злой он и катил сейчас из больницы, и слова, вперемежку с матами, прокладывали ему дорогу:

– Что за люди?! Каждый год им покажи, не выросли ли у меня ноги. Мать-перемать...

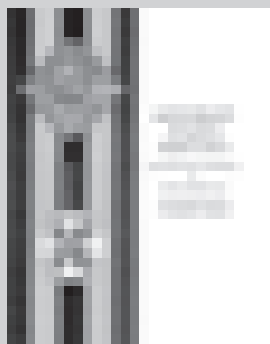
Так он и выкатил на главную дорогу, думая о своей боли, не заметив тяжёлую грузовую машину. Раздался скрип тормозов. Витька бросило под передний мост, откинуло к заднему мосту и вышвырнуло на дорогу.

Машина стала. А колёсики подшипников его таратайки всё ещё крутились.

*д. Большой Бор,
Онежский район*

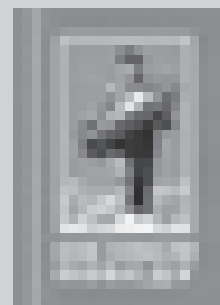
КНИЖНАЯ ПОЛКА «ДВИНЫ» • КНИЖНАЯ ПОЛКА «ДВИНЫ» • КНИЖНАЯ ПОЛКА «ДВИНЫ»

«...Медаль за бой, медаль за труд»

• Героям Русского Севера посвящён альбом «Военный орден Святого великомученика и победоносца Георгия». Это первая публикация именных списков кавалеров ордена, удостоенных награды с 1769 по 1901 годы.

• Предприятие «Звёздочка» (п/я № 2) возникло через 10 лет после войны. Однако первыми рабочими и инженерами судоремонтного завода были либо фронтовики, либо труженики военного тыла. Им, отстоявшим Отечество, посвящена книга «Они ковали Победу». Многих, чьи портреты представлены в издании, уже нет на свете. Тем отраднее, что на предприятии не забывают ветеранов.

Обе книги выпущены Издательско-полиграфическим предприятием «Правда Севера»

Проза
и поэзия —
отражения
времени

Игорь ПАРСОВ

МАТЕРИ СЛОВА

Игорь Леонтьевич Парсов перешагнул 60-летие. Родом из Ивановской области. С 1968 года, после воинской службы, живёт в Северодвинске. Специалист по электро-, радиоаппаратуре. Стихи пишет с юности. Автор нескольких поэтических сборников. Лауреат премии имени Рубцова.

* * *

...И я удержаться не мог,
С улыбкой спросил, не строго:
— Вот будь Он сегодня не строг,
Просил бы ты что у Бога?
— Любви я хочу попросить.
А что же ещё попросишь,
Чтоб с радостью тело носить,
Не зная о том, что носишь.

* * *

Становится всегда не по себе,
Как-будто всё
Давно в тебе недужит,
Когда на улице
И в собственной судьбе
Тоска-метель
Беснуется и кружит.
Как сумрачен таинственный напев
Угрюмой и метельной непогоды.
Как этой непогоды грозен гнев,
Сулящий миру
Кары и невзгоды.
Когда однажды
Мне — и раз, и два —
Покажется,
Что в жизни нет просвета,
Я вспоминаю матери слова,
В которых, мне казалось,
Смысла нету.
«Ничто на свете не произойдёт,
Не сделается вдруг,
Без воли свыше.
Ни волос с головы не упадёт,
Ни глупый воробей
С покатою крыши».

* * *

Такие сказочно-небесные,
Родные сердцу россиян,
Заполонил поля окрестные
Никем не сеянный бурьян.
В полях, взывая к нашей совести,
Грустны и редки песни птиц.
Всё это будет зваться повестью
Неперевернутых страниц.
С печалью взглянет проезжающий
На затяжную эту грусть,
Услышав голос,
Душу жалящий
И равнодушный: «Ну и пусть».
Могли бы вы, хоть на мгновение,
Предположить, татарин, лях,
Что вновь на Русь
Придёт безвременье
И так задержится в полях?

* * *

«Нету ни покрышки ей, ни дна!» —
Говорят о ней зимой и летом.
Но сюда дороженька одна,
И отсюда, значит, только эта.
И никто сюда не забредёт,
Не заедет кто-то по ошибке,
Как не поспешит на первый лёд —
Тонкий, голубой, тревожно-зыбкий.
Дождик летний мочит даль полей,
И кому-то жалуется птица
Над притихшей родиной моей:
Скоро ли, когда же прояснится?
И не оттого ль, что воздух свеж,
Ясно докатилось до сознания,
Что толпой несбывшихся надежд
Всё бредут за мной воспоминанья.
Кажется, как будто никогда
Не было здесь радостно и мило,
Что всегда гуляла здесь беда
И одна судила и рядила.

* * *

От воспоминаний не уйти,
Убежать от них не в нашей воле,
Коль в начале долгого пути
Были речка, лес, заря и поле.
Грусть и сказку тайную полей,
Лес и речку я не позабуду.
Не подвесить к памяти моей
Гири равнодушия по пуду.
Я уверен, родина в конце,
В сне последнем, явится мне раем,
С тёмным силуэтом на крыльце,
С тихой смиренностью окраин,
Где мальчишка, вытащив ерша,
Радуетя жизни в день воскресный.
И тогда опять моя душа
Встрепенётся радостью небесной.
И сравнив пришедшее в конце
С тем, что вижу в сдержанной печали,
Догадаюсь, с грустью на лице,
Почему я весел был в начале.

* * *

Не случилось со мной ничего.
Уж давно ничего не случается.
Оттого и обидней всего,
Что без повода буду печалиться.

Ничего не случилось со мной.
 А покой и безделье не радуют.
 Но однажды, метельной зимой,
 Вдруг услышу, как яблоки падают.
 Вновь услышу друзей голоса
 На закате у озера тихого,
 Где, темнея, пугают леса
 Ожиданьем тревожного, дикого.
 Среди мыслей ночных и тревог,
 Среди радостей мелких и прочего
 Беспокойный костра огонёк
 Посещать меня станет настойчиво.
 И в безмолвную зимнюю ночь
 Уж не будет печали без повода:
 Всё, как было, припомню, точь-в-точь,
 И комарика вспомню, и овода...

* * *

Значит, стаи ворон накричали,
 Понакаркали, видно, они:
 Смутен стал горизонт и печален,
 И бесшумно прибились дни,
 Дни короткие серого цвета,
 Дни, в которых волнует одно –
 Пахнет воздух настойчиво чем-то,
 Но прошедшим, прошедшим давно.
 И осталось от бабьего лета –
 Светло-серенький неба сатин
 Да затёртая в строчках поэтов
 Невесомая нить паутин.
 В заскучавшей округе ни звука,
 И на всём вековая печаль.
 Серовато-дождливая скука
 Пеленой затуманила даль.
 Если сутками дождиком веет,
 В пору самую волчком завить.
 Я не мог никогда, не умею
 Это зыбкое время любить.
 Звуки лета, небесные звуки
 И душистые вздохи полей
 Скоро сменит предвестник разлуки –
 Улетающий плач журавлей...

* * *

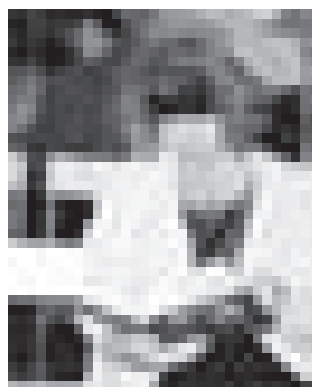
Однажды лишь увидевшее свет
 Всё долго жить готовится весной.
 И жить по малой мере тыщу лет –
 У озера, на поле, под сосною.
 А я к тому одно желаю, чтоб
 Среди ещё не очень старых сосен
 Опущен в землю был со мною гроб
 И в этот день была не поздней осень.
 Хочу, чтоб солнца брызнули лучи,
 Осенним поздним утром, на огарок
 Всю ночь горевшей медленно свечи –
 Судьбы моей столь образный подарок.
 Ведь если непогода, – где резон,
 Чтоб люди вдруг ещё и увидали
 Во время таких скромных похорон
 Под небом серым плачущие дали?
 Я не хотел бы, даже если б мог,
 Перед уходом вам давать советы.
 Могу лишь пожелать – храни вас Бог,
 Не верящих и верящих в приметы.
 Как в детстве, поутру, в начале дня
 Пусть вам покажется, что всё ещё возможно.
 Как некогда бывало у меня:
 Не ясно было, сказочно, тревожно...

г. Северодвинск

Татьяна ПОЛЕЖАЕВА

ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ИДИОТКИ

РАССКАЗ

Татьяна Серафимовна Полежаева – уроженка Вилегодчины, по профессии геолог, в составе поисковых партий обходила-объездила всю страну. Автор нескольких поэтических сборников, книги прозы, посвящённой полевым маршрутам юности, стихотворной книги для детей. Лауреат премии имени Рубцова. Член Союза писателей России.

Марийка была ребёнком счастливого детства – ни в чём отказа: ни в любви, ни в шоколаде, – семья жила дружно и в достатке, имела шикарную квартиру, машину и яхту во времена, когда даже велосипед многим казался роскошью... а жизнь у моря?! ...да что там говорить!!! Наверно, поэтому Марийка выросла хрупкой, как былинка, беспечной, как птичка, и одаренной, как странница. Много путешествовала, училась, встречалась с разными людьми... и стала художницей, за художника же и замуж вышла.

Началась самостоятельная жизнь, один за другим от безумной любви появились дети. Маруся всем сердцем любила семейство, бесконечно любовалась то детьми, то мужем – ей важно было всё время с кем-либо из них находиться рядом, особенно с мужем, и бывало, что в любовании близкими она забывала приготовить обед или ужин... В конце концов, всю хозяйственную деятельность в доме возглавил муж, тоже художник... между прочим.

А времена пришли... ни в сказке сказать ни пером описать: отец умер, и яхта исчезла, и машина исчезла, и квартира исчезла... а на море вековой отлив сделался. Пришлось поселиться далеко от моря в лесной деревенской глуши, поближе к огороду с картошкой, в родовом бабушкином доме, где ещё нестарая мать помогала с хозяйством и детьми, а Маруся с мужем начали работать в школе. Жили трудно, всё, что можно было продать из техники и недвижимости, было продано, дошла очередь до мотоцикла. Мать нашла в соседней деревне покупателя, тот, на Маруськину беду явился, когда она в доме была одна. Сидела на крыльчке с красками, напевала вполголоса – перспектива... до горизонта луг, солнце дрожит в каждой травинке... и всё великолепие перед тобой: дом дед строил с умом, на самом угоре... так бы побежала, побежала, взмахнула крылами и... полетела! Полетела, полетела, закружилась под голубым небесным куполом...

– Эй, хозяйка, здесь мотоцикл продают?!
 – Здесь! – очнулась Марийка, с трудом возвращаясь из поднебесья на крылечко к мольберту.
 – Так покажи! – настаивает незнакомец, притормозив у калитки.
 – Идёмте в сарай, – с готовностью радушной хозяйки приглашает его Марийка в гараж. Парень осматривает железного коня основательно, и так и эдак, ощупывает детали, кажется, все до последней гайки проверил.
 – Машина отличная! Отец перед смертью многие узлы заменил, половина деталей совершенно новые... а что не успел, вот... – со знанием дела демонстрирует Муська спрятанную матерью в укромное место коробку с деталями.
 – Да, слышаны – знатный механик был отец-то твой, а мать-то где?
 – Уехала в город навестить тётку.
 – Одна, что ли, хозяйничаешь?
 – Приходится, – просто ответила Маруся.
 – А муж где?
 – Увёз детей в гости к своей матери.
 – Одна, значит, – уточняет гость.
 – Одна, – подтверждает Марийка. – Ну что, берёте или нет?
 – Да взял бы, но боюсь, запчастей не все подойдут, у меня такой же монстришка дома... надо бы кое-что примерить. Может, дашь? Свою примерю и вернусь. Подойдут, возьму не торгуясь, а? – по-свойски, подмигивая чёрным глазом, уговаривает простоватый парнишка многоумную Марийку.
 – Хорошо! – простодушно соглашается Марийка. – Берите, только если уж не подойдёт, обязательно верните.
 – О чём разговор! – Только уркнуло, как парня и след простыл.
 Не успело солнце на Марийкином мольберте округлиться и напоить собою луг, как незнакомец на мотоцикле вернулся. Хмурый, недовольный, с сожалением отдал ящик с запчастями – не подошли! Марийка не глядя вернула на место и бегом к мольберту – пока краски не высохли!
 Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Вернулись муж и дети, вернулась мать – жизнь в доме кипит, каждый день шестерых накормить надо! Мать всё переживает: «Что это никто за мотоциклом не идёт?» – сокрушается она.
 – Мама, да был тут один – но ему детали не подошли, – признаётся смущённо Марийка.
 – Как был? – удивляется мать. – Какие не подошли детали? К чему не подошли? – И прозорливо уставившись на дочь, тихо-тихо, ещё не веря своей догадке, спрашивает:
 – Ты что, показала ему запчастей?
 – Да, – только и обронила Марийка, уже и сама догадываясь о своей беспечности, – он свозил их к себе и вернул...
 Как угорелая мать побежала в гараж. Не прошло и пяти минут, как она уже валялась на крыльце, во весь голос оплакивая потерю и на всю округу кляня непутёвую дочь: «Ой, люди, люди, – причитала она, – взгляните на идиотку – пятый десяток пошёл, а она дура душой! Как была душой, так ею и осталась!!! Трёх детей нажила, а ума нет... ой, люди, люди!!!» Марийку, запершуюся в дальней комнате избы, с ужасом настигало материнское причитание «пятый десяток! пятый десяток...». Ей казалось ужасно несправедливым, что мать сооб-

щает всей деревне о пятом десятке дочери, когда ей исполнилось только сорок... Конечно, она виновата, неосмотрительно поступила с покупателем, но она хотела как лучше... и при чём тут пятый десяток?... – недоумевала Марийка, беспомощно глотая неизвестно откуда взявшиеся слёзы обиды.

Уезжая в другой раз на рынок продать набранную в лесу с детьми ягоду, мать строго-настрого наказала Марийке в её отсутствие в дом никого не пускать, никаким прохожим ничего не показывать, а внукам следить за их непутёвой матерью.

Ну почему, почему покупатели являются только тогда, когда и муж, и мать в отлучке? Не успела мать и до станции доехать, как новый покупатель, лихо крутанувшись, остановился перед открытым окном, за которым Маруся со старшей дочерью Люсей штопали одежду младшим, весело болтая о своём, о девичьем... На вопрос о продаже мотоцикла, помня наказ матери никого не пускать, Марийка отвечала высунувшись в окошко. Она сообщила потенциальному покупателю, что мотоцикл конечно же продаётся, но только вот предыдущий покупатель скрутил с него некоторые детали... не успев договорить от тычка в спину, Марийка с грохотом чуть не села мимо стула.

– Мама!!! – шипела, округлив глаза, Люся. – Ну мама!!! – возмущалась она. – Ну что ты такое говоришь!

– Ой, – только и смогла ответить Маруся, прикрыв хрупкой, как осенний берёзовый листочек, ладошкой рот. – Ой, Люся, да что это я, в самом деле... что это я такая бестолковая... Маруся даже похолодела от ужаса, что она опять натворила.

– Ах, мама, грех смеяться над матерью, но над тобой грех не смеяться, – прыснула вдруг Люся, и враз хохот скрутил их обеих.

– Дочка, а можно тебя попросить не рассказывать этого бабушке? – умоляюще сквозь смех и слёзы обратилась Маруся к дочери.

– Да ладно уж, чего там, – великодушно пожалела дочка мать.

– Спасибо тебе, моя золотая.

– Давай-ка, мам, пить чай, пересядь от окна, продует. – И Люся заботливо закрыла окно – от греха подальше!

За летом – зима, за зимой – лето... и снова зима – время бежит себе. Марийка с мужем и младшими детьми переехали в город, стали работать в школе искусств, Люся уехала учиться в институт – жизнь, похоже, стала налаживаться, но пронзительный вопль матери «Пятый десяток! Пятый десяток!» ещё долго преследовал Марийку. Как-то раз эту историю (ах, если б она была единственной! Подобное случалось на каждом шагу, но вопль матери «Пятый десяток! Пятый десяток!»...) Маруся рассказала подруге Ольге, и Ольга подарила Машке книжку известной журналистки Лии Цветковой «Не дайте себя обмануть» с подробными инструкциями, как где себя вести, чтоб, не дай Бог, тебя не облапошили в магазине или ЖЭУ, на вокзале или в парикмахерской...

Марийка прочла книжонку, как детектив, от корки до корки, не отрываясь – захватывающее чтение. «Настоящая инструкция для идиотки» – думала она, перечитывая некоторые указивки по два, по три раза, чтоб поточнее запомнить, с удивительной самокритичностью причисляя себя к идиоткам... Да после такого исчерпывающего кур-

са молодого бойца поди-ка возьми её голыми руками?! Ну, молодец Ольга, – бесценный подарок! Марийка казалась себе подкованной на все житейские случаи жизни.

С утра болела голова, слишком много приходилось работать – две ставки, двойная нагрузка, хотелось после трудных голодных лет восстановить жизнь, одеть и накормить детей не просто досыта, но и повкуснее... «Да, надо же Люсе деньги отправить», – вспомнила Марийка. Открыла шкатулочку – что там ещё осталось? На дне заветной шкатулочки красовалось пять радужных пятисоток. «Хватит», – подумала Марийка и, накинув шубёнку, отправилась в школу через ближайшее отделение связи.

На почте в такую рань было пусто, операторша в окошечке красила перед крохотным зеркальцем ресницы – выдать, не успела дома придать лицу резкость.

– Мне перевод отправить. Работаете? – неуверенно поинтересовалась Марийка.

– Заполняйте, – вполне доброжелательно буркнула операторша, не отрываясь от макияжа, локтем подвинув Марийке бланк. Марийка заполнила требуемое и с фразой: «Девушка, я спешу» подала девице.

– Женщина, касса не работает. Вы оставьте деньги – я потом перевод оформлю, а квитанцию вечером заберёте, – невозмутимо предложила операторша.

– Ладно, ладно, – с готовностью согласилась Марийка и подала пять драгоценных бумажек.

На улице было морозно. Наконец-то зима заявила о себе – декабрь всё же. Сиреневатый рассвет всё больше и больше растворял лиловые сумерки, оставленные полярной ночью. Деревья аллей в белоснежном кружеве кое-где уже светились предновогодними огнями разноцветно сверкающих гирлянд. Настроение лёгкости, радости несло Марийку к школе как на крыльях. Непонятное беспокойство начало вызревать в Марийкином сердце где-то за полдень, она боялась догадаться – отчего...

Сынок, учившийся живописи в её классе и сидевший в это время за своим мольбертом, невероятным образом почувствовал – с матерью не ладно.

– Мам, что с тобой? – спросил мальчик, взяв мать за руку.

Марийка с трудом оторвала напряжённый взгляд от окна, где уже темнела полоска заката.

– Кажется, я сделала глупость, – обречённо ответила Марийка, – я оставила на почте деньги на перевод, а квитанцию не взяла.

– Как не взяла?

– А так... – развела Марийка руками.

– Ну, может, всё обойдётся, – подбодрил её сынок.

– Может, – обессиленно согласилась с ним Марийка. Но едва-едва дожидаясь окончания занятий и только что не бегом кинулась, не дожидаясь последнего звонка, на почту.

Запахавшись, вспотевшая, расстроенная, уверенная в худших подозрениях, она подлетела к утреннему окошечку. За кассой сидела немолодая кассирша в очках с навсегда уставшим лицом.

– Я тут утром оставила перевод неоформленным, – вяло пролепетала Марийка.

– Фамилия? – устало спросила женщина.

– Калинина.

– Да, есть, вот ваша квитанция и сдача, возьмите, пожалуйста, – подала кассирша растерявшейся Марийке бумажонку и деньги.

– Спасибо, – поблагодарила Мария и побрела вон. Никакой радости от того, что никто её не обманул, она не испытала.

Душа болела – она, Марийка, усомнилась в порядочности другого человека. Что это? – разуверилась в людях? – как это горько. А может, это опыт, возраст – пятый десяток!.. Не находя ответа, Марийка брела заснеженной улицей, и на задумчивом лице её играли отблески предновогодних огней – таких сказочных!

*п. Савинский,
Плесецкий район*

КНИЖНАЯ ПОЛКА «ДВИНЫ» • КНИЖНАЯ ПОЛКА «ДВИНЫ» • КНИЖНАЯ ПОЛКА «ДВИНЫ»

Сборник стихов «Даль синеокая» – третья книга Галины Рудаковой. Она вышла в конце года, а вскоре автор, ветеринарный врач по профессии, стала членом Союза писателей России.

«Даль синеокая»

С приходом Галины Николаевны расширилась сфера профессиональной деятельности Архангельской писательской организации. Теперь у нас есть

специалист, который может исправить здоровье Пегаса. Шутка.

А если серьёзно, то приём в творческий Союз – это законо-

мерный успех нашей землячки, поэзия которой уже отмечена премией имени Николая Рубцова.

М. ПОПОВ

Ольга Владимировна Корзова трудится учителем литературы Кенорецкой школы. Стихи её печатались в альманахе «Белый пароход», журналах «Север» и «Двина»... Она автор поэтического сборника «Чёрное и белое». Премией имени Рубцова отмечены стихи 2006 года, опубликованные в нашем журнале.

Ольга КОРЗОВА

СТАРЫЕ СТЕНЫ

* * *

Ты шёл за мною, как безмолвный страж.
Среди ночной прогулки эта ссора
Была лишь продолженьем разговора,
Не разрешая спор старинный наш.
Тот спор вели мы с самых первых дней
И так порой бывали нетерпимы,
Что вырваться из рук твоих любимых
Хотелось иногда всего сильнее.
Я убегала. – Помнишь, сколько раз? –
И всякий раз ты следовал за мною.
Твоё молчанье в парке за спиной
Я почему-то вспомнила сейчас,
Когда, от горьких дум изнемогая,
Устало я присела на холме,
И лёгкий дождь касался в полутьме
Моих волос, как будто жизнь другая.
Молчали мы, и эта тишина
Красноречивей доводов железных
Доказывала: споров бесполезных
Уже ушли в былое времена.
...Теперь самой судьбою кончен он.
Никто из нас не победил в итоге.
Расстались мы и, грустные, как боги,
Глядим на тех, кто молод и влюблён.

* * *

Боясь душевного раздора,
В мир истин, мелких и пустых,
Я унесла, как в нору, стих,
И он уже погаснет скоро.
Не вдруг, не разом, как свеча,
Врасплох застигнутая ветром,
А станет таять незаметно,
Невнятно что-то лепеча.
И долго звёздочкой во мгле,
Мерцая тихо, потаённо,
Светить он будет всем бездомным,
Всем одиноким на земле.

* * *

Я просто от любви отстранена,
как отстраняют слабых и увечных
от важных дел. Почти всегда одна,
я радостей не знаю человеческих.
Замужество, поросшее былбём...
Хоть на бумаге мы ещё женаты
и ты звонишь, но в голосе твоём

я чувствую оттенок виноватый.
С тобой мы говорим о пустяках,
но всякий раз я жду совсем иного.
А после – только слёзы на щеках
внезапные – я ощущаю снова.
Отказываюсь я от наших встреч,
а ты не хочешь нашего развода,
как будто можно что-нибудь сберечь,
когда уже иного нет исхода.
А голос твой люблю я до сих пор
и всей душою откликаюсь звуку.
...Но дальше невозможен разговор:
шесть лет назад мы выбрали разлуку.

* * *

Снова с миром разлад
И гнетут пустяки.
Всё не так, не попад:
Слишком дни коротки,
Слишком ночи длинны –
Не смотаешь в клубок.
Никому не нужны
Мои тысячи строк.
Но не это беда,
Хоть и пишется в стол,
Да уходят года,
Как из кадки рассол.
И уже, пусть слегка,
Да виднеется дно...

* * *

Ранка, царапина, ссадина –
И надломилась душа.
Думалось: накрепко кладена,
Жить бы да жить не спеша,
Только шатнулось строение,
Жалобно скрипнув нутром.
Так под стопой Провидения
Рушится брошенный дом.
Трещины вдруг обнаружатся,
Вестники скорых невзгод.
Стен одинокое мужество
Вряд ли хоть что-то спасёт.
Если утрачено главное,
Тщетно латать пустоту.
...Накрест забитыми ставнями
Щурится дом на свету.

* * *

В печке зашипело, зазмеилось,
Наконец-то вспыхнули дрова.
В холода огонь, как Божья милость,
Тёплое дыханье волшебства
Для души, что в этом старом доме,
Временем поставленном на слом,
Коротает стужу. Только, кроме
Этого, иной не нужен дом
Оттого, что ведом с колыбели
До гвоздя, до скрипа половиц,
До последней трещинки и щели –
Для меня дороже всех столиц
Мировых, и шумных, и парадных,
Где и небо ёжится с тоски,
Домик мой старинный, ненаглядный,
В устье древней Чурьеге-реки...

*с. Корякино,
Плесецкий район*

Александр Михайлович Поленов родился в городке Калач Воронежской области. Окончил Николаевский кораблестроительный институт.

С 1973 года живёт в Северодвинске. Много лет работал на предприятии «Звёздочка», затем – учителем в школе, а теперь – вновь на «Звёздочке».

Подборка его стихов была напечатана в первом номере «Двины».

Александр ПОЛЕНОВ

ИСТОЛЖЕЖИЕ ЖЕЛАЗИИ

Новелла

Блезнь не отпускала. Надежда металась в жару. В очередной раз она медленно и трудно выплыла из забытья и опять услышала голос, тихий и грустный, и очень далёкий...

Голос был Алёнкин, и рассказывал он что-то знакомое, но слова не складывались вместе, не слышались как целое и понятное. Надежда ещё дважды или трижды тонула в забытии и наконец поняла, что это Алёнка рассказывает ей, матери, сказку, которую много-много раз слышала от Надежды сама.

– ...А на берегу этой светлой речки рос большой черёмуховый куст, зимой голый, а летом зелёный, как весь лес, но весной наступал его праздник. Он цвёл первым, и все, кто проходил или проплывал мимо, любовались белым чудом. Куст так гордился своей красотой, что даже не жалел обломанных на букеты для девушек веток. Проходили дни, цветы на кусте желтели, ссыхались, и праздник уходил на целый год. Конечно, потом на ветвях созревали ягоды, но они были черны и незаметны. И не шли ни в какое сравнение с большими оранжевыми гроздьями рябины или яркими шариками шиповника. Кусту оставалось только тихо стоять в одиночестве и вспоминать о белых пушистых, лёгких как пух лепестках, среди которых так любили распевать июньскими ночами соловьи.

Прошлую весну черёмуховый куст придумал себе мечту – ему очень захотелось показать себя не только деревенским девушкам и случайным проезжим, но и всем-всем. С тех пор у него появилось ещё одно ожидание: вдруг кто-нибудь когда-нибудь выкопает его и возьмёт с собой в большой город, где все люди увидят белую лесную красоту.

Новая весна была самой обычной: днём тепло по-летнему, ночью холодало, но куст знал, что скоро наступят его заветные деньки. Однажды ночью ему даже приснилась соловьиная песня, но

утром прилетел студёный северный ветер, ударился в драку с тёплым южным ветром, и от этой ссоры с неба густо посыпались лохматые снежинки. На два дня и две ночи всё вокруг было засыпано сырым, тяжёлым снегом. Куст застыл от холода и обиды, однако на третье утро выглянуло горячее солнце, подул сильный южный ветер и снег просел, съёжился и потёк струйками, ручейками и ручьями. Речка напыжилась, приподнялась, загремела мутными потоками, заворочалась в узких берегах и пошла обламывать обрывы своими тугими боками.

Вдруг куст почувствовал, как под ним качнулась земля, и вот он уже не стоит на месте, а несётся вниз по реке вместе с рыжей травой и прошлогодними листьями... Он плывёт к большому городу!..

Плыть пришлось всю ночь, утро, а в полдень на берегу показался большой красивый город. По солнечной набережной гуляли люди, нарядные женщины несли букеты ярких цветов и не замечали проплывающий мимо куст с маленькими зеленоватыми горошинами будущих белых цветов. Что-то подсказало загрустившему путешественнику, что ещё немного, и его унесёт в море, далеко от земли. Он из последних сил успел зацепиться корешком за краешек проносящегося мимо острова и замер, ожидая со страхом, что и этой последней опоры лишит его шальная волна...

Прошли дни, куст взялся корнями понадежнее и даже зацвёл. Но когда он гордо огляделся в ожидании восторгов, то увидел вокруг себя гуцу тальника, в которую занесла его высокая вода. Куст прижился на приморском островке, цвёл каждый год, но ягоды на нём не вызревали – уж очень резки и холодны ветра у северного моря. Соловьёв он тоже не слышал, а о присутствии на острове птиц узнавал только по их громким, хриплым крикам...

Алёнкин голос осёкся... Издалека, как из чужого сознания, медленно приплыла мысль, что дальше сказка никогда не складывалась – то дочь сыпала на знакомой фразе, то она сама забывалась на полуслове... Всё это сон... всё это сон – и кашель овцы из темноты, и короткие хлопки крыльев под петушиный вскрик... А Алёнкин голос заворковал снова, но повыше и посветлей.

– Но вот один раз к холодному острову приехала моторная лодка, а в моторной лодке сидели мама с лопатой и мешком и маленькая мамина дочка. Они поискали-поискали и нашли в гущине свой любимый черёмуховый куст, потому что он совсем не изменился, а только стал постарше. Мама обнимала куст и плакала, а потом стала осторожно выкапывать тонкие корешки...

Надежда вдруг очень ясно увидела низкий серый берег голого осеннего острова, тяжёлое сырое небо, Алёнкину жёлтую курточку с капюшоном, раздувшимся на сильном ветру, и маленькую красную, кланяющуюся каждой короткой волне моторку... И всё пыталась разглядеть, кто же сидит на корме, у мотора. На обратном пути домой...

г. Северодвинск

НЕБЕСНЫЕ ВРАТА

Так случилось, что книгу архимандрита Трифона о Свято-Троицком Антониево-Сийском монастыре, озаглавленную словами Иоанна Златоуста «Слава Богу за всё», я открыла поздно вечером, решив, что немного посмотрю перед сном, а назавтра прочитаю внимательно. Но, открыв, отложить уже не смогла, пока не просмотрела все фотографии и не прочитала все тексты.

Зная увлечение отца Трифона фотографированием, я ожидала увидеть красивый фотоальбом с видами обители и пейзажами, которыми можно спокойно и безмятежно любоваться. Но книга оказалась другой – волнующей, тревожащей, заставляющей задуматься. Фотографии – а их около трёхсот, – конечно, занимают видное место, причём снимки настолько выразительные, что каждый можно рассматривать долго. Они без слов говорят о многом: и о гармоничном единстве ансамбля монастыря и северной природы, и об атмосфере, сложившейся в обители, а главное – о любви архимандрита Трифона и к возрождающимся храмам, и к их природному жемчужному окладу – Плешкову озеру, и к братии. То, какими увидел отец-настоятель своих монахов, послушников, трудников, помощников, свидетельствует именно о любви: каждый запечатлён в тот момент, когда в его облике проступает самое светлое, самое чистое, что есть в душе.

Однако есть в этой книге и две другие главные составляющие: рассказ об истории обители и рассказы о себе, о пути к Богу, о дороге в Сию нынешних насель-

ников монастыря. И все эти три части, соединяясь в единое целое, позволяют представить всю без малого шестисотлетнюю жизнь обители, жизнь в контексте истории Руси – России, сокровенной внутренней сущностью которой было и остаётся Православие.

Жития преподобных Антония и Феодосия Сийских, повествование о том, как жил монастырь с XVI до начала XX века при сменяющихся друг друга игуменах, а затем архимандритах, – это и история обители, её постепенного становления, периодов расцвета и упадка, и в то же время – история Русской Православной Церкви, её взаимоотношений с властью, её откликов на те или иные драматические события русской жизни, и история самой России.

После революции Свято-Троицкий Антониево-Сийский монастырь, как и почти все обители России, был закрыт. Наверное, большинство из тех людей, кто побывал здесь в эти годы, – воспитанники детского дома, отдыхавшие в пионерском лагере интерната для престарелых или лесозаготовители, проводившие отпуск в устроенном на территории монастыря доме отдыха, и – представить себе не могли, что когда-нибудь здесь возобновится монашеская жизнь. А может быть, и были среди них те, кто, глядя на старинные храмы, в глубине души надеялся на то, что в них вновь будут совершаться богослужения, как надеялся на это Борис Викторович Шергин. Недавно мне довелось готовить к публикации дневники писателя за 1939 год. В день памяти преподобного Антония Сийского, 7 декабря по старому стилю (а на новый стиль Шергин не переходил), он сделал такую запись:

«Антоний Сийский... Сегодня с Двинской земли струится тихий, но настойчивый свет. Антоний Сийский – одна из звёзд Севера. Он как северное сияние в ночи. Но и сюда достигает свет его святости... Там, на далёком Севере, четыреста лет назад затеплилась эта свеча неугасимая. Сегодня там праздник. Разорена обитель, но жив Господь, жива святыня. Ныне силы небесные тамо невидимо служат. Нет людей, но горят свечи праздничные, озаряя снега и дремучие ели, и

скованные во льдах реки и озеро. Антоний Сийский, благодатный луч северного сияния. Сегодня в день его блаженного успения стремится на Север душа моя, хочет слушать тихость безмолвную ночи. Вот я вижу Двинскую землю в зимнем сне. Великие реки, беспредельные леса и озеро, и остров, и как ковчег драгоценный – обитель Антониева. Род сей, в смраде срамно ликующий, не видит света святых. Но тем, кто взывает оного света, сияет имя Антония Сийского, любо его житие и эти леса, и реки, освящённые его пребыванием, его чудесами».

И когда читаешь о том, как оживает сегодня монастырь, возвращённый в 1992 году Русской Православной Церкви, как стремительно обустраивается и заселяется обитель, – реставрируются храмы, возвращаются святыни, пишутся иконы, возникают подворья, а главное – растёт число братии; когда рассматриваешь фотографии, запечатлевшие запустение обители и этапы её восстановления, – соприкасаешься с чудом. «Чудо от веры, а не вера от чуда», – говорил святитель Григорий Богослов.

Рассказы нынешних насельников монастыря – свидетельство того, что невозможно убить веру в русском человеке. Разве не чудо это: сквозь десятилетия господства воинствующего атеизма, сквозь смрадные ценности сегодняшнего общества потребления, перекрывая призывы политиков и вопли реклам, доходит до сердец чад Божиих, зачастую воспитывавшихся неверующими родителями, обращённый к ним зов: «Се стою при дверях и стучу...»

Как века назад, Антониево-Сийская обитель и сегодня отражает состояние общества, духовное состояние России. Больные мы, искалеченные, повреждённые, но нет для душ наших иной лечебницы, кроме Церкви, и иного Врача, кроме Господа нашего.

Елена ГАЛИМОВА

НЕМИЛОСТЬ СУДЬБЫ КАК ДАР СУДЬБЫ

В минувшем году исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося русского писателя Варлама Шаламова. К этой дате «Двина» (№ 3, 2007 г.) напечатала фрагмент из большой работы нашего давнего автора Валерия Есипова, посвящённой экранизации шаламовского рассказа «Последний бой майора Пугачёва». Целиком это исследование, выходящее далеко за рамки жанра рецензии, стало составной частью новой книги Валерия Есипова «Варлам Шаламов и его современники». Она издана в Вологде, на родине Шаламова, при участии областной администрации в серии «Книжное наследие».

Книга состоит из двух частей. Помянутое исследование входит во вторую часть издания, где автор, кандидат культурологии, публикует ряд эссе, статей и очерков. Речь в них идёт о немногочисленных друзьях Шаламова; о Иване Бунине, проза и поэзия которого сыграли немалую роль в шаламовской судьбе и творчестве; о переписке Шаламова с Д. С. Лихачёвым...

А первая часть книги посвящена едва ли не самой острой и всегда актуальной на русской почве теме: творец и власть.

Варлам Шаламов более двадцати лет был узником ГУЛАГа. Как никто другой, он имел моральное право возненавидеть власть, противостоять ей, стать антисоветчиком. Но, выйдя на волю, он выбрал иной путь. Не входя в конфликт с властью, Шаламов выполнил миссию, которую заповедала судьба: отразить в слове то, что он испытал, увидел и пережил, находясь в неволе. Ведь при том, что судьба была немилосердна к нему, всё происшедшее для него как для писателя в конечном итоге обернулось даром судьбы.

В рамках заявленной темы автор книги обращает внимание на трёх современников Шаламова: это Пастернак, Твардовский и Солженицын. Имена для 50-х – начала 70-х годов знаковые. Все они в той или иной мере находятся в ареале интересов Шаламова, с двумя из них – Пастернаком и Солженицыным – у него ведёт-

ся переписка, бывают встречи. А главное – все они представляют разные ипостаси творчества и взаимоотношения с властью: Твардовский при власти, он номенклатура ЦК, главный редактор журнала «Новый мир»; Пастернак вне власти, он в немилости, а потом и в опале; а Солженицын в промежуточном состоянии – ловко манипулируя, он умудряется быть советским писателем и одновременно готовит почву для диссидентского демарша.

К личности Солженицына, кстати, единственного из четырёх персон до сей поры здравствующего, автор книги небеспристрастен, а порой и беспощаден в своих оценках. Однако факты, свидетельства, анализ действий и поступков Солженицына убеждают читателя и побуждают разделить эту точку зрения. На фоне лукавой фигуры Солженицына Шаламов предстаёт истинным страстотерпцем, стойким, человеком жёстким и одновременно милосердным, а по литературно-художественным результатам он стоит, безусловно, выше автора «Архипелага ГУЛАГ» и «Красного колеса».

Книга Валерия Есипова, первая в России монография о Варламе Шаламове, написана ярким, эмоциональным языком. Она снабжена богатым библиографическим аппаратом. Эта талантливая работа уже отмечена рядом российских изданий. «Двина» присоединяется к поздравлениям.

Термины «гонка вооружений», «холодная война» родились в середине XX века. Не наша страна начала противостояние с недавними союзниками. Устами Черчилля (Фултонская речь 1946 года) конфронтацию Советскому Союзу навязал Запад, и мы вынуждены были отвечать на вызовы потенциального противника. А главным аргументом в споре стала атомная бомба.

АТОМНЫЙ ЩИТ

Противостояние двух сверхдержав – СССР и США – вылилось в серию ядерных испытаний, проводимых обеими сторонами. У нас они осуществлялись главным образом на Но-

вой Земле. Этому до недавнего времени сверхсекретному полигону посвящена новая книга нашего коллеги Олега Химаньча «Кузькина мать Никиты и другие атомные циклоны Арктики».

Автор исследования опирается на исторические документы, архивные материалы, использует другие доступные источники информации, сопоставляя их, анализируя, делая выводы или подводя читателей к определённым выводам. Но самой интересной, во всяком случае для меня, стала вторая половина книги, где представлены свидетельства очевидцев и участников ядерных испытаний. В силу возраста, а чаще надломленного теми взрывами здоровья их становится всё меньше. Тем ценнее то, что успел зафиксировать автор книги.

Фёдор

Абрамов —

25 лет

со дня кончины

Фёдор АБРАМОВ

ЖУКОВКА, или Русская сказка

Так озаглавлена папка с черновыми набросками Фёдора Абрамова к рассказу, сделанными в 1978-м и 1980-м годах.

Жуковка — подмосковный дачный посёлок, где проживали в отдельных благоустроенных коттеджах министры, академики, артисты, учёные, знаменитые общественные деятели. В набросках упоминаются имена и дачи В. Молотова, А. Сахарова, М. Келдыша, М. Растроповича, сына Л. Брежнева, вдовы Н. Хрущёва, дочери маршала Г. Жукова.

В Жуковке Фёдор Абрамов побывал трижды — осенью 1978 года, в июне 1980-го и в июле 1981-го. Он смог посетить Жуковку благодаря гостеприимству Б. Панкина, известного общественного деятеля и друга Абрамова. Б. Панкин в те годы был главным редактором «Комсомольской правды» и возглавлял ВААП. У него тоже была своя дача в Жуковке.

О пребывании Абрамова в Жуковке и о встрече с Молотовым вспоминает Б. Панкин в статье «Фёдор Великий Александрович» (Воспоминания о Фёдоре Абрамове. М.: Сов. писатель, 2000, с. 660–664).

Есть упоминания о беседе Абрамова с Молотовым и в книге Феликса Чуева (Молотов: Полудержавный властелин. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000, с. 638–640, 687). Но автор неточно указывает дату беседы — 28.IV.1976. Тогда Абрамов не был в Жуковке. Беседы с Молотовым состоялись в июне 1980-го и в июле 1981-го, о чём свидетельствуют записи самого Абрамова, хранящиеся в особой папке «О Молотове».

Повышенный интерес писателя к Молотову был связан с его работой над романом «Чистая книга», где он собирался воссоздать всю сложность социально-политической жизни в России первой четверти XX века.

Кроме подробных записей бесед с Молотовым и набросков к задуманному рассказу, есть упоминания о посещении Жуковки в дневниках Абрамова.

Перечисляя итоги поездки в Москву, писатель особо отметил: «Открытие для себя мира сов. элиты (Жуковка)». Дата: 19.IX.1978.

Наиболее подробная дневниковая запись сделана 23 июня 1980-го: «Три дня в Москве. Ездил ради Твардовского (70-летие), а сколько было другого!

Встреча с Молотовым, ночь в Жуковке у Панкиных ...прошение слова для выступления на встрече Тв. (готовая комедия!), сам вечер, возложение венков на могилу Тв. (дважды), поминки в Пахре на даче у Твардовских, колесом в Москву...

Прости, Александр Трифонович, но самое потрясающее за эти три дня не ты, а машина на двух ногах, которая стояла у руля нашего государственного корабля.

Потрясающе! Я и сейчас не могу опомниться, всё до конца осмыслить.

Эх, ещё бы разок встретиться!»

Вторая встреча с Молотовым состоялась в июне 1981 года.

Замысел рассказа о Жуковке возник в сентябре 1978 года, сразу после первого посещения элитного посёлка. Тогда же сделаны первые наброски. Снова вернулся Абрамов к рассказу в 1980 году после второго посещения Жуковки и встречи с Молотовым.

К сожалению, рассказ так и остался незавершённым. Сохранились только многочисленные, но очень черновые заметки, наброски, размышления (их более 60). Но и в таком виде они представляют несомненный интерес и как факт биографии Абрамова, и как свидетельство его глубокой озабоченности социально-нравственным состоянием общества, той пропасти, которая разделяла народ и власть, народ и партийную элиту и даже народ и деятелей культуры. Все заметки пронизаны страстной мыслью писателя о пагубности лагерно-казарменного режима в стране.

Записи сделаны под разными названиями — Жуковка, Современная сказка, Советская сказка, Русская сказка.

Публикуя с некоторыми сокращениями наиболее подробные и яркие заметки о самом посёлке, её обитателях и той атмосфере, которая царил в Жуковке, во избежание повторений объединяю не по хронологии, а тематически.

В публикации использованы записи, сделанные 20–24 сентября, 15, 19, 24 декабря 1978 года и 4, 5, 16, 26 ноября 1980 года.

**Публикация и комментарии
Л. В. Крутиковой-Абрамовой**

КАЩЕЕВО ЦАРСТВО

Сперва широкие московские дороги, занятые автомашинами. Потом грохот этот стихает, машин становится всё меньше, дорога сужается. Появляются первые перелески, поляны, луговины. Берёзки, рябины... Потом всё тише, тише. И вот уже сосны маячат по сторонам...

Наконец-то позади грохочущий Вавилон, третий Рим...

Начинается сказка, а вернее смесь какой-то современной чертовщины и сказки. Начинается, когда подъезжаешь к высокому деревянному забору, за которым в глубине какие-то каменные дома.

Что это такое? Сказочное царство, огороженное тыном, погружённое в колдовской сон?

Но почему же в этой сказке торчит будка с раскормленным рыжиком, одуревшим от безделья? А может, это лагерь?

Какой-то лагерь. Под самой Москвой, ибо действительно все атрибуты: глухой забор, растянувшийся, ворота со стражей, не пройдёшь. Только, правда, не видишь вышек да ещё заключённые за тем забором пока не люди, а сосны и ели. Отдельные деревья. Под самой Москвой. Что-то вроде корабельной рощи, известной нам по Пришвину и уже совершенно исчезнувшей из жизни. По крайней мере на Пинеге, где живописал он, нет ни одного соснового бора...

Нет, это смесь сказки, города и сталинского лагеря – знаменитая на весь мир и неведомая в собственной стране деревня Жуковка.

Какое милое, какое простодушное, истинно русское название! В памяти так и встаёт Чеховский рассказ «На деревню дедушке» – уж не оттуда ли Ванька Жуков?

Нет, Ванькам Жуковым в эту деревню (а Жуковка действительно в прошлом деревня) – хода нету. Да это и понятно. Ванька ведь это народ, а тут... царство слуг народных. Теперь Жуковка – дачный посёлок, лесное царство, где живут министры, маршалы, выдающиеся академики... Входа посторонним нет. Глухой забор, охрана...

Въезжаем в ворота – шофёра не спрашивают пропуск. Тут всех знают в лицо.

Широкая асфальтовая дорога, одна, две, три. А от них асфальтированные усы к двухэтажным особнякам. Это дачи слуг народа, государственных мужей высокого ранга... Удобны. Отдельны. Никакой коммуны.

Мы въехали вечером. Мрачновато. Назавтра было светло. Но как-то неуютно. Лес, дорожки, благоустроенность... Куда же лучше! Тишина. А неуютно как-то. И даже лес, показалось мне, не очень хорошо себя чувствовал. Хотя такого леса я больше не видел. Ведь весь вырублен. И надо бы лесоводов туда на экскурсию водить. Да разве пустят.

Мы прошли по дорожкам. Никого не встретили.

Молотова, регулярно совершающего прогулки, не было. В санатории.

Мы прошли по дорожкам. Молчат дачи. Дворец Растроповича с сараем, в котором одно время жил Солженицын (сарай-гараж тоже дворец).

Дом сына Брежнева, которого сейчас стали выделять.

– А приезжает?

– Раза два был. Всё было оцеплено.

Дома, подаренные Сталиным, не в пример поздним, побогаче. Иосиф В. любил размах, и за этот размах чиновники и сейчас любят.

Всё отранжировано (слово-то какое), приведено в соответствие с занимаемым постом (должностью).

...тип дома № 1 в 6 комнат, две веранды, свежая покраска (через год), посуше место, деревья по преимуществу – сосна. Т. е. больше озона, фитонцидов и солнца.

У министров поменьше – дача на западных (?) в сырых еловых и кустарниковых местах, веранда одна, комнат 4 и покраска через 3 года.

Слуги народа тут два дня целиком отлёживаются, набираются сил и здоровья. И это всё будет сторицею возвращено народу.

Нигде нету жратвы. По всей России пустые города. Нет молока, масла. А тут упыри всё имеют... И дома те начинены едой. Да какой! А молоко! С чистых полей. Заведены такие поля – чистые. Еда из распределителей.

Одежда. Со всего мира. Одеваются слуги народные странно. Не в отечественное. В заграничное. Раньше баре так одевались...

Материальные условия хорошие. Продукты. А всё остальное как в лагере. Не дружат. Домами не общаются. Предпочитают сидеть дома. Втихомолку. А почему? По инерции. А вдруг падёт кто-то и ты – друг. Опытные звери. Каждый прошёл великую выучку.

Мёртвая, неживая тишина. Утром. Все по норам.

Есть ли общение? И при встречах настороже – как смотрят.

Жители не дружат. Встречаются редко. Чаще всего молодёжь. А сами слуги, учёные предпочитают сторониться друг друга. Я не зря сказал: живут тут упыри, чудовища. Кого только нет... уживается бог знает что... Министры, и жены репрессированных, и палачи народа...

Лагерь не лагерь, царство (заколдованное) не царство, а что-то от того и от другого. Или лес. С одной стороны... исполины сосны и ели. Нигде не найдёшь таких. А с другой стороны... асфальты и невесело... грустно и соснам и человеку, живущему там. Чумой, радиацией чиновничества отравлены... по последнему слову коттеджи. А с другой стороны, невесело в тех коттеджах. Как темницы, как больницы. Вся жизнь там. Внутри запрятана...

Крепкие, здоровые должны бы быть люди в этих лесах. Богатыри... А все астматики, сердечники...

В воздухе волны чиновнического честолюбия, суеты, холуйства, замкнутости, отчуждённости, мертвенности. Всё отравлено чиновничьей радиацией. Лес... Да и вся Москва отравлена чиновничьей радиацией бюрократизма.

На заливе под лесом омываешься, очищаешься, возрождаешься духом. И возрождение духа от простора, от света, от чистоты...

В Жуковке отдыхает тело, а не душа. Нет простора для души. Кащеево царство... Тишина. Но тишина какая-то неживая, мёртвая... Не освобождающая, а угнетающая.

* * *

А что бы сказал Фёдор Абрамов о нынешних Жуковке и Рублёвке, где как грибы растут не-

данные по размаху дворцы и замки, обнесённые ещё более высокими заборами?..

О МОЛОТОВЕ

Заметки о встречах и беседах с Молотовым публичную с небольшими сокращениями.

21.VI.1980

Самая фантастическая сказка нашего времени. Думал, высохший старичок, мумия, эдакий божий одуванчик, сморчок.

Пенсионер. В соку, один из тех, кто стучит костылями сегодня в садах. И внешне похож на пенсионера.

Рубаха (ушиты рукава), ремешок, простенькие туфельки... Чуть сутулая походка.

Только глаза не пенсионера.

Лысая седая голова с тёмным пятном на лбу – не то следствие старости, не то расплывшаяся веснушка, чуть приметная щетина седых усов и глаза, глаза фанатика, глаза изувера, округлые, тёмные, почти чёрные, нисколько не размытые временем.

Глаза, в которых, показалось мне, отразилась вся безжалостная жестокость нашей революции.

Страшные глаза, безжалостные, бесчеловечные...

90 лет (в марте отметил)... Да полноте, ему и 70 не дашь. Шея – первый признак старости (недаром не скрывает) – так ведь этой шее могу позавидовать и я, в 60. Белая, живая, отнюдь не морщинистая, не высохшая кожа.

А руки, рукопожатие... Четыре, пять раз, семь раз пожимал я эту ненавистную руку, заставлял сжимать его – крепче моей. Слабак я.

Я слабак, я ничтожество.

Если бог потворствует палачам, так убей ты. Ты – человек, случай. Клянусь, у меня была мысль на этот счёт. Воздай. Раз государство, задуши эту гадину... Но эти мысли были у меня ночью...

А во время беседы я не думал. Любопытство, жадное писательское любопытство – прежде всего. Ведь это же 2-е лицо. Ведь это тот, кому я рукоплескал...

И изумление, изумление и удивление. Я жалкий склеротик по сравнению с ним, человек, впавший в старческий маразм. А этот... всё помнит. За два часа мы пропахали чуть ли не всю историю страны советов.

Так ведь не замолчал ни на секунду, ни на минуту. Всё по годам, по датам.

Писателей знает всех по именам. Чёткие характеристики – наши критики могут позавидовать.

А политика... Тут и говорить не приходится...

А моё письмо в «Правде»? Спроси писателей – многие читали? А уж о том, что помнят... Он читал. Он помнит... И не согласен. Недооценка рабочего класса, возможностей советского народа, прошедших трёх революций... Старый грех меньшевистской интеллигенции, против которых боролся Ленин. Романтизм...

Молотов – человек-машина. Кажется, эта характеристика принадлежит Ч. Но машина, у которой не буксуют мозги, хотя и мозги своеобразные, революционно-марксистские.

Я с ужасом, со страхом вглядывался в лицо нашей революции (постаревшее, но ещё более же-

стокое), но должен сказать – те, кто делал её, – не чета сегодняшним.

Без бумажки. И пусть вульгарное, узкобое – но обо всём своё представление. И убеждённость, убеждённость, фанатизм, правоверность...

– Плохо в с/х, в промышленности, отступление в руководстве... Коммунизм – будет. В XXI веке империализм не останется. Но труднейшая задача: всех сделать рабочими.

– Вываривать в рабочем котле?

– Антибольшевистское пугало. Но по существу так...

Главный недостаток – мало настоящих марксистов-ленинцев. Профессора, доктора наук от марксизма – этих много, этих пруд пруди. Но авангард марксизма. Где он?

По-прежнему оправдывает все жестокости... Все провалы. Сталина.

Вглядываюсь снова и снова в лицо М., пытаюсь представить его молодым, юным, а значит, пытаюсь представить и молодость революции (не последний же). И нет, всё равно и в юности машина. Всё равно и в юности жестокость, твердокаменность.

Б. Панкин: «Вот твой Калина Ив. в верхнем варианте» (персонаж в романе «Дом». – Л. К.). Нет, нет, мой К. Ив. другой. Из романтиков, из идеалистов. Этого и в 90 лет коробит от одного слова «романтик» и «идеалист».

– Настоящий революционер-ленинец не может быть романтиком и идеалистом. Наше мировоззрение – интернационализм.

Мы расстались наверху в кабинете. Меня провожать вниз не пошёл: будет работать.

И всё-таки, когда я вышел за дачу и оглянулся, он вышел на балкон. Вышел и помахал мне рукой.

Помахал, движимый каким-то чувством? Нет, в лучшем случае из вежливости.

* * *

Сначала говорили стоя. В это время он работает – нельзя ломать режим. Машина. А потом – чего ради разговаривать с человеком, чуждым ему?

Но то ли из любопытства (неужели оно есть?), то ли из уважения к Татьяне Афанасьевне, кухарке тульской, которая, несомненно, сыграла решающую роль в том, что он принял меня*, сел, потом снова встал и разговор стоя.

Я попросил показать мне дачу – писательское любопытство.

Две комнаты (столовая и для прислуги внизу) – не разглядел, кухня. И кабинет наверху.

Скрипучая витая лесенка. Без коврика. Кабинетик маленький, метров 15. Тут же – спальня. Кроватька под белым покрывалом (безлика, наподобие ленинской в Смольном).

Три фотографии на стене: Ленин... и две любительских. Со Сталиным: Сталин с Аллилуевой и

* В других заметках есть ещё упоминания о ней: «...она любит меня как писателя и собирает все мои книги...»

Милая русская женщина... Очень простая, миловидная. Знает ли, кто такой её хозяин? Знает ли, что она людоеда кормит? Думаю, нет.

Отношение её: несколько снисходительное, как к малому дитю. Как к барину, который когда-то был знатен, а сейчас не у дел. Но барин».

он с женой. Вторая – группа членов политбюро со Сталиным. Очень невзрачные фотографии.

Стол письменный. Стол – аналой (стоя пишет и читает). В кабинете пустовато. Ничего лишнего. Шкаф с марксистской литературой.

Зато из окна – зелень. Соседняя дача.

– Я живу в коммунизме.

Дача запущена. Как стариковская квартира. Несколько маргариток. Две кучки сена, попавших под дождик.

* * *

Мысль: писать большевика с Молотова.

VI.1980

Всю жизнь любил читать.

Читал. «Пряслины», читал «Дом». Последний с трудом достал.

Жизнь знаете. Болеее. Писатель, но хромает мировоззрение. Вы против советской власти.

Вы сильны в чувстве и слабы в революционном разуме – марксизме.

Я сталинист, Вы антисталинист. Надо учиться марксизму. Но придёте ли Вы к нему? Овладеете ли?

Писателю не обязательно быть политиком, но не мешает.

Я целиком принимаю и одобряю 30-е годы – Вы против.

Я оправдываю репрессии. Раскулачивание деревни. Аресты. Были несправедливые аресты? Были. Но эта жестокость, как её называют сегодня, была необходима. Это была наша подготовка к войне. Надо было расчистить сперва тылы, а потом воевать.

Сталинская политика – единственно правильная политика.

Ленин не либерал. Ленин был жесток и беспощаден, где надо. И Сталин – продолжение его. Не зря сказано: Сталин – это Ленин сегодня. Сталин был единственно достойный продолжатель Ленина.

Ленин – гений. Сталин – великий. Ленин – учёный (и отсюда сложность его стиля), Сталин – пропагандист, и потому он так понятен, так логичен, так неповторим в языке... Не слова – а железные когорты, брошенные в бой.

Бухарин, Рыков... Их надо было уничтожить, срубить головы.

Почему Ленин это не сделал? А силы не было.

Сталин в 17-м году, когда Зиновьев и Каменев предали революцию, вступился за них, хотя Ленин настаивал на исключении. Это был манёвр. Накопление сил.

Политбюро 1921 г. 5 человек и 3 кандидата: я, Калинин, Ворошилов. И единственный ленинец в политбюро – Сталин.

У меня бывали разногласия со Сталиным. Я был мягче кое-где, но об этом не стоит говорить.

Кадры военные разгромили накануне войны, в союз с Гитлером вступили? Правильно.

Почему Сталин не выступил первым в начале войны, а я? Сталин растерялся, был подавлен. А кроме того, очень неясно: удастся ли расколоть империализм, неясно, как настроение в стране.

Раскулачивание, подрыв сельского хозяйства, уничтожение крестьянских хозяйств. Надо было

это сделать. Наше спасение – рабочий. Надо страну сделать рабочей.

Интеллигенция (за исключением авангарда) заражена мещанством.

Бедняк – опора в деревне. Не умеет пахать, работать – неробот, как Вы говорите? Научится. Дать трактор, технику, и научится. Зато наш. Верен коммунизму навсегда.

Рабочий – это человек, который работает на государство. Крестьянин и даже колхозник – на себя.

В народе нашем главное желание – мир. Всё перетерпим, и это не надо забывать.

Положение внутри... Будет сложнее. Но к коммунизму придём. В XXI веке империализма не будет.

Оккупация Венгрии, Чехословакии – правильно. Там восторжествовал капитализм. Могли мы пойти на это?

Наша главная беда – мало, почти нет марксистов... Профессора наши, доктора наук – читаю «Коммунист», «Вопросы философии», «Экономист» – путаники.

11.X.1980

Каждый день работает. Чем занят?

Пишет докладные записки в ЦК. Оценка текущего момента, прогнозы, советы по вопросам внутренней и международной политики. Словом, внештатный консультант, референт.

Как оценивают в ЦК его докладные записки?

Ответов нет. Но он 20 лет пишет непрерывно. И думается, он увидел: его советы бесполезны. К ним прислушиваются.

20 лет, как исключён из партии. Это тяжело. Но он уверен: восстановят.

20.XII.1980

О МОЛОТОВЕ

Зачем я хочу увидеть Молотова? Ведь не для того же, чтобы выслушивать его советы, повздыхать о том времечке, как это делают некоторые другие? Писать историю с его слов.

Ведь я же антисталинист, а он сталинист.

Сотни раз задавал я себе эти и другие вопросы, и всё бесполезно: должен увидеть. Должен!

* * *

С бьющимся сердцем, с сушью в горле я всматривался в стоящего передо мною 90-летнего старика, надиво крепкого, собранного. Как машина.

Вот он, величайший преступник, каких знало человечество!

Вот он, палач, пачками отправлявший людей на расстрел, хладнокровно ставивший резолюции на списках, присылаемых ему Сталиным: «Ваше мнение, т. Молотов?». «Какое может быть мнение, когда речь идёт о сволочи? Расстрелять!». Подручный палача и т. д.

Вот он, один из виновников непомерных жертв на войне, перестрелявших офицерский корпус.

Из-за него погибли миллионы. Перебивший весь офицерский корпус, лобызавшийся с Гитлером и Риббентропом, доведший до полной нищеты деревни.

Вот он, вот он... Раздави! Убей его!

Но я стиснул... и заговорил с учтивостью...

Как же я ненавидел себя. Как ненавидели меня те, кто погиб по вине Молотова...

2.VII.1981
16.30–18.00

Ещё одна (вторая) встреча с Молотовым.

Что влечёт меня к этому человеку, извергу? Почему я всё бросаю и еду в эту мерзкую Жуковку? Заискиваю и даже унижаюсь перед ним (не очень, правда)?

Желание узнать, что такое наша революция, её деятель.

В Молотове очень много от большевика-ортодокса. Вернее, он очень типичная фигура.

Страшная, ни в чём не сомневающаяся, готовая на любое злодейство ради цели. И потому – сильная. Из водителей. Вернее, из исполнителей воли водителей. Но исполнителей идеальных.

– Я революционер, Вы нет. И потому у Вас в голове каша. Деятель – только революционер. Ограниченный, говорите? Деятель активный – неизбежно ограниченный. Гениальный – только революционер. Таким был Ленин. Революционер.

Впрочем, у меня раз были колебания. Когда мне было 16 лет. Увлёкся романтикой эсеров-социалистов.

– Вы – романтикой?

Маленькое замешательство.

– Но я быстро распознал их.

– И с тех пор у Вас не было колебаний?

– В вопросах идеологии – нет. Я коммунист с 1906 г., а у коммуниста настоящего какие могут быть колебания? В 62 г. меня исключили из партии, но из рядов борцов за коммунизм кто меня может исключить?

– Социализм и жертвы... Знаю. Некоторые ищут социализм без жертв. С человеческим лицом. Недумки. Научного социализма без жертв не может быть. А всё остальное – это около социализма, маскировка под социализм.

Толстой и Достоевский... Путаники великие. Впрочем, Достоевский был нам ясен. А Толстой – ох как мешал! Ленинские статьи, говорите? Они нужны были, чтобы нейтрализовать влияние Л. Толстого на интеллигенцию. Л. Толстой не знал, что делать и где делать. Вот и умер на железной дороге.

– Так Вас пугают жертвы... Вы за социализм. Только без жертв... Вы не понимаете социализма. Жертвы во благо народа – необходимы. Жизнь есть борьба, а борьба без жертв не бывает.

– Ну а жалость?

– Вы опять не коммунист. Жалость – это выдумка поповщины и всякой слюнявой, бесхребетной интеллигенции.

– Перестройка (коллективизация) деревни и жертвы. ...Вы всё оплакиваете деревню.

– Конечно, хотя я не идеализирую старую деревню.

– Это верно, и я Вас отличаю от других писателей. Но деревню нужно было коллективизировать. Это ленинская идея... Без коллективизации мы не выиграли бы войны.

– Почему? Ведь единоличное хозяйство давало хлеба не меньше.

– Единоличное хозяйство давало хлеб, но как взять его? Коллективизация – это социализм на деревне. А социализм – это организация. Без организации деревни хлеба мы бы не взяли.

– А нынешнее положение деревни Вас волнует?

– В каком смысле?

– Многие деревни заброшены, в стране недостаток продовольствия...

– То есть крестьянин убежал в город? Очень хорошо! В деревне нельзя сделать хорошую жизнь, а советский крестьянин хочет хорошей жизни.

– Но разрушение деревни – это разрушение духовных основ нации.

– Опять каша! Духовная основа нации куётся у станка, и крестьянин без рабочего никуда не пошёл.

– В Гражданскую войну красноармейские полки состояли из крестьян, а не из рабочих.

– И что? Страна-то была крестьянская. Но крестьянам самостоятельно из нужды не выйти – это сказал Ленин, величайший гений.

– Не кажется ли Вам, что мы всё дальше удаляемся от социализма?

– Не кажется. Наоборот, мы всё больше и больше приближаемся к истинному социализму. Социализм – это уничтожение классов.

– А у нас есть классы?

– Есть. Рабочие и крестьяне.

– А бюрократический нарост?

– Вы сами дали верное определение: нарост, а не класс.

– Наши крестьяне сейчас не голодают...

– Но в стране нет продовольствия...

– Опять Вас заносит. Опять Вы не можете отделить временное от главного.

– Ничего себе временное. После 60 лет советской власти жрать нечего.

Заговорили о литературе.

Выделил из последних произведений роман Айтматова, хотя далеко не со всем согласен. Меня опять назвал талантливым писателем, но либералом типа Достоевского и Толстого. Социализм, социализм у Вас хромает... Вы не горьковской школы... Не прошли рабочей выучки.

Разговаривали в таком духе часа полтора. На открытой веранде. Всё ещё крепко. По-прежнему рукопожатие мужика, но левая рука уже дрожит...

На этот раз меня угощали чаем. Скромно. Очень скромно. Докторская колбаса, клубничное варенье, хлеб особого крупного помола (хорош для пищеварения) и всё.

Несовместимо, совершенно несовместимо: Молотов, палач № 2, и чистенькая, застланная белым кроватка гимназистки.

Дача небольшая. Но чистая и с эдаким даже лирическим душком. Светло-жёлтая, деревья вокруг (сосны с липами или вязами), лужок.

Палач на лоне природы.

Надо бы убить. А я ведь ещё раз поеду. Тянет, тянет.

Революция засасывает – вот что такое это влечение к палачу. Хочется хоть что-то понять.

Чистенький старичок. С коричневым пятном старости на лбу, на облысевшей голове. Но круглые, всё ещё тёмные глаза, как два дула, как два револьвера наставлены на тебя.

ПОДВИЖНИЦА – ОТ СЛОВА «ПОДВИГ»

Л. В. Крутикова-Абрамова –
лауреат Всероссийской премии имени Фёдора Абрамова

На исходе ноября 1992 года в грязной, заваленной мокрым снегом Москве, аккуратно посерединке между забором ГКЧП и расстрелом Белого дома, состоялся I Конгресс интеллигенции России. Тогда, во времена ещё не прошедшей эйфории, всё виделось всерьёз: думалось, власть собрала нас на совет, стало быть, считается, готова выслушать и услышать... Но теперь-то, по прошествии стольких лет и таких катаклизмов, которые мы пережили, ясно, что это была типичная пропагандистская акция. Президентское окружение искало в лице «классовой прослойки» союзников. А зреющий олигархат присматривался к собравшимся, дабы вычленив из этой среды гибких подручных.

Единственно чем я благодарен тому конгрессу, так это тем, что там оказалась Л. В. Крутикова-Абрамова, и мы с нею познакомились. Как страстно звучал голос Людмилы Владимировны, когда она впервые открыла сюжет «Чистой книги». «Не стреляйте! – твердила она призыв Махоньки, которая очутилась между белыми и красными. – Не стреляйте!» И до того это было злободневно и символично, что зал просто замер, словно всех нас коснулось предчувствие каких-то новых, ещё более трагических перемен.

А при расставании Людмила Владимировна напомнила, что через полгода – 10 лет со дня кончины Фёдора Александровича.

Для меня Абрамов – творческая заря. На исходе 70-х я прочитал трилогию «Братья и сёстры», а следом – только что вышедшую заключительную часть эпопеи – «Дом». Прочитанное настолько захватило меня, что я, на ту пору журналист, принялся писать повесть о деревенском детстве. Литературные опыты случались и прежде, но отсчёт своим прозаическим работам веду с той самой повести, которую написал в самом начале 80-х, ещё при жизни Фёдора Александровича, – «Арап – чёрный бык». То есть Абрамов, не ведая того, по сути стал моим творческим крёстным.

А Людмила Владимировна – это крёстная мать «Белого парохода». Она, напомнившая о 10-летней годовщине, да ещё Инна Дмитриевна Асадчик, директор ОНМЦ, которая поддержала идею создания литературного альманаха. Чего стоило за считанные месяцы сформировать и выпустить первый номер, поминать не стану. Помогали благослове-

ние Людмилы Владимировны, её конкретный вклад в свод рукописей, а ещё, несомненно, незримая рука Фёдора Александровича.

С нежностью гляжу на своё детище. «Белый пароход» бороздил Море Словесности почти десять лет, участвуя в литературном процессе и одновременно формируя его. И все эти годы на выпеле его, благодаря помощи Людмилы Владимировны, было имя Фёдора Абрамова. Вот подтверждение.

1993, № 1

Французский дневник Фёдора Абрамова (Публикация Л. В. Крутиковой-Абрамовой).

«Обо мне сравнительно мало писали...» (Из писем другу Ш. З. Галимову, тоже фронтовику).

«Из колена Аввакумова» (очерк Виктора Толкачёва о пребывании Фёдора Абрамова в Нарьян-Маре и Пустозерске)...

1994, № 2 (4)

К 75-летию Фёдора Абрамова.

Из неопубликованного (наброски рассказов, дневниковые записи, письма). Публикация Л. В. Крутиковой-Абрамовой.

1995, № 1 (5)

«Абрамовская тропинка» – сочинения школьников Архангельской области – победителей литературного конкурса, инициатором которого выступил «Белый пароход» (Вступительное слово Ольги Фокиной).

1996, № 2 (8)

Фёдор Абрамов. Записные книжки 1977 года. (Поездки в Германию, Финляндию и Америку). Публикация Л. В. Крутиковой-Абрамовой.

2000, № 1 (14)

Фёдор Абрамов – 80 лет.

«Абрамовский угор, 29 февраля 2000 г.».

Фёдор Абрамов. «Чистая книга» (отрывок).

«Исполни духа». Слово прощания. Автор Ш. З. Галимов.

«Эффект присутствия». Аналитический обзор Георгия Цветова.

«Веркола», стихотворение Вадима Беднова.

«Про Верколу», стихотворение Ольги Фокиной.

Опубликованное в «БП» – это малая часть того, что Л. В. Крутикова-Абрамова подготовила для печати. Посмертные издания, архивная публицистика, мемуары... Но даже то, что вышло в «Белом пароходе», поражает.

Абрамовская эстафета в архангельской периодике продолжается. Теперь – и опять же благодаря Л. В. Крутиковой-Абрамовой – её несёт «Двина». И со страниц этого издания редакция и редколлегия журнала горячо поздравляет Людмилу Владимировну с награждением Всероссийской премией имени Фёдора Александровича Абрамова!

Михаил ПОПОВ

**«Белый пароход» –
15 лет**

Проза
и поэзия:
отражения
времени

М. ЕВФИМИЯ (Е. В. ПАЩЕНКО)

День Победы

РАССКАЗ

Елена Владимировна Пащенко родилась в Архангельске. Окончила медицинский институт. Работала участковым врачом. Сейчас врач-невролог.

В 1996 году приняла постриг. Окончила заочно Православный Свято-Тихоновский богословский институт. Автор ряда книг по истории православия на Севере.

*Светлой памяти моего дедушки
С. Н. Герасимова*

В угловой квартире на втором этаже одного из тех старых двухэтажных домов, что когда-то звались военным городком, жил старик, ветеран войны. Люди, недавно поселившиеся по соседству, считали его одиноким. Потому что жил он замкнуто, выходя из дому только в магазин, в сарай за дровами да изредка на почту. Два раза в месяц к этим традиционным маршрутам добавлялся ещё один – в библиотеку, где он брал книги – что-нибудь из военных мемуаров или русской классики. Короче, это была не жизнь, а скорее житьё, одинокое и безрадостное.

Надо сказать, что и сам старик ощущал себя человеком, утратившим всё. Ведь теперь то, что для него было дорого и свято, подвергалось хуле и насмешкам. Теперь страна, где он жил, слыла не «великой и могучей» Россией, а убогой «Рапшей», с тёмным и отвратительным прошлым. И в которой словно не было ни великих писателей и художников, ни дерзновенных учёных, ни доблестных воинов, побеждавших любых врагов – от Мамаёв до Гитлера, а были лишь лагеря, заградотряды, подлость и низость, воровство и беспробудное пьянство. Сначала это ужасало и возмущало его. Пока он не вспомнил, что и прежде точно так же поносили прошлое страны, ставшей потом «страной Советов». Всё повторялось... Но, как говорится, сердцу не прикажешь, и эти логичные рассуждения не могли заглушить его душевной боли... Поэтому-то старик уже давно смотрел по телевизору только новости да изредка – комедии советских времён.

И больше – ничего. Всё остальное было ему чуждым и чужим. С годами он всё больше чувствовал себя человеком, живущим в чужой стране.

Все родные и друзья старика уже умерли. Первой ушла его жена, Галина Сергеевна, а для него – Галочка, бывший военврач-хирург. Они прожили вместе более полувека и до выхода на пенсию работали в одной поликлинике. Последние три года она тяжело болела, так что уже не могла обходиться без лекарств. К счастью, их пенсий хватало, чтобы купить их... Но болезнь прогрессировала, и однажды ночью Галина Сергеевна попросила мужа вызвать «скорую». Однако врачи отказались везти её в больницу, ссылаясь на распоряжение начальства госпитализировать лишь больных трудоспособного возраста. Все его просьбы и угрозы были бесполезны. Когда же «скорая» уехала, Галина Сергеевна сказала ему:

– Успокойся, Сима, они не виноваты. Видно, зажилась я на свете. Пора умирать...

Потом она сказала, что хочет немного вздремнуть, и велела ему идти спать. Он вышел в соседнюю комнату и прилёг там, чутко вслушиваясь в каждый звук. Пока незаметно не забылся сном. Проснувшись под утро, он окликнул Галину Сергеевну. Ответа не последовало, и он с ужасом понял, почему в квартире было так тихо...

А вскоре покинул старика и его давний друг и сосед Яков Абрамович. Они дружили с того самого времени, когда после войны вместе въехали в этот дом. Надо сказать, что Яков Абрамович, профессиональный военный дирижёр, слыл человеком весьма живым и общительным. Он быстро сдружился со всеми соседями и то и дело приглашал их к себе в гости. Тем более, что всегда отличался хлебосольством и был душой компании. И умел не хуже любого артиста петь под гитару романсы и куплеты. Но никто, кроме самых близких друзей Якова Абрамовича, не знал, что вся его семья во время войны была убита фашистами. Как никто не догадывался, каких усилий стоило ему казаться весёлым и беззаботным тогда, когда сердце его «рвалось и плакало»... Он умер в доме престарелых, куда переселился после гибели приёмного сына Семёна. Тот был бизнесменом. Правда, чем именно он занимался, Яков Абрамович представлял весьма смутно, поскольку тот не стремился посвящать отца в тайны своего бизнеса. По тем же причинам он навещался к нему лишь изредка. Однако каждый визит был событием для всех обитателей старого дома. О нём возвещал треск ветхой деревянной мостовой под мощными колёсами его «джипа». Пока соседи из-за штор разглядывали новопривышнее «чудо вражеской техники» с тонированными стёклами, оттуда появлялся плечистый охранник, открывал дверцу и помогал выйти Семёну, а теперь уже Семёну Ефимовичу. Потом тот шествовал на второй этаж по скрипучей и пропахшей кошками лестнице в сопровождении того же охранника, нёсшего в руках разноцветные блестящие пакеты, шуршавшие в такт его шагам. Спустя несколько минут снова раздавался треск мостовой под колёсами отъезжающей машины. А вечером Яков Абрамович по старой привычке звал в гости соседей и потчевал их присланными деликатесами, извиняясь при этом, что Семёна передавал всем им поклон, хотя сам и не смог остаться, поскольку очень занят...

А потом Семён внезапно исчез. Лишь много позднее Якова Абрамовича вызвали, чтобы опознать тело... После похорон Семёна с Яковым Абрамовичем случился инсульт, и из больницы его увезли в дом престарелых. Тем более, что, пока он болел, его квартиру успели обокрасть...

Около года каждое воскресенье старик ездил в дом престарелых навещать друга. Яков Абрамович жил в четырёхместной палате на втором этаже, куда, в отличие от страшного для всех обитателей этого дома «третьего этажа», где находились лежащие и умирающие, посетителей пускали свободно. У входа на этаж висела чеканка с изображением пальмы с двумя огромными орехами по бокам и надписью: «Какие труды – такие и плоды. Узбекская пословица». Яков Абрамович, как всегда, находился на койке у окна. Безучастно выслушивал новости. Лишь когда старик вручал ему гостинцы – любимые конфеты с желёйной начинкой, печенье и чай – Яков Абрамович заходил в том страшном, бессильном и беззвучном плаче, каким плачут парализованные люди... А потом прятал подарки в пустую тумбочку.

Последний раз он выглядел совсем больным и дряхлым и не сразу узнал соседа. А узнав, отказался взять гостинцы.

– Не надо... Меня скоро переведут... туда... Всё равно, после Семёна... мне незачем жить...

Явившись в дом престарелых в следующее воскресенье, старик узнал, что той же ночью Яков Абрамович умер. А один из его соседей по палате предложил ему в обмен на пачку чая измятого и истёртую фотографию кудрявого большезлого мальчика с плюшевым медвежонком в руках. Это была фотография Семёна...

Но эти утраты были для старика всё-таки не последней каплей горя. И если ещё можно было смириться с потерей тех, кого забрала смерть, то терять живых было намного больнее и горше. А ведь именно так он потерял единственную дочь. И произошло это три месяца назад, в день рождения старика. С тех пор она не приходила к нему и даже не отвечала на его телефонные звонки.

До этого дочь хоть раз в месяц, да навещала старика. Плакалась на болезни, на маленькую пенсию, на то, что дети совсем забыли её и не посылают ей ни копеечки. Он угощал её заранее припасённым вафельным тортом и поил чаем. И каждый раз незаметно совал в кармашек её потёртой сумочки несколько ассигнаций, которые приберегал от своей пенсии. Сам он привык жить более чем скромно. А ей эти деньги были нужнее.

Тогда всё было как обычно – дочь жаловалась на детей, на бедность, на одиночество. А потом сказала:

– Вот я и думаю – а для чего мы жили? Ради чего? Ведь не для чего жили... Вот ты скажи, отец, зачем ты воевал? Что ты за это получил? Угол в развалюхе да медяшки на грудь... Да лучше бы нас тогда немцы взяли! Может, жилось бы лучше...

Она не договорила. Старик вскочил, смахнув на пол чашку, и закричал:

– Не смей так говорить, слышишь! Дура!..

В ответ она визгливо выкрикнула что-то злое и обидное и выбежала прочь, хлопнув дверью.

...После этого старик много дней не находил себе места. И, странное дело, впервые позавидовал умершим родным и друзьям. Тем, кто ушёл вовремя, не

дожив до тех времён, когда в их изменившейся до неузнаваемости стране дети станут упрекать отцов за то, что они спасли их от рабской доли и от смерти. Он понимал, что наступило такое время, когда именно это от них и можно было услышать. И не в его силах что-либо изменить. Точно так же, как давным-давно, в детстве, когда его, полунищего деревенского мальчишку-сироту, обижали люди, которые были старше и сильнее его. Но тогда ещё была жива его мать. Она брала его на руки и, целуя, шептала ему что-то ласковое и утешительное. Родина-мать, родная мать... чем теперь она могла утешить своих обездоленных и преданных детей?..

Только странное дело – тут старику вдруг вспомнилось одно событие из его детства. Ведь именно мать тогда водила его в монастырь, к мощам святого, в честь которого он получил своё имя – Серафим. И там купила ему целлулоидный крестик со стёклышком посередине. Если поглядеть в него, можно было увидеть картинку, на которой преподобный Серафим, сидя под елью, кормил с рук медведя. Правда, со временем стёклышко выпало, а вместе с ним сгнула и чудесная картинка. А потом и сам он вырос, перестал верить в Бога и вступил в комсомол, а потом и в партию. Но всё-таки сохранил крестик как единственную память о матери. Он берёт его даже на фронте, зашив в ворот гимнастёрки. Причём удивительно, но все пять лет войны смерть обходила его стороной, и он даже ни разу не был ранен... И вот, вспомнив о крестике, старик достал его из коробки, где хранил орденские книжки. Да, это был всё тот же маленький кусочек розового целлулоида с зияющей дырочкой посередине. Ничего особенного. Но, странное дело, – сжимая его в ладони, он уже не чувствовал себя отчаявшимся и беспомощным. Словно в руке его теперь было оружие, «оружие непобедимое», как вдруг вспомнилось ему из слышанного в детстве в церкви... Оружие веры – последнего, что остаётся у человека, несмотря на все испытания и утраты. И помогает ему выстоять.

...Вскоре наступил День Победы – любимый праздник старика. В этот раз он готовился к нему особенно тщательно – достал парадную офицерскую форму, почистил фланелькой ордена и медали. А напоследок под чёрный китель надел тот самый маленький крестик. И, несмотря на то, что уже который день старик чувствовал себя плохо и в другое время предпочёл бы отлежаться дома, он всё-таки решил пойти на праздничный парад, который, как обычно, устраивался возле памятника героям войны на городской набережной. Он пошёл бы на него, даже зная, что этот парад станет для него последним. Ведь День Победы был единственным из оставшихся у него праздников...

Он шёл по залитой солнцем улице под звуки раздававшихся со всех сторон военных песен. И шедшие мимо люди с воздушными шариками, мороженым и бутылками пива в руках с изумлением косились на старика в военной форме, дивясь его выправке и по-молодому уверенной поступи. А он шагал вперёд, преодолевая нарастающую боль в груди. И, кажется, теперь понимал, почему меч, с которым когда-то в старину русский воин в смертном бою побеждал любого врага, посягавшего на его Родину, был так похож на Крест.

Юрий Пахомов (Юрий Николаевич Носов) – автор многих книг: «Остров махаонов», «К оружию, эскулапы!», «Драконова кровь», «Введенский канал» и других. Его произведения переведены и экранизированы.

Военный моряк, врач, флотская юность Юрия Николаевича началась на Северном флоте. Об этом капитан первого ранга, член Союза писателей России, член Высшего литературного совета СП и рассказывает.

Юрий ПАХОМОВ

Южный берег

Белого моря

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ

Кто из начинающих писателей не помнит своего первого редактора? Того самого, кто спокойно и как-то даже буднично скажет: «Оставьте материал, он пойдёт в ближайшем номере...»

Представьте северный городок, задавленный полярной ночью, – несколько улиц, несколько друзей, неопределённая, и вдруг пахнущая машинным маслом комната, где на столах свалены в кучу подшивки газет, а в углу одиноко стоят поношенные, со сбитыми каблучками лакированные лодочки. В этой комнате есть потаённая дверь, ведущая в выгородку главного редактора базовой многотиражки «Северная вахта» Анатолия Афанасьевича Адекова. В последний раз виделись мы мельком в редакции флотской газеты «На страже Заполярья» где-то в начале восьмидесятых. На его уже обрюзгшем лице лежала печать усталости, разговор получился сбивчивый, пустой, и я в торопливости встречи подумал, что Адеков для меня утратил ореол загадочности – один из десятка редакторов, которых я к тому времени знал. Ан нет, с годами многие забудутся, как бы потеряв душевную ценность, и я увижу Адекова таким, каким увидел его в начале шестидесятых.

К тому времени мы с женой перебрались в тринадцатиметровую комнату в пятиэтажке – рядом штаб базы, госпиталь, Дом офицеров флота, магазины. А главное – не нужно топить прожорливую печь, в доме паровое отопление. Красота! Вот там, в этой крошечной комнате, за круглым обеденным столом я и написал первый рассказ. Название у него было, понятно, строго медицинское – «Первый пациент».

Произошло это внезапно, рассказ разом выплеснулся на бумагу, словно опара уже долго бродила во мне, и достаточно было лёгкого толчка, чтобы брага созрела. Соседка по коммуналке Неля Зайцева, филолог по образованию, одно время работала корректором в базовой многотиражке «Северная вахта». Прочитав на кухне рассказ – всего четыре странички, она сказала: «Отнеси в «Вахту». Газетка так себе, к тому же не гонорарная, но начинать всё равно с чего-то нужно. Редакция рядом с флотским полуэкипажем – стандартный сборно-щитовой барак. Только постарайся, чтобы рукопись попала в руки главного редактора Анатолия Афанасьевича Адекова. Завтра и отнеси».

Я так и сделал. Анатолий Афанасьевич оказался круглолицым и совершенно лысым старшим лейтенантом. Мы были в одном звании. Сдавался номер, и вся редакция была в сборе. Быстро проглядев рассказ, Адеков произнёс роковую фразу: «Оставьте материал, он пойдёт в ближайшем номере». А через неделю я держал в руках газету, где моё имя было отгиснуто типографской краской. Рассказец, как я теперь понимаю, был убийственно слаб, но при всей своей ученической неумелости стал первым шагом к моему грядущему раздвоению.

Там, в редакции, я познакомился с корреспондентом-организатором Володией Ждановым. Золотоволосый, сероглазый выпускник Львовского политического училища мне сразу понравился, он был наполнен до краёв светлой творческой энергией, его распирало от замыслов и честлюбивых планов. Мы подружились, а вскоре стали соавторами. В 1964

РАССКАЗЫ

году в Беломорской военно-морской базе произошло чэпэ: водолаз-глубоководник при спуске колокола сорвался с площадки, угодил на дно, потерял сознание, его подняли, поместили в барокамеру. Спас водолаза выпускник Военно-медицинской академии Жора Клинецвич. При этом Жора был тяжело болен – двусторонняя пневмония – и за семьдесят шесть часов, проведённых с потерпевшим в барокамере, едва сам не отдал концы. Клинецвич я навестил в госпитале и довольно быстро написал очерк. Очерк напечатали во флотской газете «На страже Заполярья». На Жору обрушилась слава. Володя Жданов, прочитав очерк, предложил на его основе написать киносценарий. Мы так и сделали. Фильм «Держитесь, доктор!» сняла студия «Северянка» с привлечением консультантов с киностудии «Ленфильм». В главной роли снялся... Анатолий Афанасьевич Адеков. Теперь уже над нашими головами слава взмахнула перепончатыми крыльями: «Держитесь, доктор!» был признан лучшим самодеятельным фильмом года, а мы с Володей получили премию Министерства обороны.

Жданова заметили, взяли во флотскую газету, а вскоре он стал спецкором «Красной звезды» по Северному флоту, переехал в Североморск, получил трёхкомнатную квартиру, газик с водителем. Пожалуй, это был самый лучший период в его жизни. Энергия Жданова выплёскивалась через край, он писал статьи, очерки, пьесы, стихи, песни, которые известные композиторы перекладывали на музыку, извездил всё Заполярье, ходил в автономное плавание на атомной подводной лодке, поднимался в небо на истребителях авиации флота. Одна за другой стали выходить книги.

Как-то я оказался на сборах в Мурманске и решил навестить Володю. Стояла затяжная полярная ночь, в небе над Североморском разноцветными спиралями раскачивались сполохи. Внезапно сорвался снежный заряд, я шёл ощупью, наткнувшись на людей, где-то рядом в плотной суете проплыл зелёный огонёк такси, и вдруг в ярко освещённом окне первого этажа многоэтажки я увидел золотистую голову Володи. Голова то появлялась, то исчезала, казалось, он один танцует в комнате. Жданов был взвинчен, ждал режиссёра, который взялся поставить его пьесу, я тогда впервые отметил странноватый блеск в глазах приятеля, но не придал этому значения. Режиссёр не явился, застрял где-то в пути, и мы провели с Володей тёплый вечер, проговорив до утра.

Однажды в моей квартире в Северодвинске раздался телефонный звонок, я взял трубку, незнакомый голос спросил: «Юрий Николаевич? С вами говорит писатель Владимир Амлинский. Я читал ваш рассказ, хотелось бы познакомиться. Вы не могли бы зайти во флотскую гостиницу, пятый этаж, в шестой номер? Насколько я знаю, это рядом с вашим домом».

Кто в середине шестидесятых не знал о писателе Амлинском? Его повести печатались в журнале «Юность», выходящем миллионными тиражами, да и книги московского писателя были популярны среди молодёжи.

– А когда можно прийти? – с трудом преодолевая волнение, спросил я.

– Да хоть сейчас, если сможете.

День был воскресный. Я побрился, надел белую рубашку, галстук, свой лучший костюм, захватил

рукописи и отправился в гостиницу. Во дворе, где не росло ни единого деревца, лепились дощатые сараи. А посреди них торчал, упираясь в небо, створный знак, сложенный из выбеленных дождём брёвен. Меня смутило, что известный писатель остановился в гостинице – бывшем офицерском общежитии с общим туалетом, общей душевой и коридором, пропитанным запахом подгоревшей картошки. Впрочем, это можно было легко объяснить: писатель изучал быт своих будущих героев изнутри, пытаясь проникнуть в самую их суть. Из городской, вполне комфортабельной гостиницы, ясное дело, ничего не разглядишь.

Гостиница помещалась на пятом этаже. «Писатель остановился в шестом номере?» – спросил я у заспанной, неряшливо одетой дежурной. Та зевнула, прикрыв рот ладонью, и подтвердила: «Ага». Я прошёл по коридору, спотыкаясь о коробки и детские коляски, постучал в дверь шестого номера, не услышал ответа и, чувствуя подвох, вошёл. От зрелища, открывшегося мне, я, признаться, оторопел: на койке, застеленной синим флотским одеялом, лежал Жданов в казённом нижнем белье и шерстяных носках домашней вязки. Увидев меня, он дрыгнул ногой, хамски ухмыльнулся и сказал:

– Надо же, всенародная известность тебя совсем не испортила.

– Я тебе сейчас морду набью, мерзавец!

– Прости за невинную мистификацию. Но, если бы я назвался своим именем, ты бы не надел белую рубашку и галстук. А так ты выглядишь очень эффектно. Согласись, встреча с другом и соавтором всегда праздник.

Володя, как раньше писали, был в зените своей славы. Позже мне не приходилось встречать человека со столь разнообразными интересами. «Бытовая почта», поиск и шлифовка полудрагоценных камней (дома у него стоял шлифовальный станок, издающий ужасающий скрежет), популяризация лечебных трав, особенно «золотого корня», и бог весть что ещё. И всё, к чему Жданов прикасался, оживало, обретало смысл и сторонников. А потом его благополучие и успех обрушились, как крыша с подгнившими стропилами. По одной из версий, на домашней вечеринке он, демонстрируя ловкость, метнул кортик и угодил им в зад даме, по другой – его изгнали из «Красной звезды» и сослали в Грехиху за стихотворение:

Нынче каждый дурачок надевает свой значок.

Выдающийся дурак получает третий знак!

Не простой, а золотой – слава партии родной!

О «грехихинском» периоде Володе Жданова я написал в своей повести «Ночные полёты» (печатались в «Двине». – *Ред.*). Володя и в самом деле стал популярным телеведущим отдалённого заполярного гарнизона, устройтелем грандиозных балов и конкурсов красоты «Мисс Грехиха», создал при Доме офицеров флота клуб «Дом и корабль» и многое другое. Встретились мы в самом конце семидесятых годов в Ленинграде на совещании писателей-маринистов. На Володе были не виданные в ту пору кожаные брюки, модная, заграничного происхождения куртка, а глаза, как и прежде, излучали неукротимую энергию. Вечером я пригласил его в бар гостиницы «Советская», где остановился. Там,

за коктейлями, он рассказал, что привёз на семинар «потрясный» роман «Глаз циклона», но рукопись отчего-то не понравилась руководителям совещания, отношения с женой осложнились, дочери растут, а сам он стал изрядно квасить. Водка стала чем-то вроде творческого допинга. Простились мы тепло, Володя пообещал незамедлительно прислать рукопись новой повести. Не прислал, исчез на много лет, не отвечал на письма и объявился в Москве, да и то проездом в Сочи, в конце девяностых. Он постарел, стал быстро пьянеть. От его сочинских вояжей осталась короткая шутливо-грустная записка: «Спасибо, друже дорогой, за письмо, прекраснейшее послание. Прости, что не ответил. А сейчас: от долбаной полярной ночи решил удрать я снова в Сочи. Я нынче что-то подзацах, поправлюсь, думаю, в Сочи».

Знакомый писатель из Мурманска рассказал, что Жданов крепко пил и умер в 2003 году.

А первый рассказ хранится в моём архиве, как и многие другие свидетельства ушедшего времени.

КАК МЕНЯ ПРИНИМАЛИ В ПАРТИЮ

Обсуждение рукописи моей первой книги было назначено на 18 ноября 1969 года, а на другой день после обсуждения должна была состояться процедура приёма меня в партию. Ни ту, ни другую дату я, понятное дело, отменить или перенести не мог. Предстояло отпроситься у начальства, смотаться в Архангельск и как минимум утренней «дежуркой» вернуться в Северодвинск и поспеть к заседанию парткомиссии военно-морской базы.

Моя история вступления в КПСС выглядит довольно забавно. Сидел я в своём отделении подвижного санэпидотряда тихо, не высовывался, занимался наукой, в свободное время писал повести и рассказы и всячески отлынивал от общественной работы. Золотое было время. Самое большее, что мне грозило в будущем: со временем стать командиром отряда. Но начальство, видно, разглядев во мне «организаторскую жилку», решило по-своему.

Начмед Беломорской военно-морской базы Иван Никитич Блажков вызвал меня к себе и предложил должность своего старшего помощника, курирующего вопросы боевой медицинской подготовки. Иван Никитич человеком был прямолинейным и жёстким. Военные врачи, да и не только врачи, даже базовое начальство недолюбливало его за резкость, вспыльчивость, конфликтность. Я пробовал сопротивляться: «Иван Никитич, я ничего не смыслю в боевой подготовке и тем более в административно-хозяйственной работе». Блажков холодно посмотрел на меня и усмехнулся одними губами: «Научитесь. Я видел документы, подготовленные вами, мы сработаемся. Мне нужен интеллигентный, хорошо образованный заместитель. И то, что вы эпидемиолог, – плюс. Операционная зона базы огромна – от Соловков до Вологды, эпидемическая обстановка неустойчивая, вспышка за вспышкой, природные очаги инфекций и прочие прелести. А знание боевой подготовки и элементов военной администрации вам не повредит в дальнейшем. Предупреждаю: откажетесь, не дам ходу ни на учёбу, ни на повышение. Меня вы знаете».

Я глянул в его жёлтые, как у рептилии, глаза и понял: плетью обуха не перешибёшь. Если Иван

Никитич начинал кого-нибудь «харчить», то действовал методично, чётко и всегда достигал своей цели, поэтому я только обречённо кивнул в знак согласия.

Наверное, эта самая «организаторская жилка» у меня была, потому что через месяц, когда Блажков ушёл в отпуск, дело у меня пошло спокойно, без окриков и громогласных приказов о наказании виновных. С бесстрашием неофита вращал я штурвал, как-то сразу ухватив стиль руководства базой, знал, когда можно войти к адмиралу с докладом и как выйти. Видно, в какой-то из прежних жизней был я чиновником департамента и сохранённая в генетической памяти информация передана через сотню лет. Военно-морской базой командовал контр-адмирал Семён Никифорович Филимонов, и, похоже, я ему глянулся. Да и с другим штабным начальством отношения складывались неплохо.

А объём работы был немалый. Рабочий день длился с восьми до двадцати трёх часов, учился я у всех и всему, постигая сложную науку управления, штабную культуру, саму психологию власти. Я был младшим офицером, капитаном, а в подчинении у меня оказались более десятка подполковников и столько же майоров, у которых и опыта, и знаний было куда больше, чем у меня. И нужно было так выстроить отношения, чтобы не утратить авторитета и сохранить при том товарищеские отношения.

Одним словом, дела складывались неплохо, и я ничуть не удивился, когда мне из политотдела принесли конверт, в котором лежало приглашение на партконференцию коммунистов базы. Я и понятия не имел, что участником столь важного мероприятия может стать только член партии, к тому же с немалым стажем. Хорошо ещё ума хватило не вылезти на трибуну. А утром меня вызвал к себе председатель парткомиссии и с изумлением спросил: «Слушай, а ты, оказывается, не член партии?» «Так точно», – ответил я. – «Почему?» – «Я к членству в партии отношусь серьёзно. Готовлюсь». – «На хрена готовиться! Через неделю примем в кандидаты. Характеристики уже готовы. Надо же так прошляпить!» – капитан первого ранга с недоумением почесал кончик носа.

...В тот год зима закутила с конца октября, Северная Двина встала, буксиры на фарватере ломали лёд, и чёрные полыньи парили. Северо-западный ветер взбил на побережье ледяные заструги, морозец драл уши. На обсуждение рукописи моей книги писатель Евгений Степанович Коковин явился в валенках и заячьем треухе. Из писателей пришли ещё Дмитрий Ушаков, Евгений Богданов, Вадим Беднов. Присутствовали и сотрудники издательства.

С обсуждением справились быстро. Председательствовал Ушаков, он сказал, что дело ясное – книга готова, большинство рассказов и повесть, входящие в сборник, опубликованы в журналах, мелкие огрехи уберутся в ходе редактуры, редактор Вера Константиновна Лиханова умеет работать с молодыми авторами, с рукописью знакома. Ушакова поддержал Коковин, у него было только одно предложение: в повести необходимо сократить термины, морскую терминологию, читателю не моряку тяжело читать. Впрочем, можно сделать словарь.

При этом выступающие всё время косились в окна, где во тьме бесновался ветер, швыряя в оконные стёкла ледяную крупку. Я прикидывал, где бы обмыть будущую книгу. Остановился я у Димы Ушакова, матушка его, коренная поморка, встретила ласково, тотчас усадила завтракать, определила мне диванчик для ночёвки. Но я со слов Димы знал, что Наталья Никитична не терпит попок и запросто может спустить писателю с лестницы.

Отец Ушакова Алексей Дмитриевич, кряжистый, ещё в силе мужик, зная нрав супруги, только удручающе развёл руками: мол, что тут поделаешь. Сам он не прочь был дёрнуть в компании знаменитых в области писателей.

Старший Ушаков много лет работал начальником тюрьмы, но он был из тех начальников, кому до глубокой старости бывшие зэки пишут покаянные письма, просят житейского совета, поздравляют с праздниками, а крупные авторитеты, «в законе», наставляют молодых: «Дмитрич – человек, честный мент».

По дороге в издательство я спросил у Димы, как быть с обмыванием при положительном исходе обсуждения рукописи, тот отмахнулся, нет ничего проще, у него знакомый – старпом на туристическом лайнере. Лайнер на приколе, и в баре там хорошо и недорого можно посидеть.

Оказавшись на улице, среди ветра, позёмки и окрашенного в мрачно-багровые тона неба, братья-писатели жизнерадостно откликнулись на моё предложение. Ушаков в качестве предводителя увлёк нас на набережную, где гудело так, что казалось, вот-вот начнётся светопреставление. Номер с туристическим лайнером не удался. Трап настолько обледел, что забраться по нему без риска для жизни стало невозможно. Мы пробовали кричать, подавать сигналы. Сверху свесилась тёмная фигура вахтенного, на вопрос, работает ли бар, он только повертел у виска рукавицей и скрылся.

Посоветовавшись, решили двинуть в ресторан «Полярный». Тут нам повезло больше: писателей знали в лицо, и мэтра даже не смутили валенки Евгения Степановича Коковина. Глаза у автора «Детства в Соломбале» искрились. Ушаков шепнул мне: «Евгений Степанович второй месяц не пьёт, но, похоже, сегодня развяжет. И всё из-за тебя».

После промозглого ветра, сухого, обжигающего холода духовитое тепло ресторана с его нестихающим праздничным гулом, кадкой с пальмой, белыми треугольниками кувертов на столах подействовало на меня расслабляюще. Я настолько расслабился, что не запомнил, как мы добрались до дома, где жили родители Ушакова.

Проснулся я от ощущения, что у меня откручивают голову. С трудом разорвав веки, я увидел над собой Алексея Дмитриевича.

– Ты что спишь, паршивец? – свистящим шёпотом спросил он, посылая при этом меня из одного интересного места в другое. – Тебя в партию сегодня принимают, а ты зенки распялить не можешь! А ну вставай, растузить тебя!

Стальными руками он сдёрнул меня с дивана и поволок в туалет, служащий одновременно и душевой, и с ходу сунул под ледяные струи. Сознание вернулось, я едва не выскочил из собственной шкуры. Растирая горячим и жёстким полотенцем,

Алексей Дмитриевич раскатистым архангельским говорком успокаивал меня:

– Я чайку заварил крепкого, считай – чифирь, враз в ум войдёшь. И бегом на «дежурку», дак в аккурат поспеешь. В поезде покемарь часок и оклемаешься. Да подалее от начальства держись, выхлоп у тебя на версту.

– А Дима где?

– Димка-то? Дак пласт пластом. Его без чекушки теперь и на ноги не поставишь. Если бы вы так писали, как пьёте!

На «дежурку» я успел, вовремя явился на парткомиссию и валидол пососал, чтобы хмельной запах перебить, но не удержался и хлопнул в приёмной стакан воды из графина. Хлопнул не от жажды, а от страха. Тут меня и повело – водичка взбаламутила вчерашнее – в кабинет, где сидели «визитеры», я вошёл в весьма благодушном настроении и на вопросы отвечал так громко, что председатель комиссии всякий раз жмурился. Один из членов комиссии, поправив очки, внезапно перебил меня:

– Вы занимаетесь журналистикой и литературой, читал как-то ваш очерк. Как вы относитесь к партийности литературы?

Новая волна вчерашнего хмеля сделала меня смелым:

– Отношусь как положено. Но при этом должен отметить, что всякий художник, будь то литератор, живописец или композитор, имеет право на эксперимент, поиск новых форм самовыражения.

Очкарик с сожалением посмотрел на меня:

– Вон в Чехословакии ваши собратья по перу доэкспериментировались, наши танки гранатами забрасывали.

Я обозлился:

– Я имел в виду творческий, а не политический аспект!

Председатель комиссии замахал руками:

– Давайте без дискуссий. Вопросы ещё есть?

Вопросов больше ни у кого не нашлось.

г. Москва

• КНИЖНАЯ ПОЛКА «ДВИНЫ»

Иван Данилов — звонарь всея Руси

Так без всякого преувеличения можно охарактеризовать нашего знаменитого и, к сожалению, рано ушедшего земляка. Звонарь, музейный работник, историк, сказочник – все его ипостаси представлены в книге «Иван Данилов – мастер колокольного звона». В издание вошли воспоминания, газетные и журнальные публикации, фотографии. Книгу подготовила жена Ивана Елена Дорофеева, а оформил новинку его друг и соратник Евгений Зимирев.

Михаил ПОПОВ

• ОТЗЫВЫ

«Двина» в Приднестровье

Вениамин Яковлевич Поташев, уроженец Лешуконья, живёт вдали от родных мест – в Приднестровье, но о родине не забывает. В 2006 году был на 70-летию Лешуконской средней школы, которую окончил в 1945 году. В этом году, если позволит здоровье, собирается на 450-летний юбилей деревни Юрома, где родился.

Ветеран труда, отдавший все силы и здоровье родной державе, кавалер 15 государственных наград Советского Союза и Приднестровской Молдавской республики, он внимательно следит за жизнью земляков и горячо переживает за судьбу Архангельского Севера.

Живейший интерес В. Я. Поташева вызвал последний за минувший год номер журнала «Двина», особенно публицистика и в частности публикация профессора ПГУ С. И. Шубина, с которым он состоит в переписке. Прочитав статью земляка, озаглавленную «Денег или совести не хватает российской власти?», В. Я. Поташев обратился с письмом к Президенту Российской Федерации. Вот фрагмент этого обращения: *«Неужели в России с её богатым потенциалом природных ресурсов, талантливых учёных, тружеников, с небывалым профицитом бюджета и многомиллиардным стабфондом не найдётся достаточных средств для обеспечения занятости населения Архангельской области, на территории которой находятся такие стратегические объекты, как Плесецкий космодром, северодвинские заводы по строительству и ремонту атомных подводных ракетноносцев, месторождения алмазов, нефти и газа? Вымирающие северные деревни, зарастающие веками плодоносящие поля – это укор неразумной, близорукой государственной политике...»*

Перемен в обустройстве глубинки, которая влачит жалкое существование, ждут все окраины России. От этого зависит будущее государства. Но хватит ли на то политической воли?

Древо

«Двины»:

широта

Вятки

Анатолий ВИЛЕГЖАНИН

По Двине в Заполярье — путём предков

*К 200-летию установления
торгово-дипломатических
отношений
между Россией и Америкой*

ДНЕВНИК ЭКСПЕДИЦИИ

Информационная
поддержка
журнала

Двина

Анатолий Дмитриевич Вилегжанин — уроженец Вятской земли, но корни у него, судя по фамилии, двинские, архангельские.

Член Союза писателей России, редактор и издатель. 17 лет возглавляет творческое объединение «Библиотека котельничской литературы».

Руководитель Беломорской экспедиции, которой посвящена публикация.

Русский Север.

Ни в политическом, ни в экономическом, ни в общественном обиходе у нас не было и нет понятий «русский восток», «русский юг» или «русский запад». А вот Русский Север — есть. И если сейчас глазом и мысленно — по сумме знаний и представлений о нём — обозначить на карте границы, окажется, что наш Русский Север точно вписывается... в границы северо-восточной половины Русского государства на перевале XV–XVI веков. И нет на карте нынешней России другого такого региона, как наш Русский Север, который при всей его многонациональности всегда был и теперь остаётся главным хранителем русского менталитета, народных традиций, духовности и культуры.

Продолжим вольный исторический экскурс в канун явления Петра Великого. Вокруг нашего Хлынова (ныне Кирова), простираясь на север за Великий Устюг, за нынешний Котлас, Соль Вычегодскую, по верховьям Северной Двины — до самых возможных «пределов вегетации» раскинулись хлебные поля. На восток они уходят до Соли Галицкой, за Вологду, вокруг которой возделываются к тому же лён и конопля — на одежду, продовольственное масло, пеньку, парусину, канаты — пропасть других нужных товаров. Ещё нет Петербурга, но уже есть и действует первый и пока единственный в России Архангельский порт, который не только принимает английские, немецкие, голландские корабли с заморскими товарами, но и отправляет в соседние страны русское продовольствие и товары ремесленников.

Именно рождение этого порта способствовало открытию торговых путей от Белого моря через Великий Устюг на Урал, в Чердынь, в Соль Камскую, на Каму, а по ней — до самого Каспия. А также по Сухоне на Вологду, саму Москву, на Волгу, а по ней — до моря Чёрного. И не было в России той поры другого такого региона, в котором бы так удачно сошлись благоприятные для развития торговли природно-географические условия.

Этой замечательной особенностью не могли не воспользоваться вятские купцы. У них был свой торговый путь на Русском Севере, и большая часть его шла по воде от пристани Ношуль в верховьях Лузы, дальше по Югу на Великий Устюг, Сухоне и Северной Двине. Близость единственного морского порта, до которого весной по высокой воде собранная из леса-кругляка баржа с хлебом шла самосплавом всего восемь дней, открывала перед вятскими купцами безграничные возможности в торговле. И век XVIII, и большая часть века XIX благодаря этому стали поистине золотой порой для десятков и сотен деловых людей Вятки, приносили им ежегодно миллионные обороты.

Немногочисленные исторические источники и летописи показывают, что широкий товарообмен, размахнувшийся по российским просторам далеко за границы нашего Русского Севера, при его, разумеется, круглогодичности имел резкие всплески-пики дважды в год — в марте и мае. И первый — в марте — был связан, конечно, со знаменитой Алексеевской ярмаркой — золотой, в смысле даже буквальном, порой для немалой части российского, а уж вятского так непременно и в особенности, купечества.

Журнальный вариант.

Одним из основных товаров на ярмарке были тягловые лошади вятской породы, маленькие, но очень сильные, выносливые и неприхотливые. Их пригоняли на торги на берег Вятки под Свято-Никольским храмом, а также на Верхнюю площадь, которая это название сохранила до сих пор, из наших Глазовского, Кукарского и Слободского уездов числом, достигавшим 3500 голов, и их покупали в Казанскую, Нижегородскую, Московскую и другие губернии для конезаводов или машин на конной тяге. Конный торг шёл довольно быстро и продолжался не более недели. Причём самых дорогих, а значит, и лучших лошадей скупали ещё до открытия ярмарки с квартир их хозяев.

Всегда оставаясь торгом по преимуществу крестьянским, Алексеевская ярмарка и по характеру товара в рознице в основном отвечала жизненным потребностям крестьянина. Конечно, совершенно невозможно перечислить всё, что выкладывалось на продажу, но самые ходовые товары назову. Из продовольствия это хлеб, чай, сахар, мёд, пряники, фрукты, кофе, миндальный, кокосовый и грецкий орехи, изюм, варенье, мармелад, чернослив, паюсная икра, сухие грибы и даже заморские вина. Обычно много было рыбы: голландская сельдь, щука, судак свежий и малосольный уральский, вобла, жерех, сибирская сорога, линь, карась, осётр, сёмга, стерлядь, севрюга, сазан уральский и саратовский, треска, навага, пикша. Рыба шла особенно хорошо. Например, на ярмарку 1865 года из села Истобенска в 49 и города Орлова – 69 километрах выше Котельнича по Вятке было привезено 1000 пудов (!) свежей речной рыбы, и вся она была раскуплена жителями нашего уезда.

Из товаров непродовольственных групп рядом с лаптями, бочками и косами можно было видеть бриллианты, украшения из золота и серебра, шали из самой Бухары, дорогую одежду, фарфор, хрусталь. Рядом со сбруями и хомутами широко представлена была пушнина: заяц, белка, горностай, норка, лиса. И тут же – сукна, шелка, парча, колленкор, полушубки, чайная посуда, шапки, железные и стальные изделия, краска, галантерея, дробь, паровой дёготь, стекло, охотничьи ружья. Кстати, в 1865 году большая партия котельничских и слободских кафтанов и полушубков была куплена в Великий Устюг и Красноборск – центр одного из нынешних районов Архангельской области, в котором мне с друзьями в пору Беломорской экспедиции, о которой речь ниже, довелось побывать дважды и жить несколько дней.

По мере расширения торговли в Котельниче, а также в Орлове стали появляться постоянно действующие торговые конторы архангельских купцов, которые ещё с осени закупали рожь, овёс, лён и продукты его переработки. В середине века здешние купцы отправляли в Архангельский порт до 750 000 пудов разных товаров. Торговля с Архангельском стала усиливаться, особенно льняным семенем, куделью и льном, цена на эти товары была высокой. Первыми котельничскими купцами, начавшими торговлю с Архангельском, были Сергей Зырин и братья Иван и Прокопий Кардаковы.

Второй пик деловой активности вятского купечества был, как я уже говорил, в мае, в пору крупно-оптовой, в основном зарубежной торговли с заморскими странами через Архангельский порт, куда вятская сельскохозяйственная продукция и изде-

лия ремесленников отправлялись из Ношуля на баржах самосплавом по Лузе, Югу и Северной Двине.

Среди деловых людей Вятки и в особенности Слободского, вписавших свои имена не только в хозяйственно-экономическую историю края, но и в становление предпринимательства в России, считаются купцы и промышленники Александровы, Бакулевы, Бульчовы, Макаровы, Онучковы, Платуновы, Гусевы, Прозоровы, Герасимовы – фамилии и рода, заслуживающие отдельных исследований, очерков и книг. Они и целая когорта других видных деловых людей нашего края, используя удобство выхода к порту в Архангельске и активно занимаясь внешней оптовой торговлей, вкладывали свои капиталы в развитие местного производства и мануфактур. Были широко известны кожевенные, литейные, скорняжные, каповые и винокуренные производства. Не случайно в XIX веке Слободской был самым развитым по промышленности и ремесленничеству городом.

Самой крупной фигурой среди вятского купечества и видным деятелем в истории российского предпринимательства был слобожанин Ксенофонт Алексеевич Анфилатов. Родился он 26 января 1761 года в деревне Вагино Слободского уезда Вятской губернии. Когда ему исполнилось 12 лет, отец его и дядя записались в купечество. Звание это, таким образом, закрепилось и за ним. И то ли наследственность тому причиной, то ли дар торговой предприимчивости Божий, а скорее всё это вместе, но к семнадцати годам Ксенофонт – и уже не сын Алексеев, а Ксенофонт Алексеевич – был во II купеческой гильдии и получил паспорт на торговлю в российских, малороссийских (читай – украинских. – А. В.) городах и в Сибири. В 22 года он впервые появляется по торговым делам в Архангельске, где начинает оптовую хлебную торговлю, участвует в откупах и подрядах. Входит в состав учредителей «Беломорской компании», занимающейся рыбным промыслом. В 28 его первый раз выбирают на три года бургомистром Слободского, а в 29 он, ещё не имея собственного жилья, покупает у архангельского купца I гильдии Антона Менсендеина свой первый из пяти, готовый к судоходству корабль, и называет его «Доброе товарищество».

Поскольку в самом начале XIX века наш Слободской и вятская при нём округа были едва ли не основными поставщиками русских товаров для продажи за границей, торговые дела молодого купца шли в гору. По финансовому обороту, помимо льнопродукции и зерна, самым ходовым товаром были вина Павловского и Ключаревского заводов. Только вина с Ношульской пристани доставлялось по весне на баржах до 1 миллиона 700 тысяч ведёр. Чтобы справиться со всё возрастающими товарными оборотами, Анфилатов создаёт свою торговую контору сначала в Архангельске, а потом совместно с вологодским купцом Митрополовым аналогичную контору в Лондоне. Надо заметить, что к тому времени в Архангельске русских торговых контор было всего 3 и уже 8 иностранных.

Именно эти первые годы века стали временем пика деловой активности и финансового успеха Ксенофонта Алексеевича. Имея выход в северные моря и покупая один за другим корабли, он торгует с европейскими странами: Голландией, Англией, немецкими городами и даже через Средиземное море с Турцией. В декабре 1805 года он через министра

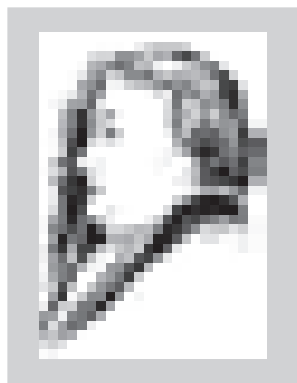
коммерции графа Н. П. Румянцева подаёт прошение и получает разрешение от самого государя Александра I на торговлю с Северо-Американскими Соединёнными Штатами, с которыми к этому времени не было даже дипломатических отношений на уровне посольств. В сентябре 1806 года Анфилатов из трёх разрешённых для торговли через Атлантику отправляет из Архангельска в Нью-Йорк первый корабль «Иоганес Баптист» («Иоанн Креститель»), а из Санкт-Петербурга в Бостон – второй – «Эрц-Энгель-Михаэль» («Архистратиг Михаил»). Среди «разного российского товара» были, вероятнее всего, традиционные для российских купцов хлеб, лён, говяжье сало, кожи. Оба корабля, пусть не без трудностей и злослучений, но вернулись и доставили в Россию первые американские товары. В числе их было 3600 бутылок ликёра, ром, кофе, шоколад, лавр, корица, гвоздичная головка, мускатный орех, перец, какао, каролинское пшено, сахарный песок, красный, синий и жёлтый сандал, брусковая краска индиго, красное дерево.

Выступив первым из российского купечества в торговле с Америкой и рискнув открыть путь в Новый Свет через океан, Ксенофонт Анфилатов не только не был обложен обычной в таких предприятиях государственной пошлиной, но и получил из российского бюджета, по-нашему говоря, подъёмные в 200 тысяч рублей. Эта сумма вместе с хорошей выручкой от этого первого заокеанского предприятия сделали Анфилатова купцом-миллионером, и к 1809 году ему присвоена была I гильдия.

Российские флаги на мачтах анфилатовских кораблей, впервые увиденные в портах Америки, вдохновили и заморских негодяев, которые уже по проторенному по атлантическим волнам пути повезли к нам колониальные, как их тогда называли, товары. У правительств двух наших государств возникла необходимость установить после торговых уже дипломатические представительства на уровне посольств, что вскоре и было сделано – в 1809 году. А потому Ксенофонта Алексеевича можно с полным правом назвать первым дипломатом России в Америке.

Его упорство и энергия в делах, стремление помочь становящимся на ноги деловым людям своей малой родины и тем самым способствовать процветанию нашего края не знают предела. Анфилатову приходит новая для российского купечества идея создания в своём городе общественного банка. Для испрошения изволения на это он опять обращается к графу Н. П. Румянцеву и получает высочайшее разрешение. Банк был открыт в городе Слободском в 1810 году и стал первым в России общественным банком. В начальный капитал банка Анфилатов вложил 25 тысяч рублей, и 3 тысячи собрали слобожане. Несмотря на то, что ссудные кредиты банк выдавал под 6 процентов годовых – а это процент, скажем так, немалый – услугами его пользовались многие.

Последнее десятилетие жизни Анфилатова – пора во многом драматичная для него как в деловом, так и личном плане. В 1809 году, в пору начала в Европе Наполеоновских войн, третий корабль его, отправленный в Америку, бесследно исчез, и из делового оборота вышло 128 тысяч рублей. По закону подлости тут же подоспели другие коммерческие и политические перемены и обстоятельства,

*Ксенофонт
Алексеевич
Анфилатов
(1761–1820)*

способствовавшие банкротству. Утонул старший сын Иракий, опора и помощник в делах отца, человек образованный, опытный в делах, владеющий английским языком. Опорой и утешением в бедной старости его были чистая совесть и молодая жена – дочь одного из архангельских купцов, всего тремя годами старше его собственной дочери, в доме и на хлебах которой в Архангельске Ксенофонт Алексеевич в возрасте 59 лет скончался в 1820 году.

Стоит отметить, что верхушка слободского общественного и делового бомонда, не говоря уже об обывателях, несколько лет даже не знала о смерти своего знатного земляка, хотя продолжала активно пользоваться и в бизнесе, и в «свете» благами и преимуществами для них и для города, открытыми для них возможностями банка Анфилатова. И, видимо, в самый канун приближающегося 100-летия со дня его рождения (1861), когда уже было поздно выдвигать какие-то хорошие проекты для увековечения его имени, кому-то пришла в голову мысль установить на могиле Анфилатова в Архангельске памятник из тёмно-красного мрамора, что и было сделано в 1863 году.

Говорить об этом даже сейчас грустно и стыдно, поскольку подобное «почтение памяти» сделано было с двухлетним опозданием после 100-летия со дня рождения и через 43 (!) года после смерти – целые два, считай, поколения. Это, во-первых. А во-вторых, жест этот, претендующий на «честь» сделавшим его, самим сделавшим... ничего не стоил, поскольку затраты на памятник и установку его на могиле произведены были, по сути, из банковских процентов того, 43-летней давности, 25-тысячного вклада Анфилатова. Неблагодарные мы потомки, не чтим славных своих предков.

Именно эти совестливые мысли и желание, пусть скромно и пусть специфично, как это можем сделать только мы, как никто, кроме нас, не сделает, в канун 200-летия установления торгово-дипломатических отношений между Россией и Америкой, заложенных Ксенофонтом Алексеевичем Анфилатовым, решено было именно в эти годы провести Беломорскую экспедицию. Пройти по древнему торговому пути вятских купцов, сухопутной и водной дорогой, по которой лучший вятский торговый люд, и в первую голову Ксенофонт Алексеевич, каждую весну во всякий год с 1778 и где-нибудь, наверно, по 1810-й, на протяжении трёх десятилетий – всю взрослую и активную жизнь проводил вниз по Лузе, Югу и Северной Двине на Архангельск караваны барж-плотов с нашим вятским товаром для Европы и Америки.

Говоря «мы», я имею в виду моих давних друзей по жизни и товарищей по путешествиям. Это в недавнем прошлом директор Вишкильской сельской средней школы Михаил Юрьевич Смышляев; в прошлом преподаватель физики этой школы, а ныне глава Вишкильского сельского поселения Николай Анатольевич Рычков; бывший преподаватель физкультуры Куринской сельской школы, а ныне предприниматель Александр Ильич Петров; преподаватель географии и биологии средней школы села Александровского, автор ряда методических пособий по этим предметам, используемых сейчас в школах области, Александр Ильич Бронников; инструктор специальной физподготовки спортивного комплекса посёлка Ленинская Искра, в недавнем прошлом майор милиции Валерий Исаевич Евсеев. Все из Котельничского района нашей области, все опытные туристы-водники и исследователи истории родного нам Вятского края.

За плечами у нас тысячи километров по многим равнинным в Кировской области и категорийным горным рекам Урала и Карелии, отдельные, в том числе и пешие походы по Забайкалью, Саянам, Кольскому полуострову. В 1998–2001 годах мы впервые в истории Вятского края прошли по главной реке области Вятке, от самого её истока до устья при впадении в Каму на 3-мачтовом 12-па-

русном бриге «Артур Грей» под алыми парусами и посвятили эту четырёхлетнюю экспедицию отмечавшемуся как раз в те годы 120-летию со дня рождения писателя-земляка Александра Грина.

Задавшись целью пройти этим древним торговым путём вятских купцов и посвятить экспедицию 200-летию торгово-дипломатических отношений между Россией и Америкой, мы на базе «гриновского» брига построили одномачтовую двухпарусную яхту и назвали её именем Ксенофонта Анфилатова. В 2005 году был её первый этап общей протяжённостью 750 километров. Сухопутную часть торгового пути – первые 300 километров от Котельнича через Киров и Мураши в посёлок Ношуль – мы проехали на грузовой «газели». Затем уже на яхте «Ксенофонт Анфилатов» под новыми алыми парусами – брэндом всех вятских путешественников-романтиков прошли 450 километров по реке Лузе. В 2006 году поход был продолжен от города Лузы по рекам Лузе, Югу, Сухоне и закончен в райцентре Красноборск Архангельской области на 560-м километре Северной Двины. При этом останавливались в Великом Устюге, нанесли визит российскому Деду Морозу в его вотчине и встретились с ним. В 2007 году на третьем этапе экспедиции прошли ещё 315 километров от Красноборска до посёлка Почтового на границе между Виноградовским и Холмогорским районами Архангельской области.

В 2008 году мы планируем пройти оставшиеся 245 километров Двины и закончить экспедицию в Архангельске. Посетим здесь деревню Вавчугу – родину Российского торгового и военного флота, заложенного здесь самим Петром Великим, музей древнего деревянного зодчества Русского Севера «Малые Корелы», но главное – найдём на городском кладбище могилу Ксенофонта Алексеевича Анфилатова и поклонимся его праху. Поскольку в пору действия этого водного торгового пути по весне на баржах в Архангельск плыли ещё и вятские богомольцы, направлявшиеся на Соловки, мы, уже сверх программы, сядем на теплоход и уплывём на этот знаменитый во всём мире святой архипелаг и вернёмся через Кемь и Санкт-Петербург домой.

Итогом этой экспедиции станет книга «Путь дальний – к морю Белому. Путешествие по Русскому Северу», над которой сейчас работаю. Буду благодарен всем, кто сообщит о возможности предоставить любые материалы о жизни и деятельности нашего купца Ксенофонта Алексеевича Анфилатова в Архангельске.

*г. Котельнич,
Кировская область*

(Продолжение следует.)

*Парусник «Ксенофонт Анфилатов»
на пути к Беломорью*

Публикации

«Двины» –

печатается

впервые

Высказывания Александра Твардовского цитирует известный писатель, журналист и краевед Виктор Мамонтов, отец Антонины Мельник, бессменного редактора газеты «Соловецкий вестник». Виктор Мамонтов встречался с Александром Твардовским в г. Горьком в 1952 году и оставил воспоминания, которые Антонина систематизировала и оформила. После смерти Антонины Мельник часть её архива перешла ко мне, а от меня – к вам.

Василий Матонин

Каждые пять-шесть лет

перечитываю

«Войну и мир»

Твардовский –
о литераторах и литературе

• «Вы спрашиваете о Бабаевском-художнике? Но даже ставить так вопрос нельзя. Бабаевский – не художник. Заплатил ли он хоть частью души за то, что пишет? Как это Шолохов сделал, например? Нет. Ему дать пост председателя облисполкома, он и писать перестанет».

• «Под литературой я понимаю вот что. Это когда прочитаешь книгу, а потом захочешь перечитать её. Я, например, каждые пять-шесть лет перечитываю «Войну и мир». Это – совершенно обязательно».

• «Закуска отнимает время у выпивки, как говорит Фадеев».

• «Комиссия по премиям отклонила мою поэму. Не закончена она ещё была, печаталась в отрывках. Роль парторганизации тоже...»

Хозяин (И. Сталин. – В. М.) посмотрел список и говорит:

– Неужели никто не догадался Твардовского представить?

– Да она же не закончена.

– А вы думаете, он её испортит?

Премии дали.

Когда текст был сдан в печать, некоторые стали настаивать на переделке отдельных мест.

– Нет уж!!! – сказал я.

И над столом возник красноречивый кукиш».

• «Размер рождается не из «гула», как говорил Маяковский, а из слов, из реального содержания мысли».

• «Стихи Тихонова «Два народа», «На всемирном конгрессе» – не поэзия, нет. Так, что-то этатское... Побыл, написал».

• «Пьёт ли Фадеев? Отчасти, да... Нечасто, но подолгу – недели по две. Но его ведь не найдёшь. Он всегда у какой-нибудь тётки Матрёны сидит, огурцами закусывает. Если бы какой-нибудь Иван Иванович пил, так никто бы и не заметил, а тут сразу – вой, преувеличивают».

• «Фадеев сейчас работает над романом. Тема примерно такова: песнь советской индустрии. Если бы об этом писал Бабаевский, я и читать бы не стал, а когда пишет талантливый человек, значит, что-то хорошее будет. Работает он много, на Магнитку ездит. Каждый день на «Серпе и молоте» бывает. Живёт с рабочими, платит им за угол и харчи. Зато знает, когда они встают, что едят и прочее».

• «А рукописей читать сколько приходится! Как-то я лежу больной дома. Приходит Казакевич. Он матерщинник, ёрник большой. Говорит мне:

– Знаешь, чем ты болен? – Говном объелся».

• «Хозяин очень плохо говорит о нашей литературе: нет, говорит, у нас литературы! Вы знаете, когда появился разговор о необходимости Гоголей и Щедриных, он и в десятой части не отразил настроения Хозяина. Когда Сталин приехал из Кремля, рассказал мне всё. Я сразу же вызвал стенографистку и застенографировал».

• «Мы не знаем большого куска жизни. Преступники, нищие, калеки. Проходили мимо них, а это ведь своя жизнь, взгляды, надежды, язык свой».

На фото: А. Т. Твардовский, 1969 г.

Василий КОРКИН

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

Дороги сердца – перепутья борьбы

Воспоминания
об Иване Молчанове (1903–1984)

(Из архива Б. С. Пономарёва)

Он только что перебрался на новое местожительство и постепенно начал обживать его. Наконец-то у Никанорыча появился хотя и крохотный, но всё же отдельный рабочий кабинет, – порадовался я. После тёмной и неуютной комнаты в большом доме на Кутузовском проспекте эта новая квартира в Кунцевском «холмогорье» явилась, как манна небесная.

Однажды, навестив его на новой квартире, я уехал в командировку, а когда возвратился, неожиданно обнаружил у себя небольшое послание и конечно же с дружеским юморком:

Вась, а Вась!

Где ты? Что ты? Совсем забыл обо мне! Очень хочу тебя видеть. Приезжай, пожалуйста, душа моя. Посидим за рюмкой чая, поговорим о том, о сём и на прощанье любимую споём: «Пора в путь-дорогу...».

Нет, серьёзно, приезжай. Только брось открыточку – когда приедешь ко мне. Телефона-то у меня нет до сих пор.

Мне кажется, что ты на меня очень обиделся. Не надо. Приедешь, покажу тебе очень интересное для тебя письмо, которое я извлёк, разбирая свой архив. Это письмо интересно и дорого и для меня, потому-то оно напоминает и мою юность.

Приедешь? Черкни, пожалуйста!

Твой Ваню Молчанов.

В тот же день я приехал к нему и он, как говорится – «под расписку», вручил мне моё же письмо, адресованное И. Н. Молчанову в суровом январе далёкого 1928 года.

Хорошо помню тот день начала 28-го года. Не прошло и двух недель, как я получил от него добродетельный ответ с подробным разбором моих стихов и рассказов. Иван Никанорович жил тогда в посёлке Сокол и сообщил мне, как легче и быстрее я могу добраться до него из Тимирязевской академии. Он усиленно приглашал меня в свои подмосковные пенаты. Я же постеснялся, конечно,

и не воспользовался его приглашением, о чём шибко жалею и до сих пор.

Так или иначе я на всю жизнь остался бесконечно благодарен поэту за его «оперативное рассмотрение моей просьбы». Посылая ему свои литературные опыты, я прежде всего и больше всего страстно хотел подбодрить его после известной полемики в связи с публикацией стихотворения «Свидание» в газете «Комсомольская правда» за 25 сентября 1927 года.

Мне, пятнадцатилетнему мальчишке, казалось, что, получив на рецензию мои стихи, Молчанов непременно успокоится от нападков и лишний раз убедится в том, что читатели его по-прежнему любят и горячо уважают как хорошего лирического поэта.

Наивность?..

Конечно, она. Но что поделаешь, если даже мне в то время было не по себе. Будучи знакомым с Маяковским, я полностью был согласен с его критической оценкой нового стихотворения Ивана Молчанова, но категорически, всей ребяческой душой восставал против грубого окрика, послужившего поводом хулиганским выпадам литературного дуболома Л. Авербаха и беспринципного болтуна и зубоскала А. Безыменского. В самом деле, как можно назвать товарищеской критикой такие, например, его публичные выражения в молодёжной печати:

*...Молчи, Молчанов! Будь покоен,
Пиши себе на шермака.
Ты, братец, грома не достоин
И не достоин кулака.
Иди себе! Вот речка рядом!
Там так уютно, так тепло.
Пройдут века шумливым рядом
И слава величавым задом
Воссядет на твой чело.*

(«Комсомольская правда» от 3 октября 1927 г.)

Или вот такие хамские строки:

*Молчи, Молчанов! Не трать минуты.
Они, жакеты, так нужны.
А впрочем, на башку свою ты
Надень-ка чьи-нибудь штаны.*

Литературная травля Ивана продолжалась и дальше. Вспоминается большой поэтический вечер в Политехническом музее, на котором выступали многие известные поэты, и в их числе Молчанов и Безыменский. Последний не имел успеха у слушателей, но, пытаясь сорвать аплодисменты, прочитал несколько эпиграмм и конечно же не обошёл Молчанова. Больше того, он всячески мешал Ивану неуместными репликами и глупыми ухмылочками, когда взял слово Молчанов. Дошло до того, что зал просто запротестовал против хулиганских выходов Безыменского. Не остался в долгу и сам Иван Никанорович. Его острая и очень меткая эпиграмма на бездарного рифмоплёта Безыменского была встречена бурной овацией.

С годами многое, конечно, прояснилось. С большой благодарностью вспоминаю теперь Людмилу Владимировну Маяковскую, которая помогла мне разобраться, что к чему. Однажды на мой вопрос:

был ли у неё какой-либо разговор с Владимиром Владимировичем относительно стихотворения «Свидание», она сообщила мне буквально следующее:

«Как-то я спросила у брата: не чувствует ли он за собой какой-либо вины по отношению к молодому поэту Ивану Молчанову. Володя ответил мне, что он прежде всего выступил против газеты «Комсомольская правда», которая так слепо и безответственно публикует на своих страницах заведомо безыдейные произведения молодых. «Не зря же, – продолжал он, – я дал тогда подробную расшифровку, где и когда было опубликовано это стихотворение». Володя согласился со мной в том, что малость пересолит в своих выражениях. Однако был очень обрадован, когда узнал, что Молчанов вполне трезво воспринял его критику и собирается поехать на строительство Сталинградского тракторного завода... И разве ты сам не заметил, почему Володя неоднократно приглашал Молчанова на совместные выступления. Разве это не говорит о том, что брат всячески старался поддержать молодого литератора, в котором, как мне помнится, он видел даровитого и обещающего поэта».

А окончательно я успокоился после, когда узнал, что Людмила Владимировна примерно то же самое сказала в беседе с писателем Д. М. Молдавским, о чём он сообщил в своей публикации на страницах журнала «Нева» № 7 за 1983 год.

Во всей тогдашней заварухе были виноваты прежде всего Иосиф Уткин и его сподручный Джек Алтаузен. Политическая близорукость, цеховые интересы, явная недоброжелательность к Ивану Молчанову привели к тому, что они проявили грубейшую бестактность по отношению к руководству газеты, самостоятельно решив вопрос о публикации стихотворения «Свидание». Не будь этого самоуправства, я уверен, не было бы и того скандала. Но, скорее всего, именно этого интриганы и добились.

Стихотворение Маяковского «Размышление о Молчанове Иване и о поэзии» как отклик на стихи Молчанова под названием «У обрыва» начинается словами:

*Я взял газету
И лёг на диван,
Читаю:
«Скучает
Молчанов Иван».*

Спрашивается, как же Маяковский успел прочитать новое стихотворение Ивана Молчанова, если оно вместе с откликом было поставлено в одном и том же номере газеты? А подсуетились ребята... И всё это было сделано для того, чтобы побольше насолить не только Молчанову, которого любила читающая молодёжь, но погреться у шумного костра литературной ссоры между Маяковским и Горьким, который привечал самородных поэтов и прозаиков – выходцев из глубинки.

Вернёмся, однако, в 20-е годы.

О том, когда Иван Молчанов впервые появился в Москве, я узнал значительно позже, а сначала были только его стихи. Звонкие и напевные, они как-то очень быстро «прописались» на страницах нашей молодёжной печати и сразу же полюбились. Полонила в них северная свежесть, сердечная непосредственность, боевой комсомольский задор,

*Михаил Шолохов, Георгий Шубин
и Иван Молчанов.*

Москва, 1925 г.

который особенно был присущ молодёжи двадцатых и тридцатых годов.

Имя молодого поэта стало широко известным по первым же его публикациям в «Правде», в «Известиях», в газете железнодорожников «Гудок», в «Комсомольской правде», в газете московского комсомола «Юношеская правда», в журналах «Смена», «Прожектор» и в других периодических изданиях. Его стихами зачитывались студенты, рабфаковцы и рабочая молодёжь. Они довольно часто звучали по радио и были неизменными спутниками на молодёжных вечеринках и на комсомольских собраниях. Истинные любители поэзии старались не пропускать ни одного комсомольского актива, где выступал их товарищ – комсомольский поэт Иван Молчанов.

Вскоре после того, как мною было получено его письмо, я случайно встретился с ним у трамвайной остановки, что была напротив бывшего Страстного монастыря на площади Пушкина. Ожидая своего трамвая, я стоял возле фонарного столба и с жадностью «глотал» неизвестные мне ещё стихи поэта из краснолицего сборника «Огонь».

– Прости, пожалуйста, – обратился ко мне незнакомец, – где ты приобрёл эту книжицу?

– А что вас интересует в ней? – спросил я, не обращая внимания на подошедшего гражданина.

– Видишь ли, я автор этих стихов, а вот никак не могу раздобыть их. Говорят, что весь тираж распродан. У меня же – один экземпляр. Всё раздарил, а сам без книжки остался.

– Вот оно что, – обрадовался я, – здравствуйте, товарищ Молчанов! Недавно письмо от вас получил, и вдруг такая неожиданность.

– Простите, а с кем имею честь?..

Я назвалса.

– Молчи, старик, всё понятно, – последовал ответ. – Не будем зря время тратить. Пошли в столовую. По такому случаю не грешно и по стакану кофейку хлебнуть.

Встреча закончилась добротным ужином. Конечно же я вынужден был расстаться тогда со своей книжкой, но зато с тех пор и продолжалась наша многолетняя дружба с этим замечательным человеком и поэтом.

*Публикация Леонида Левина
(Окончание следует.)*

Полвека служения Родине

(Продолжение. Начало на 2-й стр.)

Мусу Джалиля и Гамзатова, Шогенцукова и Карима, то можно с уверенностью сделать вывод, что, хоть и создавалась литература России на разных языках, но её нравственные идеалы, её душа и сердце были едиными.

Более того, вся вторая половина XX века российской литературы воочию явила нам ту истину, которую теперь уже никто не сможет оспорить: не некие «передовые», «общемировые» ценности помогают народам по-настоящему сближаться друг с другом, понимать друг друга, относиться друг к другу с высочайшим уважением и доверием, а ценности свои собственные, веками нажитые. Чем более глубокие национальные корни имел татарин или аварец, башкир или нивх, тем более легко его произведения, переведённые на русский язык, становились органичной частью не только российской, но и русской литературы. Не случайно лучшие переводы с якутского на русский были сделаны Владимиром Солоухиным – одним из самых русских и по языку, и по строю души писателей. Не случайно глубоко национальный якутский писатель Николай Лугинов был с детских лет убежден, что Пушкин – это такой же, как и он сам, якут.

Новое возрождение нашей многонациональной России начнётся именно тогда, когда она вернётся в позицию хотя бы далёкого 58-го года. Хотя – теперь уже ничего не надо начинать с нуля. Организационно-творческие связи между своими национальными литературами Союз писателей России сохранил. К новым экономическим условиям писатели более или менее приспособились. Нужна только мудрая, предельно ответственная политика государства в области литературы. Государство и олигархи должны вкладывать деньги не в, как теперь выражаются, маргинальные и гламурные нарсты на нашей великой культуре, а в то, что является частью живой души всех наших народов. Представить, что школьник, читавший «Маобитскую тетрадь» или «Мой Дагестан», пойдёт в скинхеды – очень трудно. Точно так же невозможно представить, что кавказец, имеющий возможность судить о русском народе не по похабщине Владимира Сорокина или Виктора Ерофеева, а по стихам Светланы Сырневой, по прозе Владимира Личутина, отнесётся к русскому народу без уважения. Нас осознанно, в первую очередь антикультурной государственной политикой в области культуры, загнали в межнациональные противостояния.

А уж чеченская «горячая точка» поджигалась у нас у всех на виду, всеми нашими телеканалами, нашими федеральными чиновниками, приезжающими в Грозный поддержать сепаратистов и игнорирующими более массовые митинги пророссийски настроенных чеченцев.

К сожалению, очень многое придётся теперь восстанавливать. Недавно на Комиссии по культуре в Центральном федеральном округе, которую я

возглавляю, представитель Воронежа сказала, что её в буквальном смысле потрясло исполнение русских народных песен, что она словно бы проснулась и сердцем, и душой. А присутствующие на концерте главы чеченских администраций попросили прислать эти хоры к ним в республику, но обязательно в русских национальных костюмах. То есть люди отвыкли воспринимать народную песню как живое искусство, а не как экспонат этнографического музея...

– 58-й год был ещё и годом новых публикаций в наиболее массовых изданиях глав из второй книги Михаила Шолохова «Поднятая целина». И этот литературный шедевр тогда читала вся страна. Точно так же, как теперь часть нашей публики, к сожалению, вдохновляется бандитским и околобандитским эпосом, создаваемым коллективными усилиями самых высокооплачиваемых литературных шабашников.

– Да, это так. Но Шолохов был не один, духовное пространство России 58-го года формировал он вместе с другими писателями. В этом же году вышли «Владимирские просёлки» Солоухина, помогшие не только русской, но и другим национальным литературам более уверенно держаться национальных, объединяющих всех нас корней. Тема любви к большой и малой родине после Великой Отечественной войны словно бы обрела второе дыхание. И ещё в этом году вышли знаменитая книга В. Луговского «Середина века», «Лирика» Л. Мартынова, «Избранное» С. Гудзенко, «Ледовая книга» Ю. Смуула...

А лишь годом раньше начали выходить журналы «Дон», «Москва», прошли декады татарского, кабардино-балкарского, якутского, адыгейского и карачаево-черкесского искусства и литературы в Москве. Вышли повесть С. Антонова «Дело было в Пеньково», книга «Стихотворения» Н. Заболоцкого, антологии татарской и кабардинской поэзии, книги очерков о дагестанской и удмурдской литературе...

А годом позже начинают публиковаться главы из романа М. Шолохова «Они сражались за Родину», заканчивается публикация второй его книги «Поднятая целина». Начинает выходить журнал «Свет над Байкалом», позже переименованный в «Байкал». Выходят роман Ф. Абрамова «Братья и сестры», повесть Ю. Бондарева «Последние залпы», рассказы Ю. Казакова, книги Я. Смелякова «Разговор о главном» и Расула Гамзатова «В горах моё сердце»...

И всё это богатство являлось событием для миллионов читателей, всё это впитывалось в их души. Сколько бы ни говорили сегодня о тогдашнем тоталитаризме, удушающем всё живое, но если весьма сложный и по форме, и по содержанию Мартынов был широкоизвестным, популярным поэтом, если студенты заучивали наизусть Луговского, Заболоцкого и Смелякова, то, значит, доверяли им, были своими мыслями и чувствами им созвучны. И «Владимирские просёлки» становились настольной книгой для миллионов не по узкой агитпропа.

– Одним словом, с 7 по 13 декабря 1958 года в России на свой учредительный съезд собрались писатели, которых, в буквальном смысле этого слова, знала вся страна, которые были властителями человеческих душ. И книги их переводились

на все зарубежные языки, заставляли весь мир уважать нашу страну...

– Да, это был период возрождения нашей отечественной литературы.

И тут я отвечаю на вопрос о Союзе писателей России как о ещё одном идеологическом подразделении: ничего удивительного я не вижу том, что точно так же, как современные политики и уже многие современные деятели культуры говорят о «плане Путина», так и участники первого съезда говорили какие-то слова в поддержку тогдашней «линии партии». Но это были всё-таки не пустые слова. Страна после войны стремительно поднималась из руин. Писатели не могли не видеть, что лозунги о возрождения страны превращаются в реальные дела.

– *Но впереди были не совсем удачные хрущёвские эксперименты с сельским хозяйством, его возобновление борьбы с религией.*

– Но вместе с троцкизмом, реанимированным Хрущёвым и затем продолженным отдельными партийными чиновниками и деятелями культуры, вместе с поднявшимися после так называемой «оттепели» антинациональными, антинародными, антигосударственными и неолиберальными тенденциями набирала силу и наша русская национальная мысль, наша русская национальная литература. Впервые появились писатели фронтового поколения М. Алексеев, Ю. Бондарев, В. Астафьев... Затем всё увереннее о себе заявляли Ф. Абрамов, Е. Носов, В. Солоухин, В. Белов, В. Распутин, появились и Н. Рубцов, и А. Прасолов, и А. Пиредре-ев, и Ст. Куняев, а позже и Ю. Кузнецов...

Наша национальная литература в лице самых совестливых, самых высоких и по таланту, и по духовной основе писателей начала по-русски осмыслять и минувшую войну, и текущую жизнь. Она впервые вполне осознанно в лице наших критиков и публицистов М. Лобанова, В. Чалмаева, О. Михайлова, П. Палиевского, А. Ланщикова, В. Кожина, Ю. Селезнёва, С. Семанова вступила в противостояние с растлевающим, предательским, больше всего ненавидящим именно Россию либерализмом, с его скрытым «ироническим» радикализмом и внутренним догматизмом.

– *Радикализм и догматизм либерализма... Либералы золотого русского века возмущались бы таким словосочетанием...*

– До тех пор, пока не появилась у либерализма радикалистская изнанка, русский век и оставался золотым. А перечитайте статью тогда ещё скрытого, а затем и форсированного неолиберала со старой площади А. Яковлева «Против антиисторизма», вспомните всю ту полемику, которую новые либералы вели с почвенническими и консервативными журналами «Молодая гвардия», «Наш современник», и сразу убедитесь, что никто из них не собирался оставлять в живых не только наше великое русское имя, но даже и память о нём.

Да и «оттепель» была по отношению к кому? К церкви? К крестьянам, у которых, чтобы они не ощущали себя собственниками, вырубались сады, которым был опять, как при военном коммунизме, возвращён продналог?

А разве шоковая терапия Гайдара не напоминает нам по своей бесчеловечности продрозверстку и раскулачивание?

Это нам только кажется, что история страны к

концу XX века началась с новой страницы. На самом деле и революция, и перестройка имеют общий исторический контекст, одни и те же мировоззренческие противостояния. С одной стороны, на едином ресурсе – на народной вере в справедливость, в возможность лучшей жизни – революция и перестройка получали широкую поддержку. С другой стороны, единая орда маркитантов присваивали себе их результаты.

К тому же либерализм давно превратился из мировоззрения в фарисейскую религию, очень дикую, разрушительную, лишённую всякого культурного начала, нетерпимую к добру, справедливости, милосердию. Новые либералы скорее позволят вымереть всем коренным народам Европы, но свою контркультуру, отлучающую людей от семейных и просто человеческих ценностей, от мирового культурного наследия, от вековых нравственных традиций, они будут фанатично защищать до последнего.

– *Все нынешние опросы общественного мнения показывают, что подавляющее большинство людей не хотят, чтобы им показывали по телевидению порнографию, чтобы приучали их к насилию. И, вопреки всему, либералы твердят нам, что именно у скотства самый высокий рейтинг, что телевидение всего лишь потакает вкусам своих зрителей, чтобы заработать на рекламе.*

– *Но вот данные ВЦИОМ 2005 года: 82% (!) наших граждан мечтают вернуть хотя бы нравственную цензуру на телевидение!*

С другой стороны, точно также либералы твердят о своей якобы высшей ценности – о свободе слова. Но в самой либеральной стране, в США, для более жёсткого контроля над общественным мнением идёт процесс монополизации СМИ. Так, в 1900 году в США было 1737 населённых пунктов, имеющих свои 2226 ежедневных газет. К 1980 году на 8765 населённых пунктов, имеющих печатные издания, стало выходить только 1745 ежедневных газет, а к настоящему времени число их снизилось до полутора тысяч. При этом и у оставшихся газет число владельцев стремительно сокращается. То же самое можно сказать о якобы большом числе американских радио- и телеканалов, а также книжных издательств. Да, число их может и увеличиваться, но число компаний, доминирующих на рынке и при этом контролирующих радио, ТВ, кинопроизводство, книгоиздание, выпуск газет и журналов, неуклонно сокращается (по известным мне данным, от 50 в 1984 году до 10 к 1996 году). А это значит, что и о широкой свободе слова уже говорить не приходится. Контроль над формированием культурного и информационного пространства начинает осуществлять более чем узкий круг людей, способных удушить любого конкурента.

– *Так что пояись теперь хоть новый Диккенс, хоть новый Достоевский – если будет писать он не по заказу или хотя бы не по вкусу медиамагнатов, то о нём никто и знать не будет!*

– *Может быть, культура и литература, создаваемые живыми человеческими душами, а не в производственных медийных лабораториях, уже никогда не возродятся? Может быть, «цивилизованный мир» уже давно погрузился в эдакий высокотехнологичный мрак тоталитаризма?*

– Можно сколько угодно заламывать руки по

поводу этого мрака. Но в хорошей деревне, даже когда у всех заканчивалась мука и начинался настоящий голод, кто-то продолжал хранить закваску. Чтобы, когда мука вдруг появится, можно было испечь хлеб.

Вот и наши писатели, чего бы это им ни стоило, стремятся сохранить Самим Богом, самой великой историей России, а не каким-то политическим и финансовым узурпатором данное им представление о том, в чём заключается истинное человеческое достоинство, каково предназначение человека, какой должна быть у России её собственная судьба, какое место и какое историческое предназначение у России должно быть в мире.

Например, Владимиру Путину было достаточно назвать лишь отдельные ключевые понятия из хоть уже и невидимого, как Град Китеж, но сохраненного нашей литературой русского мира – и сразу в какой-то степени приостановилось противостояние между народом и властью, сразу многие люди стали воспринимать Путина как своего национально-го лидера. При всём том, что заметного повышения жизненного уровня в стране мы не ощутили.

Если сама власть заговорит с народом на языке его внутреннего духовного строя (или, как теперь говорят, на языке его ментальности), Россия за десятилетие, как после разрухи времён Второй мировой войны, станет опять самой мощной державой.

История Союза писателей России – это история сбережения России.

История нетерпимости к русской и всей многонациональной российской литературе – это история порабощения России.

Все те неисчислимы тома нашей поэзии и прозы, которые за полвека пополнили отечественные библиотеки, этот тот неисчерпаемый духовный ресурс, та закваска, полагаясь на которую только и можно говорить о «суверенной демократии». Да и само понятие «суверенная демократия», родившееся в президентской администрации, вызвало нескрываемую злобу у наших либералов лишь потому, что народ сразу понял: под ним подразумевается политика, направленная на долгожданное обретение Россией своей национальной независимости.

– Неужели вы всё-таки верите, что русская и многонациональная российская литература когда-нибудь будут общероссийской властью востребованы?

– Верю я или не верю – не в этом суть. Я просто знаю, что наша национальная литература должна быть. Сталин бы не выиграл войну с Гитлером, если бы не вспомнил он об уже «сброшенном с корабля современности» Пушкине и обо всей русской классической литературе, обо всей великой русской истории. В 34-м году он развернул нашу культуру от «революционного авангардизма» к национальной традиции, создал вместо РАППовских и прочих гнилушек Союз писателей СССР во главе с величайшим русским и мировым классиком Максимом Горьким. И сразу наша советская литература перестала быть нелепой, вымороченной, местечковой, сразу была она поставлена в один ряд с другими мировыми литературами. В стране началось издание всей русской классики. Жизнь народа наконец-то вернулась в своё природное, не иссушающее его духовные силы русло. И когда началась

война, народу уже было к тому времени возвращено национальное самоуважение, народу было что защищать. Вспомните опубликованные в «Российском писателе» письма, которые писал из окопов Сталинграда тогда ещё только будущий народный писатель Михаил Алексеев. В них нет страха за свою жизнь. Но есть чувство гордости за собственную причастность к героической битве со смертным врагом Родины.

Уверен, что и новые Герои России – такие как Женя Родионов, как Зобов – выросли не на Донцовой, не на «Доме-2», а на высокой отечественной духовности, на национальной, всегда патриотической литературе.

Да и чиновника, способного мыслить по-государственному, способного не относиться к своему креслу только как месту кормления, имеющего какие-то представления о чести и совести, той контркультурной средой, которая сегодня формируется нашим телевидением (а у нас вроде бы и государственные есть телеканалы) и писателями, финансируемыми Букерами и чубайсовской «Большой книгой», не воспитаешь.

– В отрывном календаре за этот год среди родившихся 17 января я не нашёл имени русского основоположника науки об аэродинамике Жуковского, но мафиози Аль Капоне не забыт...

– Вот именно! Но у нашего государства теперь уже нет альтернативы. Или оно в своей культурной политике повернётся к народу, или за счёт России решат проблему своего выживания другие народы и государства. Нет альтернативы и у наших писателей, хранителей духовной и нравственной энергии своего народа. Из национальных писателей мы можем превратиться только в службу, в лакеев, в Смердяковых, оправдывающих своё ничтожество лишь презрением к своей родной стране.

– Как говорил покойный советский философ Михаил Лифшиц, гитлеровский фашизм не так уж и страшен, поскольку он груб и прямолинеен, сразу вызывает чувство протеста. А вот фашизм либеральный вкрадчив, так что и не сразу начинаешь понимать, что он тебя уже пожирает. Сейчас самая дорогостоящая недвижимость в старой Европе скупается нашими олигархами-либералами, а все настоящие писатели у нас, как и пенсионеры, в том числе и те, которые создавали нефть- и газодобывающую индустрию, живут в нищете.

– Да, это так. Но наш Союз писателей России – это не профессиональная корпорация, которая всего лишь борется за свои экономические, социальные и прочие права (хотя наша бедность не только нас угнетает, это ещё и позор для страны).

В первую очередь, мы, конечно, ощущаем себя живую часть народа, мы выполняем ту духовную работу, которую за нас никто не выполнит. Ценою больших жертв мы её выполняем. А если представить, что наши писатели начнут относиться к своему призванию лишь как к способу добывания себе хлеба, то это будут уже другие писатели. Но и России уже не будет.

Дело тут даже не в той или иной социальной схеме развития. Можно как угодно относиться к эпохе всемогущего флорентийского олигарха Медичи. Но даже и олигарх, если он является частью своего народа, предпочтёт иметь дело с лучшим национальным художником Микеланджело, а не

с каким-нибудь примитивным дельцом. Вот и настоящие писатели у нас будут оставаться нищими до тех пор, пока не появится у нас национально ориентированная власть и не «новая русская», а просто русская финансовая элита.

Да и не только национальные писатели поставлены в зависимость от такой ситуации, а и вся наша народная интеллигенция.

Так при Гайдаре все библиотекарши в нашей русской глубинке сидели годами без зарплаты, но работу свою на уличную торговлю сигаретами или водкой не меняли. Спросишь у них: «А на что же вы надеетесь?», а они отвечают: «Мы из библиотеки уйдём, её тут же с удовольствием закроют, все книги выбросят. А помещения отдадут в аренду». И ведь закрывались у нас библиотеки! И драгоценные книги выбрасывались на свалку. Потом, если менялась городская или районная администрация, на последние гроши строилась новая библиотека. Помню, как в Чернском районе Тульской области библиотекарша плакала, когда мы привезли на местную станцию Скуратово собранные писателями книги: «Спасибо! Наши-то книжные фонды в 1995 году были выброшены на помойку!»

Но ведь библиотеки во многих наших городах собирались веками!

Вот такой героизм, такое вот высочайшее чувство долга демонстрировали и до сих пор демонстрируют наши учителя, участковые врачи, учёные, вузовская профессура... Таких людей в России – большинство! Они начинают различать друг друга.

Недавно был в ЦДЛ юбилейный вечер такого же народного интеллигента – поэта Станислава Куняева. Зал был битком набит, люди стояли несколько часов подряд в проходах между рядами. Да и подписка у возглавляемого Куняевым журнала «Наш современник» сегодня самая высокая среди литературных изданий. То, что называют духовно-нравственной самоидентификацией народа, вступает в свою новую фазу. Никакие ЦРУшные фонды, ни один Сорос уже не смогут остановить этот процесс.

– *И всё равно, для большинства людей с высоким образованием, особенно в глубинке, подписка даже на один журнал – это уже непозволительная роскошь. И книгу купить в магазине за двести или триста рублей теперь уже не каждый может. Получается, что у нашей литературы сегодня нет такого, как Армия и Флот у Александра III, надёжного союзника...*

– У каждого непродажного, честного, сохраняющего своё человеческое достоинство гражданина России союзниками сегодня являются только его национальная культура и его вера в Бога. И в этом вся, скажем так, сермяжная правда.

Напомню, как и нашему Союзу писателей России, непросто было сохранять в 90-е годы свою патриотическую позицию Верховному муфтию мусульман России Талгагу Таджуддину. Не буду называть одну из столиц наших мусульманских республик, куда его на главный мусульманский праздник просто не впустила милиция. Пусть останется всё это в прошлом уже навсегда. Но окормление мусульман зарубежными ваххабитами, очень уж в ту пору привечаемыми нашими властями, как мы помним, кончилось кровопролитной чеченской войной, взрывами домов в Москве и многих других городах.

Совсем не просто было и Русской Православной церкви, когда вся Россия после долгих лет атеизма была куплена у её чиновников всякого рода сектами, в том числе и тоталитарными, когда откровенная бесовщина вооружилась всеми нашими телеканалами.

Но мы всегда оставались вместе с нашей Церковью. Появилось у нас и общее поприще – Всемирный Русский Народный Собор, главой которого является Патриарх Московский и всея Руси Алексий II...

– *Напомню читателям, что наш Союз писателей является соучредителем Всемирного Русского Народного Собора, а вы избраны заместителем его главы...*

– Думаю, что всеми не утратившими христианской морали, не утратившими остатки своей древней культуры людьми в Западной Европе выступление нашего патриарха в Страсбурге явилось лучшим надежды. И если даже в лучшие для Европы годы Россия Достоевского и Толстого могла оказывать на Европу значительное культурное влияние, то сегодня, когда «закат Европы» (я имею в виду Европу духовную) уже почти состоялся, когда культура Европы уже вполне наглядно превращается в руину, Россия могла бы не выглядеть столь жалкой, как, например, в той выставке современного «русского соцарта», которую наша Третьяковка недавно отправила в Париж.

Ведь не только мы, русские, ощущаем эту пропасть. Английский классик Фредерик Форсайт тоже отмечает, что культура, всё, чем был жив человек, сегодня размывается, выкорчёвывается.

– *Валерий Николаевич, не все сегодня воцерковлены, не все отдают себе отчёт и в том, что нравственное развитие человека не может быть революционным, строиться на отрицании традиции и культуры. Кому-то может показаться, что мы с вами просто не вписались в новую жизнь, что это новый, более «передовой» человек стал хозяином и в экономических, и в духовных сферах. Это как Пётр I и Софья... Хотя дальнейшие события нашей истории и показали, что более желательны для России были бы Петр и Софья в едином лице...*

– В природе есть столько углерода, кислорода, водорода и всяких прочих элементов, сколько и нужно для того, чтобы человеческая жизнь не угасла. Вот и культура должна быть пригодной для жизни человека. А мы видим, как народы Европы, погружённые в либеральную культурную среду, вымирают не только духовно, но и физически, как спивается, уходит в наркотики, перестаёт воспроизводиться наш русский народ.

Был у нас когда-то и голодомор, и война. Было так, что картофелину делили на троих, сапоги имели на четверых. Но – не вымирали. Потому что традиционная культура формировала традиционный, способный к выживанию, культурный тип человека.

И пока мы будем надеяться на нефтяную или газовую трубу, на нацпроекты, не затрагивающие главного – качества нашей духовной жизни! – Россия не будет иметь будущего.

Русский человек всегда был силен и крепок своей своими высокими нравственными идеалами. Вот эти народные идеалы и надо возрождать, оберегать, возвышать...

Проза

Бельский А. Р. Рассказу я вам, друзья... : [сб. рассказов и сказок] / А. Бельский. — Архангельск : Правда Севера, 2007. — 381, [1] с.

Бобров К. Н. Драматург : повести, рассказы, киносценарии / К. Бобров. — Архангельск : Правда Севера, 2007. — 289, [2] с. : ил.

Верховцев В. С. Золотой листопад : [повесть] / В. Верховцев. — Архангельск : [б. и.], 2007 (ГУП «Соломбальская типография»). — 261 с.

Доморощенин С. Н. Банный день : [сб. очерков и рассказов] / С. Доморощенин. — Архангельск : [б. и.], 2007. — 163 с.

Егорова Л. В. Дивная Пинега / Л. Егорова ; Арханг. лит. музей. — Архангельск : Правда Севера, 2007. — 581 с. : ил., портр.

Ефимовский П. И. Щит и меч : науч.-попул. лит. / П. И. Ефимовский. — Котлас, Архангельская обл. : [б. и.], 2007. — 206 с. : портр.

Ефремова С. Каргопольская сказка : история старейшего уезда / С. Ефремова, [Н. Тормосова ; худож. А. Акишева]. — Архангельск : [Каргополь : Вера : ОМЭкспресс], 2007. — 64 с. : цв. ил.

Калинин Е. А. Красная фата : [повесть] / Е. Калинин. — г. Онега, Архангельская обл. : [б. и.], 2007. — 224 с.

Марголин Г. А. Чайки рождаются морем : повесть / Г. А. Марголин ; вступ. ст. Г. С. Щурова ; Сев. гос. мед. ун-т. — Архангельск : Изд. центр СГМУ, 2007. — 394 с. : ил.

Меньшикова Н. Г. Добро пожаловать в избушку : рассказы / Н. Г. Меньшикова. — [Котлас, Архангельская обл. : б. и.], 2007. — 37, [1] с.

Москвина Т. В. Где же твоя родина? : [автобиограф. повесть] / Т. Москвина. — Архангельск : Правда Севера, 2007. — 126 с. : ил.

Мурашев С. А. Маленькая книжка : рассказы / С. Мурашев. — Вельск : [б. и.], 2007 (ОАО «Вельти»). — 51 с.

Невзоров Л. И. Вояж по Ваге / Л. Невзоров. — Архангельск : Правда Севера, 2007. — 315, [2] с. : [16] л. цв. ил.

Непогодьев В. В. Выбор : [рассказы, стихи] : сборник / В. Непогодьев. — Архангельск : [б. и.], 2007 (Тип. «КИРА»). — 63, [1] с.

Попов М. К. Я пишу от руки : мои прачуры, публикации, отзывы на книги / М. Попов. — Архангельск : [б. и.], 2007 (ИПП «Правда Севера»). — 69, [1] с. : ил., фот.

Русанов П. Д. Рассказы охотника Архангельской области : [в 3 кн]. Кн. 3. / П. Русанов. — Архангельск : Изд. центр СГМУ, 2007. — 146 с.

Степанцев Е. И. Колдун : [рассказы] / Е. Степанцев. — Архангельск : [б. и.], 2007 (ИПП «Правда Севера»). — 62, [2] с. : портр.

Суровцев С. В. Операция «Цезарь» : [сб. воспоминаний : посвящ. арханг. контрразведчикам] / С. В. Суровцев ; [ред. Н. Л. Чуркин]. — Архангельск : [б. и.], 2007 (ИПП «Правда Севера»). — 190 с. : ил.

Тутов А. Н. Убей и правь! : [сборник] / А. Тутов. — [Онега, Архангельская обл. : б. и.], 2007. — 195 с. : фот.

Чиркин В. П. Хитрые загадки : книжка-альбом для раскрашивания и рисования детям мл. возраста / В. Чиркин ; худож. : С. Загарский, И. Мышкин. — Котлас : [б. и.], 2007 (Котлас. гор. тип.). — [21] с. с обл. : ил.

Поэзия

Бибарадум Вибр. Изображения : [стихотворения] / Вибр Бибарадум. — Архангельск : КИРА, 2007. — 40 с.

Книга-2007

Библиография

Бурков А. ИзДранное : [сборник] / А. Бурков ; [худож. М. Голубев]. — Архангельск : Правда Севера, 2007. — 164 с. : ил.

Гришина А. Н. Стихи, наполненные юмором, добром и светом / Л. Н. Гришина. — [Ильинско-Подомское, Архангельская обл. : б. и.], 2007. — 23 с. : ил.

Деарт В. М. Надежда и любовь : [стихи] / В. Деарт ; [рис. Г. А. Кулишова]. — Архангельск : [б. и.], 2007 (ИПП «Правда Севера»). — 150, [1] с. : ил.

Дедова Н. В. Когда я срываю ромашку : [стихи] / Н. Дедова. — Вельск, Архангельская обл. : [б. и.], 2007 (Вел. тип.). — 190 с. : портр.

Занин А. И. «Поэзия — сестра моих печалей» : неопубл. строки, рецензии, воспоминания : [сборник / сост. : В. А. Занин]. — Вельск, Архангельская обл. : [б. и.], 2007 (Вельти). — 31 с. : цв. ил.

Зайцева А. М. Ух! Ходит по двору петух : стихи для детей / А. Зайцева. — Архангельск : [б. и.], 2007 (ИПП «Правда Севера»). — 26 с.

Зауткин И. Д. Не забывай меня, Россия... = Don't forget me, Russia : стихотворения / И. Зауткин. — Москва ; Архангельск : Юпитер, 2007. — 111 с. : ил.

Иконников И. А. Стойкости пример бери с травы : стихи / И. Иконников. — Онега, Архангельская обл. : [б. и.], 2007 (Онеж. тип.). — 85 с.

Казакевич Е. В. АЮМ : стихи / Е. Казакевич. — Архангельск : Правда Севера, 2007. — 204, [3] с. : ил.

Кемов В. В. Первый порт России : [стихотворения : сборник] / В. Кемов ; [ОАО «Арханг. мор. торговый колледж»]. — Архангельск : АМТК, 2007. — 188 с. : ил.

Климова В. М. Открыт для вас мой мир души : [стихи и рассказы : сборник] / В. Климова. — Мирный, Архангельская обл. : Космодром «Плесецк», 2007. — 543 с. : ил., портр.

Ковалева В. П. На крыльях ветра : стихи / В. Ковалева. — Плесецк, Архангельская обл. : [б. и.], 2007 (ГУП «Плесецкая тип.»). — 142 с. : ил.

Козлов С. П. Мышка кошку напугала... : кн. для чтения родителями детям / С. Козлов ; [рис. Д. Трубина]. — Архангельск : [б. и.], 2007 (ИПП «Правда Севера»). — 37, [2] с. : цв. ил.

Кондратов В. В. Доходяги : [стихи] / В. Кондратов. — [Вельск, Архангельская обл. : б. и.], 2007 (Вел. тип.). — 155 с.

Копосов Н. Котласский парень : [стихи : сборник] / Н. Копосов. — Котлас, Архангельская обл. : Изюм, 2007. — 205 с. : ил., портр.

Леонович Н. С. Под сиянием нежности : стихотворения / Н. Леонович. — Архангельск : [б. и.], 2007 (Изд. центр СГМУ). — 180 с. : ил., портр.

Лисина С. ...Если б я больше сказать могла... : [стихи] / С. Лисина. — [Архангельск : б. и.], 2007 (ИПП «Правда Севера»). — 94 с. : ил., портр.

Малов С. Н. Я придумую дом : [сб. стихотворений] / С. Малов ; [рис. Е. Лавцевич]. — [Вельск, Архангельская обл. : б. и.], 2007. — 48 с. : ил.

Мешко Н. К. У сирого камня : [стихи] / Н. К. Мешко ; [вступ. ст. Н. Калугиной]. — Архангельск : [б. и.], 2007 (ИПП «Правда Севера»). — 45 с. : ил.

Мунистов В. И. Напасть : стихи / В. Мунистов. — Шенкурск, Архангельская обл. ; Жуковский : [б. и.], 2007 (Ред. район. газ. «Важский край»). — 161 с.

Набитович Н. В. На круги своя : стихи / Н. Набитович. — Плесецк, Архангельская обл. : [б. и.], 2007 (Плесецкая тип.). — 359 с. : [1] л. портр.

Олькина П. М. Такова жизнь : [стихи] / П. Олькина. — Вельск, Архангельская обл. : [б. и.], 2007 (Вел. тип.). — 155 с.

Полежаева Т. С. Белый клевер : стихотворения / Т. Полежаева. — Архангельск : [б. и.], 2007. — 143 с. : ил., портр.

Росков А. А. С пейзажем северным портреты... : стихи / А. Росков. — Архангельск : [б. и.], 2007 (Онега : Онеж. тип.). — 131, [3] с. : ил.

Рудакова Г. Н. Даль синеокая : [стихи] / Г. Рудакова. — Архангельск : [б. и.], 2007 (ИПП «Правда Севера»). — 63 с. : ил., портр.

Старостенко В. Прикоснуться душой : стихотворения / В. Старостенко. — Архангельск : [б. и.], 2007 (ОМЭкспресс). — 104 с.

Столяров С. А. Арктикара : (сб. поэм) / С. Столяров. — Архангельск : КИРА, 2007. — 145 с. — Загл. на обл. : В этом мире зашторенных окон...

Тараканова Е. С. Сожженные мысли княжны Таракановой : [стихотворения] / Е. С. Тараканова. — Архангельск : [б. и.], 2007. — 342 с.

Тишинин В. Е. Деревенская поэзия моя : [сборник] / В. Тишинин ; [вступ. ст. В. Матюнина ; ред.-сост. Е. А. Липницкая]. — Архангельск : [Нац. парк «Кенозерский»], 2007. — 47, [2] с. с обл.

Толкачев В. Ф. Со мной был ФЭД : [лит. миниатюры, фотоснимки, рисунки] / В. Толкачев ; фот. и рис. авт. — Архангельск : [б. и.], 2007 (Арханг. печ. двор). — 31 с. : ил.

Трубин Д. А. Котопортреты и костихи : для детей моего возраста / Д. Трубин ; рис. авт. — Архангельск : Правда Севера, 2007. — 62, [1] с. : цв. ил.

Уткина Л. Г. Облака у причала : сб. стихов / Л. Уткина. — Архангельск : [б. и.], 2007 (ИПП «Правда Севера»). — 198, [1] с. : ил.

Филоненко П. И. Все от порога школьного идет : [стихотворения] / П. И. Филоненко ; [рис. Ю. Клещина]. — Архангельск : [б. и.], 2007 (ИПП «Правда Севера»). — 131, [2] с. : цв. ил.

Фомина В. А. Просто была бессонница... : сб. стихов / В. А. Фомина. — Урдома, Архангельская обл. : [б. и.], 2007 (Архангельск : ИПП «Правда Севера»). — 174, [1] с. : ил.

Черных Г. Душа порывами полна : [сб. стихов] / Г. Черных. — Вельск, Архангельская обл. : [б. и.], 2007 (Вел. тип.). — 170 с.

Чубар В. Н. Возволнованность и смерть : стихи / В. Чубар. — Архангельск : [б. и.], 2007 (Онега : Онеж. тип.). — 48 с. : ил., портр.

Шатилов Д. А. Хронос : [стихотворения] / Д. Шатилов. — Архангельск : [б. и.], 2007 (ИПП «Правда Севера»). — 238, [1] с. : ил.

Шадрин В. Гальянский парень : [стихи] / В. Шадрин. — Коряжма, Архангельская обл. : [б. и.], 2007 (Котласская тип.). — 176 с.

Яшина И. П. Над полем гуси прокричали : избранное : стихи и поэмы / И. Яшина. — М. : Голос-пресс, 2007. — 319 с. : ил., портр. — (Серия «Современная русская поэзия»).

Муза
русских
просторов

Елена
КУВШИННИКОВА

СВЕТ В ОКНЕ

Елена Викторовна Кувшинникова – волжанка, автор нескольких книг поэзии. Её облик и стихи воскрешают в памяти образы женщин XIX века, и прежде всего – героинь И. А. Гончарова, земляка поэтессы. Член Союза писателей России.

* * *

Что рассказать вам о себе?
Тончайший дождь сверкает в соснах –
Дрейфует дом, плавучий остров,
В объятья влажные небес.
И равновесье светотени
Так трудно взглядом удержать...
О, как за всех болит душа,
Светясь за солнечным сплетеньем!
Я расскажу вам о других,
В чьих зеркалах я отражаюсь,
Хотя совсем и не пытаюсь
Приукрашать себя для них...
В моей размеренной судьбе
Так зыбко всё. Всё так незримо.
Незыблемо. Неизменимо...
Что рассказать вам о себе?..

* * *

*«Возможен дождь».
Из прогноза...*

Дождь не **возможен**. Он реальность, власть.
Он сам решает, где и как упасть.
Он сам незримо обладает нами.
И даже если ясен небосвод,
Притихни и услышишь: дождь растёт.
Ты только не спугни его слезами.
Он мастер, он маэстро, он педант.
Он, тонкий и блистательный талант,
Не любит подражателей неловких.
Вот он идёт, а ты замри – не плачь.
Под лёгким капюшоном слёзы прячь.
Он режиссёр и автор постановки.

А ты статист. Держи поднос зонта,
Чтоб не была и капля пролита.
Вся роль твоя – молчать и удивляться.
Дождь бисер мечет, невзирая на
Тех, перед кем: на лица, времена.
В итоге нам пройти, ему – остаться...

* * *

«Что есть во мне, чего нет у других?»
Не спрашивай! Вот день смиренно тих.
Вот дерево – пример для подражанья.
Не надо ни успеха, ни фанфар.
Ведь есть один бесценный жизни дар.
И есть за душу вечное дрожанье.
Она трепещет на седьмом ветру,
Вся на виду, на торжище, в миру,
Где каждый насмехается и судит.
Всё в ней – и беззащитность, и вина.
Но душу исцеляет тишина,
Она сильнее того, что скажут люди.
Как надо жить без фальши, без прикрас,
Чтоб ощутить в себе, не напоказ,
Всю глубину молитвенного слова?
И снова занимается рассвет...
И в сердце проясняется ответ,
Как ответ от молчанья золотого.

* * *

Что делать, если голос заперт?
Глухой стеной тоска встаёт.
Храм опустел. Безлюдна паперть.
Никто тебе не подаёт.
Осталось всем нутром, всей кожей,
Всей верой свято чуда ждать
И уповать на милость Божью!
На милость Божью уповать...

* * *

Я сегодня так тиха,
Что, мне кажется, могла бы
Я расслышать голос мха,
Голос трав и голос влаги.
Здесь, мне кажется, исток
Нежный всех моих апрелей.
Здесь, в лесу, у трёх дорог,
Между сосен, вёсен, елей...

* * *

Я не знаю, кто это творит,
Как стекаются стихотворенья.
От зари, от зари, от зари
Происходят мои озаренья.
И тогда я – прозрачный сосуд –
Горлом чую небесную влагу.
И тогда всё – на радость, на суд,
На страданье, на свет... на бумагу.

* * *

Художнику

Яркость лета, весёлый цветник.
Грусть осенняя, вечер дождливый...
Чуден мир. Остановленный миг
Расплескал всех цветов переливы...
Вот стемнело. Луна не видна.
Но в избушке за низкой оградой
Виден свет. Там душа в два окна
Смотрит вдаль независтливым взглядом.

ГРОЗА

Раскаты грома ближе, ближе,
Уже почти над головой.
И небо сумрачное ниже.
И грозен просверк грозовой.
Вот ливень бьёт в пустую бочку...
И домик наш пророс к земле...
Лишь звонких капель многоточье
На перепуганном стекле.
Гроза вокруг. Внутри затишье.
Застыло время на часах.
Окно веранды еле дышит.
Неразличимы голоса.
На полуслове, полужфразе
Всё смолкло. Но, как чудо, тут
Стоят цветы в точёной вазе
И каждой линией поют!

* * *

Порою грезится устало
Уединенье и покой,
Чтоб там лоскутным одеялом
От бед укрыться с головой.
Пора былая миновала,
Когда все жили без затей.
И только чудо-покрывало
Хранит тепло родных людей.
И длится память долгим эхом
Из стародавности веков.
Беды залатана прореха,
А счастье всё из лоскутков.
Ликуют краски пёстрым хором.
От их цветенья жизнь светлей.
Сияет солнце над простором
Лоскутной родины моей!

* * *

Я слов твоих не понимаю,
А только слышу, как в тоске
Ты плачешь, губ не разжимая.
Душа висит на волоске.
На волоске, на тонком блеске,
Вся жизнь, вся радость, вся игра.
Как бестелесны, бессловесны
Огни высокого костра!
Не плачь, не мучь. Мне тоже больно.
Дай утешенью прорасти.
Быть рядом. Этого довольно.
Порой понять – почти спасти.

* * *

Не бойся. Ничего плохого:
Ни напряженья, ни обид.
И только сказанное слово,
Как колокольчик, прозвенит
Велосипедный. Слышишь? Слышишь?
Шуршат колёса по листве.
Здесь осень полной грудью дышит,
Колышет кроны в синеве.
Велосипед осенний мчится
Сквозь воздух плавный и грибной.
Мелькают солнечные спицы
И тают в небе надо мной.

г. Ульяновск

Иван ТАРТЫЧНЫЙ

ПЕРЕД
РАССВЕТОМ

Иван Алексеевич Тартычный (1953) – земляк курских соловьёв. Окончил факультет журналистики МГУ. Работал в периодике (в частности, в журнале «Россия молодая»), автор нескольких поэтических сборников. Последний, озаглавленный «Когда-нибудь», вышел в орловском издательстве «Вешние воды». Член Союза писателей России.

* * *

*Блаженны нищие духом...
(Матф. 5:3)*

Над сном летела медленная птица,
а может, не она, а тень её.
Туман волокся, начинал клубиться
и обволок вконец моё жильё.
Я обернулся. Я слова услышал
на тайном, но понятном языке.
Я обернулся. Но посланец вышел.
И лёгкий звон пронёсся вдалеке.
«Отважным будь. Они отважны были.
И щедрым будь». И помню я ещё:
«Они на свете не напрасно жили.
Под общий крест подставь своё плечо».
Туман упал. И я увидел выси
и широту бесчисленных светил.
И понял я тщету разумных чисел
и нищету как радость ощутил.

* * *

Гонимая ветром трава
В обочину мокрую плещет...
Но как-то находятся легче
В такую минуту слова
О громе за дальним холмом,
О мчащихся в воздухе каплях,
О цаплях, о скрывшихся цаплях,
О том, что стемнело кругом,
О шуме глазастых машин,
О близком крутом повороте,
О доннике, пижме, осоте,
О том, что вот здесь я один,
О людях в больших городах,
О малых старинных селеньях,
О тысячелетях в мгновеньях,
О тёмных и светлых годах,
О том, что я вызван на свет
Для необъяснимого дела.
...А в небе ещё не светлело,
Но грома давно уже нет.

ДУША

На грани лесов и полей,
на грани прохлады и зноя
запомнил я солнце дневное,
запомнил я солнце ночей.
На этой незримой черте
я начался и устоялся.
И горним порывам поддался,
чтоб к вечной взлететь высоте.
Душа научилась летать
к великому Скифскому морю
и там, на прекрасном просторе,
о Севере дивном мечтать.
Ещё не виднелся Париж...
Не думалось вовсе о Риме...
Душа моя в бурю и тишь
путями летала другими,
как некий стремительный стриж.

* * *

Народ живёт; народу дышится.
Заглох завод; полынй колышется;
Цветут сурепка, донник, мак.
Народ живёт; народу можется.
Народ живёт и не тревожится,
Когда гудит крошечный мрак.
А кто уходит... те уходят –
Неспешно, медленно – туда,
Где только ветер колобродит
И верховодит лебеда.
Народ живёт; народ надеется,
Что всё рассеется, развеется
И посветлеет неба край.
И приоткроет двери рай...

* * *

А жить-то становится проще:
Нет совести – нет и печалей,
Нет горькой осиновои рощи,
Нет этих пронзительных далей.
К чему нам скворцы и скворешни?
Зачем нам пустынная нива
И воспоминанья о прежнем –
Высоком и горделивом?
А сонмища звёзд – для бессонных.
А Родина... Что с неё проку?
Найти бы местечко под солнцем
И лёгкую – в бездну – дорогу.

РУССКИЙ*Олегу Шестинскому*

Мне вовсе не нужно полмира.
Мне хватит округи привычной:
От Пскова преславного до
Совсем не случайной Находки.
Легко мне, просто и вольно
Средь трёх океанов великих,
Один из которых – Небесный.

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

Жизнь былая в уголок забилась
И глядит, глядит во все глаза,
Как другая вольно распрямилась,
Шумные являя чудеса.
Жизнь былая – добрая и злая.
Жизнь другая – кто её поймет.

Есть в ней место, скажем, для Мазая,
Для зайчишек и других сирот?
А для этой беленькой старушки
И её оконного цветка?
А найдётся ль ветка для кукушки?
Тёплая ладонь – для мотылька?
Для бойца убитого – могила,
Тихое словечко – для вдовы?
И сердечной радости для милой?..
Неужели, Боже мой, увя?..

МАЛОСТЬ*...земля замутилась.**С. М. Соловьёв*

Земля замутилась – пропащее дело!
Того ли крестьянство сердечно хотело?
Того ли купечество крепко желало?
Но руки разжались, держава упала.
А может быть, смуту начало боярство?
И мнилось боярству иначе царство?..
Ослабла, однако, великая скрепа,
такая земля погибает нелепо!
Попала родимая в Божью немилость.
И вот закружилась, и вот замутилась.
На многие дни и на многие лета –
без малой отрады, без Божьего света.
Но двое мужей на Руси отыскалось –
такая-то, право, пустяшная малость!
Купчишко, князишко... такая-то малость!
Но чудо случилось: земля устоялась.

* * *

Три дела я сделал сегодня шутя:
Росою умыл дорогое дитя;
Приладил крылечко узорное к дому;
Дал вволю водицы дубку молодому.
Осталось мне сделать четвёртое дело –
Придумать слова, чтобы песня взлетела!

* * *

Чёрную ветку качает дождём,
Ветку качает...
Что ж, постоим, помолчим, подождём, –
Вдруг полегчает.
Холодно. Пусто. И ноет в душе
Горсточка боли.
Надо бы жить... Да неловко уже
Жить поневоле.

НАШИ МЁРТВЫЕ И МЫ

Они своё вершили как хотели;
Им Бог судья.
А мы едва ли в этом преуспели –
И ты, и я.
И глаз ещё не зорек, как у дедов,
А лет-то, лет!..
Оставим ли, все прелести изведав,
Достойный след?
Вручим ли мы живительное слово
Былой поры
Идущим в дали времени иного,
В его миры?
Отцы своё свершили – и покойны;
Судья им Бог.
А мы с тобой... Пока мы недостойны
Надгробных строк.

г. Москва

Нас объединил «Гандвик»

Старейшему литобъединению Северодвинска – 55 лет

Литературное объединение «Гандвик» началось с литературного кружка, созданного по решению северодвинского горисполкома в апреле 1952 года при редакции газеты «Сталинец» (ныне – «Северный рабочий»). Возглавил тогда ещё не имевший названия кружок опытный журналист В. Корсаков. Задачей нового объединения была литературная учёба: осваивали русскую литературу, технику стихосложения, обсуждали прозаические и поэтические опыты друг друга, знакомились с литературными новинками. История сохранила фамилии первых «гандвиковцев»: С. Канев, Ю. Авдеев, В. Анисимов, И. Евдокимов, М. Иванов, В. Колосов, Г. Лисой, Г. Логинов, В. Наумов, Г. Шакулов, В. Шельгин.

В начале 80-х литобъединение обрело своё название – «Гандвик». В разные годы его работу возглавляли Е. Дрёмов, В. Гладкобородов, Н. Яковлев (Береговой), В. Аушев, О. Раменский, В. Шельгин, Г. Аксёнов, А. Раменский, А. Прудникова, А. Глухов, Р. Пономарёва. Многие «гандвиковцы» нашли дорогу в большую литературу. Это в первую очередь поэт В. Аушев, прозаики Ю. Носов, Г. Аксёнов. Они первыми стали членами Союза писателей. Позднее в Союз писателей были приняты «гандвиковцы» А. Трапезников, Л. Жукова, А. Прудникова, А. Порохин, А. Сазонов, А. Ипатов.

«Гандвику» исполнилось 55! Творческая эстафета продолжается. Помимо традиционных встреч со школьниками, студентами, моряками Беломорской военной базы, трудящимися предприятий города, ветеранами, объединение ищет новые формы общения с читателем. На сайте [www//stihi.ru](http://stihi.ru) у литературного объединения есть своя страничка, мы выпускаем ежеквартальный литературный журнал, благо компьютерная техника позволяет его тиражировать. Но по-прежнему главной формой общения с читателями считаем слово печатное. Не случайно именно на страницах «Северного рабочего» – газеты, с которой начался «Гандвик», – увидели свет стихи многих «гандвиковцев». И вот теперь первая встреча с читателями главного литературного журнала области.

А. ШИРШИКОВ,
руководитель литературного
объединения «Гандвик»

Анна ЗАЙЦЕВА

РЯБИНА

Я под рябиной о рябине мыслю
И к шёпоту прислушиваюсь листьев.
Наверно, в прошлой жизни меж полями
И я была рябиной и ветвями,
Тянулась к небу,
Любовалась полем,
Своя была – людской не знала боли.
И осенью, когда я здесь бываю,
Рябины красных гроздьев не ломаю:
Под чистым небом на земле великой
Прислушиваюсь к журавлиным кликам,
И так же, как она, а не иначе,
Впадаю в грусть и под рябиной плачу.

Анастасия ТАРБАЕВА

ГОРОДСКАЯ

Юбка новая наутюжена.
Туфли модные с каблуком.
Как пройдёшь, так бабы досужие
Тотчас выглянут из окон.
Парни смотрят – не налюбуются,
Метя мамке твоей в зятя.
Ты пройдёшь деревенской улицей,
Городская – по всем статьям.
А старушки смекнут: из города,
Вспомнят бабку твою, говоря,
Что была она, дескать, гордая,
До работы была яра.
И пахала она, и сеяла,
Боевая – всё нипочём.
От Архангельска вплоть до Сенюги
С Оборонных дошла пешком.
А уж как на неё похожа ты!
Будто вылита – та же статья.
«Не ходила ли, – спросят, – в пожни-то?
Слышь – на бабкины-то места?
Сколько там, говорят, смородины
Сейгод! Вёдрами, глянью, несут...»
Возвращалась бы ты на родину.
Думай, девка, – ведь корни тут!

г. Северодвинск

Обретения,
события,
даты

Наталья БУКАН

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ ПОЛВЕКА

(Послесловие к «Моему котласскому детству». «Двина» № 2 и 3, 2006 г.)

Нередко бывает в жизни так, что в молодые и средние годы, когда происходят главные, определяющие события в нашей судьбе – окончание учёбы, переезды, новые знакомства, любовь, дети, работа – прошлое отодвигается на задний план. Друзья детства разбредаются по белу свету, разъезжаются кто куда; и уже не связывает с ними прочная нить общих повседневных забот и интересов. Но ведь прошлое на самом деле не исчезает, оно живёт в нас; и вдруг по какой-то причине в какой-то момент оно всплывает, отчётливо даёт знать о себе, и тогда происходят встречи.

Вот так вышло и у меня с любимой подружкой моего детства, школьных лет, проведенных в Котласе, – Валей Аристовой. В то время, когда мы оканчивали школу, в Котласе продолжать учёбу было негде. И все, кто хотел учиться дальше, разъезжались по разным городам. Валя после школы поступила в Сольвычегодское педагогическое училище. Я же училась в Московском институте инженеров транспорта. По окончании училища Валя поехала по распределению учительствовать в одну из деревень Коношского района Архангельской области. В 56-м году мы с ней встретились в Котласе, когда она приехала в первый отпуск, а я там в это время проводила летние каникулы после второго курса. Валя готова была бесконечно рассказывать о ребятишках, которых она учила; о том, как перед отпуском водила их на луг собирать цветы и травы; какие интересные вопросы они ей задавали; а также о том, какие красивые места там, где она теперь живёт. Сразу было видно, что она увлечена своей работой, а дети обожают свою молоденькую учительницу. Я слушала и думала, будет ли и мне так же интересно в моей профессии.

В те годы это была последняя наша встреча. Дальше о Валиной жизни, переменах в ней я узнавала, приезжая в Котлас, у её мамы, тёти Оли. Я знала, что Валя вышла замуж, у неё двое детей, что жили они в Северодвинске, а затем переехали в город атомщиков Припять, где на Чернобыльской АЭС работал Валин муж. А Валя по-прежнему преподавала в начальных классах. Тётя Оля рассказывала, как Вале нравится в Припяти, какая

там благодатная природа. В общем, всё у неё было хорошо. Мы не переписывались, и казалось, что так и должно быть.

«Гром грянул» в апреле 1986 года, когда на Чернобыльской АЭС произошла страшная авария. Первой моей мыслью было: «Там Валя!» (Я к тому времени уже давно жила в Санкт-Петербурге, тогда Ленинграде, – родном городе моей мамы.) С этого момента я начала искать Валу.

Конечно, первым делом надо было попробовать узнать что-нибудь у тёти Оли, но оказалось, что она больше не живёт в Котласе. Значит, она уехала к кому-то из дочерей. Ведь были ещё Валины сёстры – Нина и Римма. Я даже знала, в какие города они переехали, выйдя замуж. Да вот незадача – их фамилии в замужестве мне не были известны. И куда я только не обращалась: и в загсы, и в адресные столы, звонила в новый город атомщиков Славутич и даже на саму ЧАЭС, но всё безрезультатно. Время от времени мне приходили в голову новые варианты поиска, и опять ничего из этого не получалось.

А в 2006 году, когда чернобыльской трагедии исполнилось 20 лет, в одной из телепередач прозвучало, что в Интернете создан сайт, посвящённый Припяти и Чернобыльской АЭС. Услышав это, я второпях, наощупь ищу ручку, а сама не отрываю взгляда от экрана, чтобы не пропустить, не забыть и скорее записать адрес сайта. Вот он – шанс найти Валу!

Зарегистрировавшись на форуме сайта, я поместила там своё объявление (к счастью, знаю фамилию Вали по мужу), и сказу откликнулись бывшие Валины ученики, но ничего конкретного пока не было.

Помимо надежды получить ответ на свой вопрос, меня захватило сопереживание участникам форума, которые 20 лет назад, когда их настигла чернобыльская беда, были припятскими школьниками. На форуме они разыскивали друг друга, вспоминали Припять, договаривались о встрече в Киеве 26 апреля (она состоялась). Я настолько погрузилась в их переживания, что у меня возникло ощущение, будто я знакома со всеми этими ребятами – участниками форума. Но, читая их переписку, я конечно же ждала всё время какого-нибудь сообщения о Вале. И оно появилось – таки!

«У Валентины Михайловны Старцевой, у Учителя и Человека, я имел честь набираться ума-разума с 1978 по 1981 год. Она была нашим первым учителем (ПСП № 2), и думаю, что для многих на это время (золотое) стала второй мамой... Что касается её дальнейшей судьбы, то в настоящий момент она проживает (если ничего не изменилось) в городе Северодвинске», – написал бывший Валин ученик Александр Алёшин. Это было уже много! А дальше – ещё лучше: Александр сообщил мне телефон коллеги Вали по припятской школе. И так по цепочке – от бывших учеников к бывшим коллегам – я делаю последний звонок в Киев и, наконец, держу в руках адрес и телефон Вали.

Действительно, её семья опять живёт в Северодвинске. Как это хорошо! Хорошо, во-первых, потому, что в своей стране; во-вторых, потому, что в Архангельской области, в родных краях. С большим облегчением я узнаю ещё и то, что из Припяти они уехали за два года до чернобыльской катастрофы, так что она не коснулась их непосредственно,

и им не пришлось в числе 50 тысяч жителей Припяти в одночасье эвакуироваться, бросив всё: квартиру, имущество и даже животных.

Понятно, что, получив то, что я так долго искала, я моментально позвонила в Северодвинск. Ответил мне Валин сын Сергей, который рассказал, что Валя вместе с мужем с ранней весны до глубокой осени живёт теперь в посёлке Красивом Коношского района. Это те самые места, в которых начиналась её трудовая жизнь и из которых родом её муж.

Вскоре, в день моего рождения муж сообщил: «Я решил сделать тебе подарок: свозить тебя на машине к твоей Вале». Валя же, получив моё письмо, сразу позвонила мне. Как я обрадовалась, услышав в трубке: «Вас вызывает Коноша!» Валя очень волновалась и приглашала приехать в гости.

И вот мы едем в Красивое. По дороге мы останавливаемся в Череповце у младшей Валиной сестры Риммы, знакомимся с её семьёй, и дальше Римма едет вместе с нами.

Места, которые мы проезжаем, нам уже знакомы: за год до этого мы с мужем и его другом путешествовали две недели на машине по Архангельской и Вологодской областям. И не знали мы тогда, проезжая через Вельск, что рядом, в Коношском районе, живут люди, которые будут рады встрече с нами так же, как мы встрече с ними. Мы-то с мужем и раньше здесь бывали, а для нашего друга всё было внове, и он был поражён красотой северной природы, северных рек и северных городов. Правда, один город ему показался совсем неинтересным. И это был мой родной Котлас: дескать, ни старинны, ни архитектуры. Но зато под Котласом есть красивейшее святое место Туровец (из тамошнего источника мы набрали целую канистру вкуснейшей воды); зато стоит Котлас на красивой Северной Двине, и недалеко от него, вверх по Вычегде находится строгановский Сольвычегодск, где мы впервые с удивлением узнали, что экспедиция Ермака в Сибирь была снаряжена на строгановские капиталы. И не могли мои спутники не оценить недавно построенный в Котласе мост для автотранспорта через Северную Двину. А для меня этот мост знаменателен тем, что проходит как раз по тому месту на берегу, где стоял барак, в котором прошли наши детство и школьные годы.

Всю дорогу мы с Риммой без умолку говорим. И мой муж, которому мы, наверное, невольно мешаем как водителю, относится к этому с пониманием. А мы вспоминаем прошлое, говорим о настоящем. От Риммы узнаю, что нет уже в живых тётки Оли и что рано ушла из жизни их средняя сестра Нина.

Едем мы по трассе, ведущей на Архангельск. Начало июля, хорошая погода, вокруг очень красиво, и мы останавливаемся время от времени, фотографируясь на фоне этой красоты. Вот, наконец, и отворотка (так говорят на Севере) от Вельска на Коношу, на которую мы и сворачиваем. С каждым километром, оставленным позади, наша «Калина» приближает нас к Красивому. И вдруг Римма говорит: «Я уже слышу Валино дыхание».

Надо ли описывать, какой была наша встреча? Это и объятия, и слёзы, и смех, и узнавание, и неузнавание, и огромная радость! Я свою дорогую подружку узнала сразу, а Валя сквозь улыбки и слёзы всё повторяла: «Наташа, это ты?» А даль-

ше – торжественный обед, знакомство с Валиным мужем Геннадием, тосты за долгожданную встречу и в память о тех, кого уже нет с нами, прогулки на речку и по окрестностям и воспоминания, воспоминания...

Красивое, на самом деле, очень красивое место, полностью оправдывающее своё название. Добротный дом Вали и Геннадия стоит на краю леса. Здесь они проводят большую часть года. Нам всё у них нравится, и неотъемлемой частью их дома воспринимается живущий у них белый щенок с неожиданно трогательным именем Матросик. У него узкие чёрные глазки с белыми ресничками, отчего кажется, что он смотрит с прищуром, и от этого его мордочка принимает плутовское выражение. Валя так его и зовёт – плутом.

Перед поездкой в Красивое я спросила у Александра Алёшина, что передать учителю. «Помним, любим, ценим!» – был ответ; ну и, разумеется, привет и лучшие пожелания, что я и передаю Вале. Её глаза опять наполняются слезами; она, конечно, тоже помнит и любит своих учеников.

Теперь мы узнаём, почему Валя и её муж Геня уехали из Припяти в 84-м году, за два года до аварии. А всё дело в том, что на Геннадия навалилась ностальгия: ну не мог он там больше жить, хотел на Север, и всё тут! Пришлось и Вале подчиниться этому его желанию. А ведь это, возможно, была интуиция...

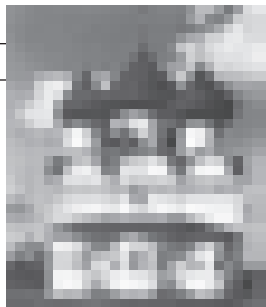
Геннадий – мастер на все руки. Он может и рабочие рукавицы сшить, и корзинки первоклассные сплести, и печку сложить, да не простую, а по чертежам под названием «Экономка». В ней есть плита с топкой и под, как в русской печи. У пода, где пылают, как в камине, разожжённые Геней дрова, вечером мы сидим втроём – Валя, Римма и я. Мы вспоминаем Котлас, наше житьё-бытьё в бараке на высоком берегу Северной Двины и людей, живших рядом с нами. Рассматриваем фотографии и прошлые, и настоящие. И тут Валя, как драгоценную реликвию, достаёт тетрадку-«альбом» (такие «альбомы» мы завели себе в 5–6-м классе) с посвящениями подружек. Полтетрадки оказалось исписано и зарисовано посвящениями «дорогой подруге Валечке от Наташи Букан». Есть там, и «люби меня, как я тебя», и завернутые уголки с секретками, на которых написано: «Никому, кроме Валечки, а кто сунется без спроса, тот останется без носа», и прочие девчоночьи глупости. И ведь у меня тоже сохранился и лежит дома точно такой же «альбом», где всё то же самое, только секреты и пожелания адресованы «дорогой подруге Наташеньке от Вали Аристовой». В уютной кухне, под треск поленьев в печи мы и посмеялись, и всплакнули.

А рабочие рукавицы и целый набор красивых ивовых корзинок разного размера (семь штук!) мы получили от Геннадия в подарок! Да впридачу ещё берёзовые веники и бутыль сохранённого на холоде берёзового сока.

Возвращаясь обратно, мы в дороге почти не разговаривали – нас переполняли впечатления. Путь наш опять пролегал через Череповец, через гостеприимный Риммин дом. Грустно нам было расставаться, но теперь уж наша связь не прервётся!

Санкт-Петербург

Добрый свет «Светилена»

Каргопольский музей любезно пригласил меня принять участие в научной конференции. В культурной программе для участников конференции в один из вечеров значилось: «Концерт хора «Светилена». Что это такое – не представляем абсолютно. Сказали, что концерт будет в храме на Горке. В сопровождении сотрудниц музея идём на край города. Кажется, народу в храм идёт гораздо больше, чем участников конференции. Чуть ли не пол-Каргополя собирается. В праздничной толпе народа, растянувшейся по дороге, оживление, лёгкое возбуждение, слышен сдержанный разговор: «Светилена, Светилена». Но мы ещё ничего не понимаем.

Храм на Горке – отреставрированный: беленый, чистенький, уютный. В части помещений храма и на стенах главного, маленького помещения – экспонаты чудесной выставки: сохранённые, возвращённые из небытия элементы убранства северных храмов. Впрочем, можно ли не писать о том, что выставка «чудесная», и так известно: то, что делает Каргопольский музей, он делает на высшем уровне. В главном, большом зале храма тесно поставлены лёгкие кресла для зрителей. Кресел не хватило. Откуда-то принесли длинные низенькие гимнастические скамеечки. Их тоже не хватило. Люди стоят вдоль стен, толпятся в дверном проёме. Самые отчаянные уселись прямо на пол, образовав партер. А перед алтарём, на ступеньке-солее – два ряда вдохновенно поющих людей. И нет здесь никакой богоугодности, наоборот, получилось удивительно естественно и чисто.

Просветлённые, воодушевлённые лица. Первый ряд, вернее, широкая дуга – около двадцати красивых стройных женщин в сдержанных концертных платьях. Неожиданно ловлю себя на мысли, что чаще смотрю на второй ряд хористов. Там – шесть джентльменов во фраках. Только шесть. Боже, в городе, в толпе людей, не обременённых аристократическими манерами, общаясь с рвано-джинсовым подрастающим поколением, я забыла, как выглядит Мужчина Во Фраке. Передо мной – каргопольские аристократы: благородная стать, сдержанность в движениях, вдохновенные лица. Аристократы таланта. И сочный, глубокий, прямо-таки бездонный бас старейшины хора Анатолия Борисовича Виноградова. Знаю, что ему уже восьмой десяток пошёл. Но разве дашь столько человеку с такой гвардейской выправкой, с горящими по-мальчишечьи глазами, с невероятным воодушевлением в голосе? Да ни в жизнь!

Звучит для гостей величальная песня. Лица хористов освещены той дивной лучезарной чистотой, глядя на которую забываешь и про врзрст, и про всяческие проблемы. Поют они так, что мы явственно чувствуем, как дорого им русское песенное искусство, дороги традиции, дорога земля своя – славное Каргополье. Поют так, будто высказать хотят то, чем изболелись и возрадовались их души. Поют так, чтоб каждый понял: если душа пустая

и мелкая – русской песни не спеть. Даже сердце, кажется, стучит «шёпотом», чтобы не мешать этому дивному согласию. И в голосах их чистейшая искренность, сердечное переживание и страстное желание донести мысль, главную, пронзительную мысль их творчества: люди, будьте добрее.

Когда звучат чистые голоса, столь же чистая мелодия храмовой песни – молитвы или древней народной песни, хочется покориться власти этой песни, слушать её и потом осторожно опустить куда-то на самое дно души воспоминание о ней. И, может быть, здесь впервые ощущаешь, что в век пульсирующих мегаполисов, среди суеты, звона мобильных, телехлама и интернет-спама нам так не хватает этой чистой древней песни, которая очищает от всего грязного, мелочного, наносного, которая заставляет осторожно заглянуть к себе в душу – всё ли у нас там чисто и честно.

Сочные, открытые звуки, легко отделившись от певцов и певуний, обтекают белые стены, чистыми струями устремляются в высоту. Они возносятся всё выше и выше, как птицы в весеннем поднебесье, и там, в огромном световом барабане, накрытом широким куполом, многократно отражаясь от его стен и стёкол, множатся и, кажется, истончаются. А снизу уже устремляются вверх свежие звуки, чтобы в просторе купола догнать те, улетающие, затухающие, и догоняют их в высоте, и сплетаются с ними. А им вдогонку вылетают звуки всё новые и новые... Поднимаешь голову и прислушаешься к волшебному полнозвучию. Это называется акустика.

За распахнутыми окнами спокойно и раздольно несёт свои воды Онега, в бездонном небе величаво плывут белые кучевые облака. Напевные звуки, клубясь, выливаются в окна, поднимаются ввысь, чтобы там, в голубой глубине, слиться со снежно-белыми высокими облаками.

Вечером над Каргополем разверзлись хляби небесные. Ливень, гроза были просто невероятной силы, такой, что во всём городе отключилось электричество. Какая досада! Пришлось свернуть экскурсии по городским храмам-музеям (середина августа, вечер – без искусственного освещения в выставочных залах совсем темно) и шлёпать в гостиницу босиком по тёплым лужам, держа обувь в руках. Сегодня с утра дождь снова напомнил о себе и лил с короткими перерывами целый день. Уже была мысль отменить концерт. Но, видно, в небесной канцелярии всё-таки решили, что негоже гостям со всей России уехать, не увидев и не услышав одну из главных достопримечательностей, одну из главных жемчужин славного Каргополя – добрый свет «Светилена». И дождь притих, успокоился, не стал стучать по металлической кровле и оконным отливам, не стал забивать своим перестуком божественные звуки.

Я не сильна в музыке. Я не помню, что конкретно они тогда пели. В памяти остался только хор. Могучий хор, исполнявший под сводами старого

кирпичного храма что-то духовное. Бортнянский, Рахманинов, кто-то ещё. Отдельные произведения сложились в одну громадную гору величественной музыки. Бывает так: в чистом голубом июньском небе вдруг появится на горизонте белое кудрявое облачко. К нему, клубясь, пенясь и толкаясь, на-ползают другие белые облака, и вот появился высокий облачный Монблан, подсвеченный сверху золотым солнечным сиянием. Снежно-белая облачная гора на пронзительно синем небосклоне. Величественная гора древней музыки. Помню, «Светилен» пел что-то на греческом языке. Это было очень сильно. Пел чудные народные песни. Это было прекрасно. Были русские классические церковные песнопения. Это было божественно. Самым последним произведением, если мне не изменяет память, был хор из оперы «Набукко». Это было непередаваемо. Когда хор замер, слушатели на какое-то время тоже замерли, следя за последними звуками, улетающими под купол храма. А потом зал взорвался аплодисментами.

Два берега, две группы, разделённые узенькой ленточкой авансцены – коренные каргополы, потомки новгородских первопоселенцев, и гости, собравшиеся со всех хороших русских «музейных» местностей – чувствовали одну общую потребность общения, необходимость высказаться и понять. Потребность общения не на уровне всюду проникающих бесцеремонных мобильников, а на каком-то ускользающе-древнем, стародавне-русском уровне, где что-то от удалых бесбашенных новгородских ушкуйников, и от нежной фресковой живописи, и от тоненькой ниточки одинокой песни-молитвы в затерянной в лесу часовенке. И это общение-понимание произошло. И мы, слушающие, были безмерно благодарны исполнителям.

Бессменный руководитель хора – Роза Яковлева Коломай. На Рождество 2008 года коллектив отметил первый юбилей – пять лет творчества. Основу коллектива составляют педагоги и музейщики.

Жаль, что об удивительном этом коллективе почти не знают даже в Архангельске, не говоря уж о «загранице» области. Свети, «Светилен»! Свети, чтобы добрый твой свет пролился над просторами всей православной России. Свети, чтобы знала Русь, какое новое чудо есть в старом добром Каргополе.

Любовь ШАПОВАЛОВА

• НАПОСЛЕДОК

Заглядывая в следующий номер

Третий номер «Двины», который выйдет ближе к осени, в канун нового учебного года, у нас традиционно образовательный. Он рассчитан на школьников, студентов, педагогов, родителей учащих, но мы надеемся, что он, как и предыдущие такие выпуски, будет интересен самому широкому кругу читающих земляков.

В номере, в частности, планируется ломоносовская тематика – уже третий год «Двина» ведёт цикл публикаций, посвящённых 300-летию великого помора.

Отразится в осеннем выпуске образ северного краснопевца Бориса Шергина, 135 лет со дня рождения которого отмечается в этом году.

Продолжится в нашем журнале «абрамовская стезя».

Часть публикаций весеннего номера печатается с продолжениями. Стало быть, в следующем выпуске завершатся воспоминания о поэте Иване Молчанове, записки ветерана-фронтовика Б. Ф. Щепина, продолжится путевой дневник Анатолия Вилегжанина «По Двине в Заполярье – путём предков».

В литературный раздел образовательного выпуска войдут большой обзор архангельской прозы и поэзии, сделанный известным литературным критиком Юрием Дюжевским; юбилейная подборка стихов Александра Логинова, который в августе отметит 60-летие; а также стихи и проза других авторов.

Ожидают читателей третьего номера и сюрпризы. Но им, как и положено сюрпризам, – своё время...

Ждём заказов. Наш адрес – в выходных данных.

Михаил ПОПОВ

- Почтовый адрес редакции:
163069, г. Архангельск, ул. Выучейского, 18-508
- Тел. 65-00-38
- E-mail: dvinalit@atnet.ru
- Http: [//writers.aonb.ru/](http://writers.aonb.ru/)

Журнал зарегистрирован в федеральном государственном учреждении «Северо-Западное окружное межрегиональное территориальное управление Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций» ПИ № 3-5260.

При перепечатке ссылка на журнал «Двина» обязательна.

Рукописи внимательно рассматриваются, но заключения или рецензии авторам не выдаются. О возвращении рукописи автор заботится сам.

Сдано в набор 28.02.08
Подписано в печать 12.04.08
Формат 60×84¹/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 6,51. Тираж 1000.
Заказ 1080.

Компьютерное обеспечение:
Л.Е. Авдеева, Н.А. Ермакова,
Р.В. Федосов, Н.Г. Устюжанина,
Г.Е. Владимирова, Е.И. Малышева.

Корректоры: А.С. Дерябина,
С.В. Калинина, Ю.С. Кузнецова,
Н.А. Низовцева.

Журнал набран, сверстан и отпечатан в ОАО «ИПП «Правда Севера», Архангельск, пр. Новгородский, 32